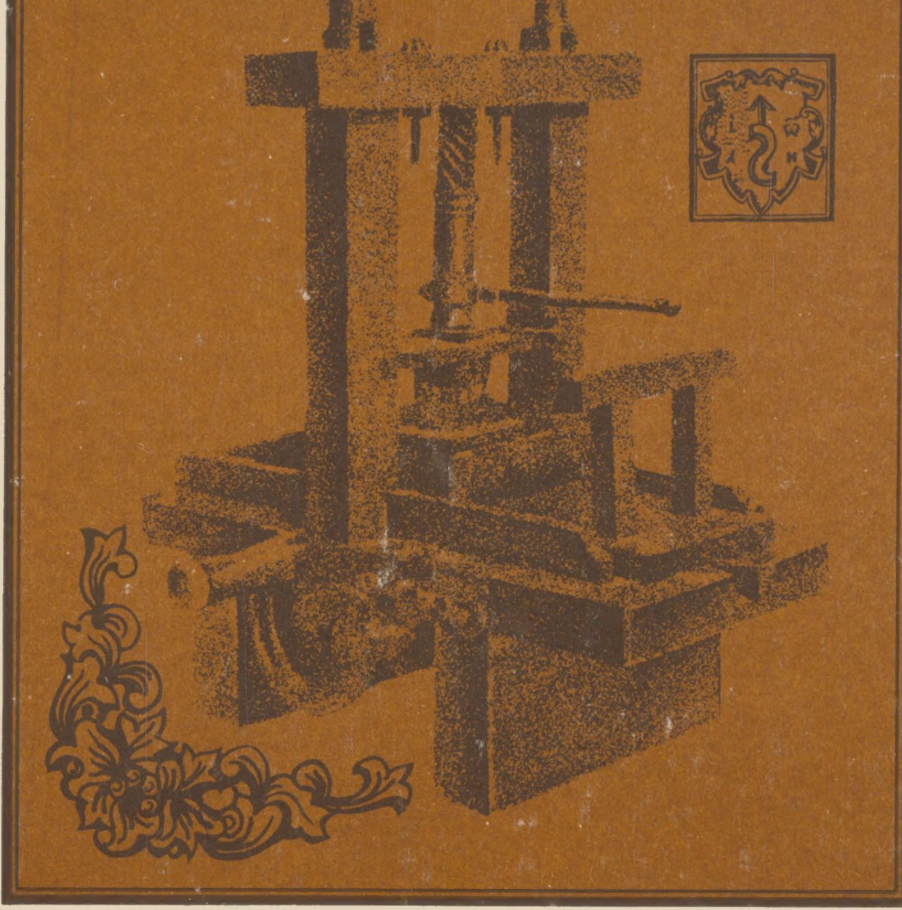
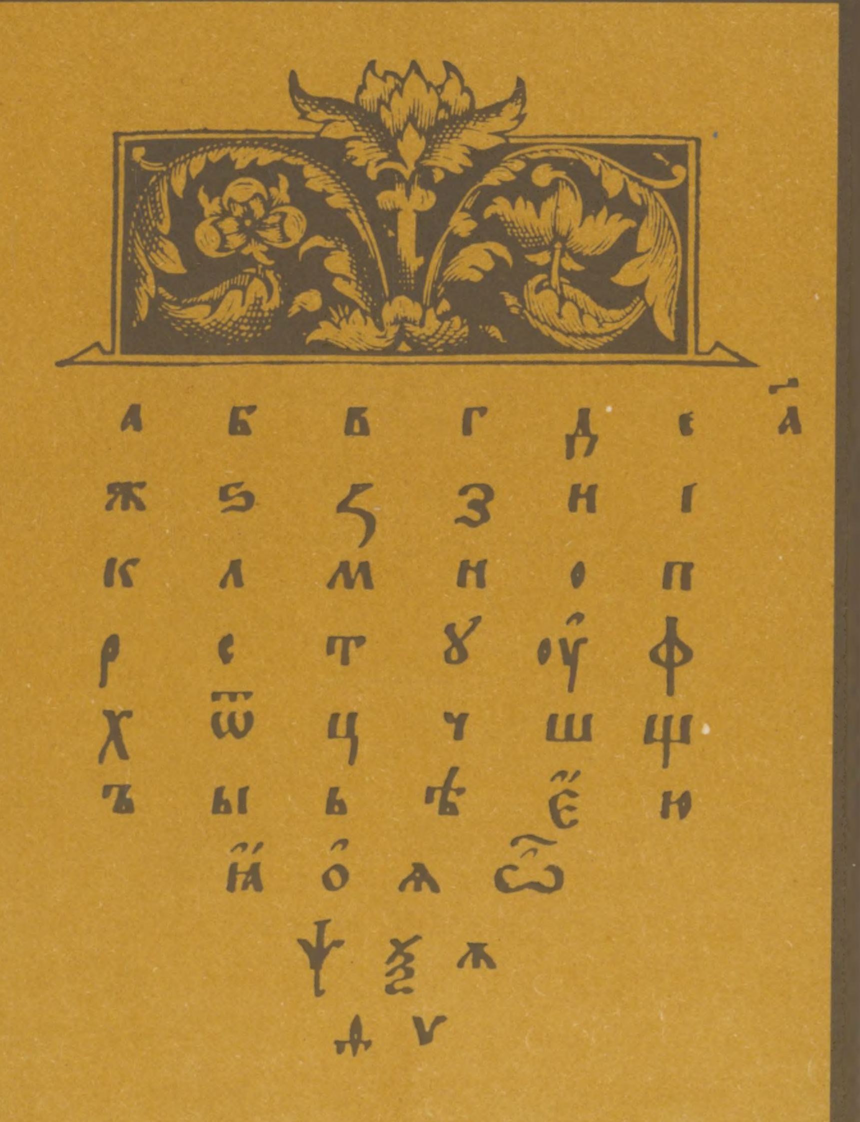
Е. Л. Немировский

По следам первопечатника

а б в г д є
ж ѕ ꙁ з и і
к л м н о п
р с т ꙋ оу ф
х ѿ ц ч ш щ
ъ ы ь ѣ ѥ ю
ꙗ ѻ ѧ ѡ
ѱ ѯ ѫ
ѳ ѵ

Е. Немировский

По следам первопечатника

Памяти первопечатника
Ивана Федорова –
в год 400-летия
со дня его смерти

Е. Л. Немировский

По следам первопечатника

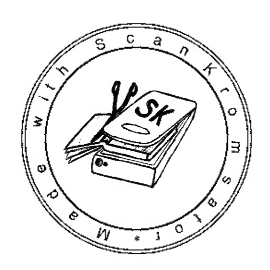

«Современник»

Москва
1983

76.11
Н50

Оформление А. Ф. Серебрякова

Немировский Е. Л.

Н50 По следам первопечатника.— М.: Современник, 1983.— 215 с., ил.

Книга доктора исторических наук Е. Л. Немировского посвящена памяти первопечатника Ивана Федорова, 400-летие со дня смерти которого отмечается в 1983 году.

Автор принадлежит к тем исследователям, которые по крупицам разыскивают в библиотеках и архивах материалы о жизни и деятельности нашего великого соотечественника.

В книге рассказывается о поисках и находках, обогативших сокровищницу истории российской словесности.

Н $\frac{4603010101—289}{М106(03)—83}$ 294—83

ББК76.11
002

© Издательство «Современник», 1983 г.

Великие дела предков потомки увековечивают в бронзе, мраморе, граните...

В самом центре Москвы стоит памятник, воздвигнутый в 1909 году по проекту скульптора Сергея Михайловича Волнухина (1859—1921). Бронзовый монумент изображает человека в старинной долгополой одежде. Открытое русское лицо, высокий лоб мыслителя, перехваченные ремешком волосы...

На постаменте надпись: «Николы чюдотворца Гостунъского диякон Иван Федоров. 1563 19 апр.».

Имя Ивана Федорова — человека, подарившего нашей стране книгопечатание,— известно каждому.

Печатный станок — детище эпохи Возрождения. «Это был величайший прогрессивный переворот из всех переворотов, пережитых до того человечеством,— писал Фридрих Энгельс,— эпоха, которая нуждалась в титанах и которая

породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»[1].

Одним из таких титанов был Иван Федоров, великий сын русского народа.

Появление типографского станка — важная веха в истории культуры. Устное слово, будучи записано, а затем воспроизведено в десятках, сотнях и тысячах оттисков, становится активным средством воздействия на умы, орудием просвещения и воспитания.

Основоположники марксизма-ленинизма исключительно высоко оценивали роль печатного искусства в истории человеческого общества.

Называя три великих изобретения, которые «вводит буржуазное общество»,— порох, компас и книгопечатание,— Карл Маркс пояснял: «Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится средством протестантизма и, вообще, возрождения науки, самым мощным рычагом для создания предпосылок необходимого духовного развития»[2].

«Книга — огромная сила». Эту емкую ленинскую формулу дополняет другое высказывание основателя первого в мире социалистического государства: «Печатный станок — сильнейшее наше оружие»[3].

---

[1] Энгельс Ф. Диалектика природы. М., Политиздат, 1953, с. 145—146.

[2] Маркс К. Машины. Применение природных сил науки (Из рукописи 1861—1863 гг.).— Вопросы истории естествознания и техники, 1968. Вып. 25, с. 36.

[3] Ленин В. И. Ленин и книга. М., Политиздат, 1964, с. 362; Ленинский сборник, т. 37, М., 1970, с. 70.

У истоков книгопечатания

Переход от рукописной книги к печатной — важный этап в становлении и самоутверждении народа. Мы чтим память незаурядных людей, участвовавших в этом событии. Жизнь их была подвигом. Каждодневно и ежечасно им приходилось сражаться с обскурантизмом, преодолевать человеческое невежество и косность, сталкиваться с кознями и интригами недоброжелателей.

Таким был и нелегкий жизненный путь московского и украинского первопечатника Ивана Федорова.

Он родился около 1510 года, но где — неизвестно. По некоторым сведениям, учился в Краковском университете и получил в 1532 году ученую степень бакалавра. Совершенно точно установлено, что в 1563 году он был дьяконом кремлевской церкви Николы Гостунского в Москве.

40-е и 50-е годы XVI столетия — время ожесточенной классовой борьбы и серьезных идеологических распрей внутри господствующего класса феодалов.

Идеологическая борьба в ту пору имела религиозную окраску. Прогрессивно настроенные реформационные круги дворянства и низшего духовенства, а также значительно более умеренные оппозиционеры — «нестяжатели» — резко критикуют «нестроения» верхушки православной церкви. В публицистике тех лет шла речь о фальсификации текста «священных» книг, о тенденциозных исправлениях, внесенных в них церковными феодалами.

Реакционеры объявили предосудительным сам процесс чтения. «Не читай много книг, тогда и не впадешь в ересь,— заявляли они.— Книга — причина душевных недугов человека». Рьяные обскуранты подняли руку даже на авторитет Священного писания: «Грех простым читать Апостол и Евангелие!»

В противовес программе гонителей книги мужественный и принципиальный гуманист, талантливый публицист Артемий провозгласил: «До смерти учиться подобает!»

Пропаганда просвещения, критика рукописного способа изготовления книг были сочувственно встречены участниками правительственного кружка «Избранная рада», которому в молодые годы царя Ивана IV принадлежала вся полнота власти. Во главе кружка стояли государственный деятель Алексей Федорович Адашев и священник придворного Благовещенского собора Сильвестр. Духовный сан не мешал Сильвестру заниматься мирскими делами. Был он мастером на все руки — серебряником, каменщиком, художником-орнаменталистом, вел торговлю с иноземцами. Был и литератором — составил прославленный «Домострой», своеобразный кодекс домашнего уклада, свод правил на все случаи жизни.

В доме у Сильвестра работали мастера, изготовлявшие рукописные книги и иконы. Здесь же, в начале 50-х годов XVI века, возникла первая в Москве типография. Дело было новым, и Сильвестр не знал, как оно будет принято в высших кругах духовенства. Возможно, именно поэтому ни в одной из напечатанных в типографии книг не указано, кто, где и когда их делал. Книги эти ученые называют «безвыходными», а типографию — «анонимной».

Всего в доме Сильвестра в 50-х — начале 60-х годов напечатали семь безвыходных книг: три «Четвероевангелия» (их различают по шрифтам: узкошрифтное, среднешрифтное и широкошрифтное), две «Псалтыри» (среднешрифтная и широкошрифтная), «Триодь постную» и «Триодь цветную».

Кто работал в первой московской типографии?

В двух документах 1556 года — в них идет речь о церковном строительстве в Московском Кремле — назван «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев. О нем ничего не известно. Ученые считают, что он работал в анонимной типографии. Там же, видимо, трудился и Иван Федоров, хотя и его имя в безвыходных изданиях не названо. Впоследствии первопечатник будет использовать такие полиграфические приемы, которые нигде, как в типографии Сильвестра, не применялись. Следовательно, научиться им Иван Федоров мог только здесь.

В конце 50-х годов Сильвестр попал в немилость. Его сослали в далекий Кириллов монастырь. Для изготовления богослужебных книг царь Иван IV основал государственную типографию, во главе которой стал Иван Федоров — наиболее способный мастер первой московской книгопечатни.

Это решение царя — закономерный результат политики централизации, усиленно проводимой им во всех областях политической, экономической и культурной жизни Московской Руси.

Напечатали «Апостол» большим по тому времени тиражом — до полутора тысяч экземпляров. Сохранилось из них около шестидесяти.

19 апреля 1563 года Иван Федоров вместе с другом и помощником своим Петром Тимофеевым Мстиславцем, с благословения митрополита Макария, начали печатать «Апостол». Без малого год спустя, 1 марта 1564 года, первая точно датированная московская книга вышла в свет. В конце ее помещено послесловие, называвшее имена печатников, указывавшее даты начала работы над книгой и ее выпуска.

Второй книгой государственной типографии был «Часовник», выпущенный двумя изданиями в 1565 году. Первое из них было начато 7 августа 1565 года и окончено 29 сентября 1565 года. Другое печаталось со 2 сентября по 29 октября. По этой книге в ту пору учились читать.

Других московских изданий Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца мы в настоящее время не знаем. Не исключено, что они существовали, но до нас не дошли. О некоторых из них упоминает библиограф XVIII века епископ Дамаскин, в миру — Дмитрий Ефимович Семенов-Руднев (1737—1795). Называет он, например, печатные «Копию с трактату перемирного меж его величеством царем и великим князем Иоанном Васильевичем самодержцем всероссийским и королем шведским Ирином XIV, учиненного 1564 года», «Беседы на евангелиста Иоанна, печатаны в 1564 году», «Беседы Златоустаго на послания апостола Павла, часть первая, московской печати, печатаны в 1565 году».

Вскоре после издания «Часовника» 1565 года первопечатникам пришлось оставить Московское государство. Они переселились в Великое княжество Литовское, на восточных землях которого жили украинцы и белорусы, исповедовавшие православие и говорившие на языке, который сами называли «русским». Этот язык был государственным, в Великом княжестве Литовском на нем велось все делопроизводство.

Почему Иван Федоров покинул Москву?

Ученые дают на этот вопрос разные ответы. Сам же первопечатник в послесловии «Апостола» 1574 года рассказывал, что в Москве нашлись люди, которые захотели «благое во зло превратити и божие дело вконец погубити». Люди эти «зависти ради многие ереси умышляли»; они объявили деятельность Ивана Федорова богопротивной, еретической. Первопечатник говорит о своих преследователях глухо. Мы узнаем лишь, что гонения исходили «не от самого... государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель».

Нет сомнения, что это — феодальная верхушка церкви, убежденный враг всех и всяческих нововведений. Это те самые «мнящиеся быти учителя», которые заявляли: «Грех простым читать Апостол и Евангелие!»

Покинув Москву, типографы встретили благожелательный прием в Заблудове — укрепленном замке гетмана Григория Александровича Ходкевича. Здесь, в Великом княжестве Литовском, Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец 8 июля 1568 года начали, а 17 марта 1569 года закончили печатать «Учительное Евангелие», предназначенное для просвещения православного люда белорусских и украинских земель. На его страницах мы находим «Слово» писателя и проповедника XII века Кирилла Туровского. Это первый преданный типографскому станку памятник древнерусской словесности.

Тираж книги был достаточно большим — до настоящего времени сохранилось сорок четыре экземпляра. Часть тиража отправили в Москву. Лишь в библиотеке торговых людей Строгановых в 70-х годах XVI века было восемнадцать «Учительных Евангелий».

Вторым заблудовским изданием стала «Псалтырь с Часословцем», вышедшая в свет 23 марта 1570 года. Книгу эту, как и «Часовник», использовали для обучения чтению. Сейчас все древние учебные книги очень редки. Заблудовская «Псалтырь» сохранилась всего в трех экземплярах: один из них находится в Ленинграде, второй — во Львове, третий недавно был найден в Англии.

Заблудовская типография Ивана Федорова сыграла значительную роль в становлении постоянного книгопечатания в Белоруссии, в развитии русско-белорусских и русско-литовских культурных связей. Но действовала она недолго — всего около четырех лет. Петр Тимофеев Мстиславец из Заблудова направился в Вильну и здесь заложил друкарню, которая в течение многих лет печатала книги для белорусов. Иван Федоров в конце 1572 года перебрался во Львов и основал первую на украинской земле типографию. 25 фев-

раля 1573 года он начал, а 15 февраля 1574 года закончил печатать «Апостол», который во многих отношениях был повторением московского издания. В конце его помещено послесловие «Сия убо повесть изъявляет, откуду начася и како свершися друкарня сия» — взволнованный рассказ Ивана Федорова о своих трудах и злоключениях, первое напечатанное произведение русской мемуарной литературы.

Тираж «Апостола» был большим. Мы судим об этом по тому, что и сегодня в библиотеках и в музеях находится более 90 экземпляров этого издания.

Одновременно в львовской типографии печаталась «Азбука». Составил первый русский и украинский учебник сам Иван Федоров. Единственный экземпляр книги в 1927 году был найден в Риме; ныне он находится в США. Выпустив в свет «Азбуку», над которой типограф трудился, как он сам сказал в послесловии книжки, «ради скорого младенческого научения», Иван Федоров направил свои стопы в Острог, куда его пригласил крупный украинский феодал Константин Константинович Острожский. Здесь он прежде всего напечатал дополненное издание «Азбуки», содержавшее параллельные греко-славянские тексты и рассказ об изобретении славянской письменности великими просветителями Кириллом и Мефодием. «Азбука» вышла в свет 18 июня 1578 года; экземпляры ее лишь недавно были найдены в ГДР и Дании.

В 1580 году в Остроге были напечатаны «Псалтырь и Новый завет» и любопытная «Книжка собрание вещей нужнейших» — первый в истории нашей словесности алфавитно-предметный указатель. В 1580—1581 годах появилась «Острожская Библия» — большой том объемом в 1256 страниц, замечательный памятник культуры. Книга эта всемирно известна. Не менее 300 экземпляров «Библии» хранятся во многих библиотеках — как в нашей стране, так и за рубежом: в Белграде, Варшаве, Вашингтоне, Вене, Кембридже, Кракове, Лондоне, Манчестере, Мюнхене, Оксфорде, Париже, Риме, Софии, Хельсинки...

В 1581 году Иван Федоров напечатал и «Хронологию» — наш первый печатный календарь.

Кроме типографского ремесла Иван Федоров овладел литейным делом, лил пушки, а возможно, и колокола. Он изобрел многоствольное орудие с взаимозаменяемыми частями. В последний год жизни печатник побывал в Кракове и Вене. Умер он во Львове 5 декабря 1583 года.

Таковы основные события плодотворной жизни Ивана Федорова. Эти сведения, которые сегодня можно найти на

страницах учебников и энциклопедий, добыты вдохновенным упорным трудом десятков ученых и сотен энтузиастов-библиофилов.

Наш рассказ — о следопытах, которые на протяжении вот уже двух столетий собирают книги Ивана Федорова, по крупицам разыскивают в библиотеках и архивах материалы о его жизни и деятельности.

Памятник Ивану Федорову в Москве.
Скульптор С. М. Волнухин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Какой-то друкарь московитский...»
«Первого издания печатным тиснением»

Когда началось книгопечатание в Москве?

«Я отдал бы половину своей библиотеки за «Острожскую Библию»

«Не только оружием»

«Откуду начася и како свершися...»

«Опыт российской библиографии»

Указатель Тимофея Михайловича

Археографические экспедиции

В лавке у почтенного старца Игнатия Ферапонтова

«Преставился во Львове...»

Второе московское издание?

На Нижегородской ярмарке

Первый календарь

«Своей Руси услугуючи»

«Какой-то друкарь московитский...»

Погожий декабрьский день. Солнце пробило тяжелое марево облаков и заиграло на крышах домов, покрытых недавно выпавшим снегом. На фоне прозрачной, словно вымытой синевы над городом возник силуэт Высокого Замка. А под Замком, где обнаженные ветви каштанов сбегают к приземистым стенам монастыря святого Онуфрия, собрался народ. В ворота, увенчанные строгим прямоугольником надвратной церкви, вносят некрашеный гроб. Умер человек, который не был богат. Но люди любили и уважали его. На похороны собрался весь православный Львов.

На монастырском дворе гроб встретил отец Леонтий, настоятель святого Онуфрия. Покойный был ему другом, они вместе не раз коротали зимние вечера. Лопаты с трудом входили в замерзшую землю. Гроб опустили в яму; над ней вырос усыпанный цветами холм.

Так, в декабре 1583 года, Львов проводил в последний путь московского и украинского первопечатника Ивана Федорова. Это печальное событие изображено на литографии народной художницы Украины Е. Л. Кульчицкой, созданной в 1949 году.

Вечером на поминках Иван Иванович, сын типографа, плакал. Не знал, не ведал, что самому ему осталось жить около года. Сидели за столом друзья покойного, которых у него всегда было много. Мог ли кто-нибудь из них представить немеркнущее величие посмертной славы, осенившей имя человека, с которым они повседневно встречались?

Современникам не часто дано оценить значение подвига, свершенного человеком, который жил, боролся и страдал у них на глазах.

Еще при жизни Ивана Федорова его ученики Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев, в послесловии напечатанной ими в 1568 году «Псалтыри», утверждали, что именно их трудами — повелением же царя Ивана Васильевича Грозного — «в преслоем граде» Москве была устроена «штанба, сиречь дело печатных книг». Об учителе своем и о его типографии, выпустившей за четыре года пред тем первую точно датированную московскую печатную книгу, Невежа и Никифор не упоминали. Может быть потому, что Ивану Федорову к этому времени пришлось покинуть Москву?

Полвека спустя после смерти Ивана Федорова о жизни и деятельности его почти ничего не знали. Неизвестный нам по имени книжник, который в 40-х годах XVII века составил на Московском Печатном дворе первую историю русского книгопечатания — «Сказание известно о воображении книг печатного дела», об Иване Федорове мог рассказать лишь то, что сам типограф поведал в послесловии своего первого «Апостола».

Вот слова этого книжника:

«...По повелению царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России... начаша изысковати мастерства печатных книг, кто бы смыслен и разумен к таковому делу обрелся. И обретеся некто смыслен и хитр к таковому орудию, Николы чудотворца Гостунскаго, иже и ныне зрится той храм близ двора царева. И у тоя церкви диякон был, званием Иван Федоров сын, да другий клеврет его Петр Тимофеев сын, Мстиславец, искусны бяху и смыслени к таковому хитрому делу. Глаголют же нецеыи о них, яко от самех фряг (то есть от итальянцев.— *Е. Н.*) то учение прияста».

Точных обстоятельств начала книгопечатания на Руси автор «Сказания» не знал. До него доходили неясные сведения о том, что и до Ивана Федорова в Москве печатались книги. Впрочем, возможно, что печатал их сам Иван Федоров со своим товарищем: «Повествует же ся от неких, яко преже их нецыи, или будет и они сами, малыми и некими неискусными начертании печатываху книги».

Не помнили Ивана Федорова и во Львове, где он заложил первую на украинской земле друкарню. Отец Гавриил Попель, начавший в 1771 году писать «Книгу истории монастыря львовского Онуфриевского», сообщил на одной из страниц, что «при церкви» монастыря погребен «какой-то друкарь московитский». Попель

Похороны Ивана Федорова.
С литографии Е. Л. Кульчицкой. 1949 г.

считал необходимым сохранить надгробие. Но не потому, что чтил память типографа, а лишь как доказательство существования в монастыре в XVI веке типографии.

Книги Ивана Федорова, которых много было рассеяно на русских, украинских и белорусских землях, хранились в небрежении. Никто ими, вплоть до конца XVII столетия, не интересовался.

«Первого издания печатным тиснением»

Осенью 1695 года Петр I осматривал «книгохранительную палату» кремлевского Чудова монастыря.

В покоях стояла полутьма. Тонкий солнечный луч, пробившийся через зарешеченное оконце, осветил массивные дубовые полки. Царь взял один из томов, стукнул о колено, чтобы отряхнуть от пыли. С любопытством стал перелистывать. Что-то привлекло его внимание на последних страницах. Петр перечитал их, закрыл книгу, застегнул медные застежки, сунул том под мышку и размашистым шагом вышел во двор.

С книгой, заинтересовавшей царя, ныне можно познакомиться в Центральном государственном архиве древних актов.

Она поступила в архив из бывшей Синодальной типографии, унаследовавшей библиотеку Московского Печатного двора. О том, как она попала в библиотеку, рассказывает запись на одной из страниц.

«Книга великого Государя казенная, взята из книгохранительной палаты Чудова монастыря для того, что она первого издания печатным тиснением. И от той книги почала быть Московская книжная типография. И отдана в книгохранительную палату, потому что на Печатном дворе в книгохранительной палате такой книги не было».

Запись сделал дьяк Андрей Михайлов 3 ноября 1695 года.

Откуда царь Петр узнал, что именно эта книга «первого издания печатным тиснением»?

Раскроем том и заглянем в конец его.

Строки, отпечатанные четким и красивым славянским шрифтом, читаются легко. Перед нами послесловие, автор которого рассказывает о большом церковном строительстве, предпринятом «повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича». По всем градам Московской Руси, а особенно — в недавно завоеванной Казани — воздвигались «многие святые церкви». Храмы царь украшал «честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми».

Книги Иван Грозный велел покупать «на торжищих». Среди рукописей — а печатных книг на Руси в ту пору еще не было — «мали обретошася потребни», большинство же было неисправных — с ошибками.

Ошибки делали переписчики, которых автор послесловия пренебрежительно именует «ненаученными и неискусными в разуме».

Царь решил завести типографию — стал «помышляти, како бы изложити печатные книги». Он знал, что такие книги есть у греков, в Венеции, во Фригии и «в прочих языцех». Мысль свою Иван IV изложил митрополиту Макарию, который «зело возрадовся» и благословил царя на основание типографии. Тогда-то и начали «изыскивати мастерства печатных книг».

Царь приказал соорудить «дом... иде же печатному делу строитися». Нашлись мастера — дьякон церкви Николы чудотворца Гостунского Иван Федоров да Петр Тимофеев Мстиславец.

Мастера эти «первее начаша печатати» именно ту книгу, о которой идет речь — «Деяния апостольские и послания соборные и святого апостола Павла послания».

Для простоты и краткости эту книгу на протяжении вот уже нескольких столетий именуют просто «Апостолом».

Экземпляр, побывавший в руках царя Петра, в 1908 году показывали на выставке, устроенной в Москве в память 200-летия гражданского алфавита.

В 1914 году историк А. А. Покровский опубликовал запись, сделанную на страницах книги дьяком Андреем Михайловым. В том же 1914 году экземпляр увезли в Лейпциг — на Международную выставку печатного дела и графики. Вскоре началась война, и следы книги потерялись...

В начале 60-х годов, работая над монографией «Возникновение книгопечатания в Москве», я решил просмотреть в библиотеках, музеях, архивах все сохранившиеся до наших дней экземпляры «Апостола» 1564 года. Экземпляра с записью Андрея Михайлова среди них не было. В Центральном государственном архиве древних актов сказали, что книга утеряна.

— Скорее всего она осталась в Лейпциге,— предположила сотрудница архива.

В 1968 году постоянные «книжные» интересы привели меня в старейший в мире Германский музей книги и шрифта в Лейпциге.

Я долго стоял перед изогнутым по дуге зданием Немецкой библиотеки, в котором размещен музей. Неподалеку высилась бесформенная громадина памятника «Битвы народов», воздвигнутого в 1913 году, когда отмечалось 100-летие сражения. И как аккомпанемент к нему — золотая маковка русской церкви — память о 22 000 наших соотечественников, сложивших головы в кровопролитном бою против армии Наполеона.

С фронтона Немецкой библиотеки смотрел Иоганн Гутенберг — изобретатель книгопечатания.

По залам музея меня водил директор Фриц Функе, автор широко известного учебника «Книговедение», выдержавшего много изданий, а в 1982 году выпущенного и на русском языке.

Около одной из витрин я резко остановился, к немалому удивлению моего спутника. Под стеклом — хорошо знакомый мне разворот «Апостола» 1564 года с записью Андрея Михайлова.

Книга, однако, оказалась не подлинной. Это был лишь хорошо сработанный муляж с факсимильным воспроизведением одного разворота. Как я узнал впоследствии, в 20-х годах факсимиле было опубликовано в немецком книговедческом журнале.

Где же сам экземпляр? Быть может, в одной из немецких библиотек? Или погиб в годы войны?

Отыскалась книга... в Москве, в том самом Центральном государственном архиве древних актов, где ее долго считали утерянной. Пришла в архив молодая энергичная сотрудница Светлана Романовна Долгова, привела в порядок библиотеку и обнаружила в ней много такого, о чем ранее никто не догадывался и о чем можно рассказывать часами. Среди находок — и тот экземпляр «Апостола» 1564 года, который некогда перелистывал Петр I.

Статью о своей находке С. Р. Долгова напечатала в 1973 году в известном нашем книговедческом сборнике «Книга. Исследования и материалы». Кроме записи Андрея Михайлова на страницах «Апостола» отыскались и другие. Старейшая из них сделана 26 октября 1570 года — через 6 лет после выхода книги в свет. Рассказывает она о том, что инок Сергий, который «в миру был Семен Савельев сын», подарил книгу в Чудов монастырь.

Запись свою Сергий заключил заклятием: «И кто сию книгу возьмет насильством, архимандрит или иные кто, и он со мною судится пред богом».

Петр I не испугался заклятия и 125 лет спустя передал книгу на Печатный двор.

Молодому царю, энергично переустраивавшему быт и экономику России, мы обязаны и другой находкой. В Воскресенской дворцовой церкви Московского Кремля он обнаружил «Остромирово Евангелие» — первую известную нам русскую рукописную книгу, созданную в 1056—1057 годах.

Когда началось книгопечатание в Москве?

Первое произведение русской литературы, отданное типографскому станку — послесловие к «Апостолу» 1564 года. Иван Федоров был большим мастером слова — ныне никто не сомневается в справедливости этого утверждения.

Выше мы цитировали послесловие. Но отдельные фразы, вырванные из контекста, не могут дать представления о всем произведении, о литературном таланте его автора. Предлагаем читателям вслушаться в музыку текста. Говорит Иван Федоров:

«Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия Росия самодержца и благословением преосвященного Макария митрополита всея Русии многи святые церкви воздвизаемы бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем градом царства его, паче же — в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределех его. И сия вся святыя храмы благоверный царь украшаше честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми... И тако благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии повеле святыя книги на торжищих куповати и в святых церквах полагати: Псалтыри, и Евангелия, и Апостолы, и прочая святыя книги. В них же мали обретошася потребни, прочии же вси растлени от преписующих ненаученных сущих и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишуших. И сие доиде и царю в слух. Он же начат помышляти како бы изложити печатные книги, яко же в грекех, и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех, дабы впредь святыя книги изложилися праведне. И тако возвещает мысль свою пресвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святитель же, слышав, зело возрадовася, и богови благодарение воздав, царю глаголяше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и благословением пресвященного Макария митрополита начаша изыскивати мастерства печатных книг...»

Здесь мы на время прервем Ивана Федорова. Воспроизводя его речь, мы несколько осовременили орфографию и не соблюдали пунктуацию XVI века, во многом случайную. Дальнейший же текст нужно привести с максимальной точностью, ибо над его противоречивостью давно уже ломают голову историки и филологи.

Продолжает говорить Иван Федоров:

«...начаша изыскивати мастеръства печатных книг, в лето, 61, осмыя тысящи, въ, 30, е, лето государьства его. Благоверный же царь повеле устроити дом от своея царския казны, иде же печатному делу строитися. И нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем, Николы чюдотворца Гостунъского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению, дондеже и на совершение дело их изыде».

Здесь приведена дата, когда в Москве начали сооружать первую типографию. Случилось это в 61-м году восьмого тысячелетия на 30-м году царствования Ивана Васильевича Грозного.

В допетровской Руси время отсчитывали от «сотворения мира», которое, как утверждали богословы, произошло в 5508 году до рождества Христова. Чтобы перейти со старого летосчисления на новое, введенное в России по указу Петра с 1 января 1700 года, нужно от старой даты отнять 5508.

Произведем нехитрое арифметическое действие. 7061 год — это 1553 год. Но вот беда! 30-е лето царствования Ивана Грозного приходится не на 1553-й, а на 1563 год.

Когда же была основана первая типография в Москве — в 1553 году или же 10 лет спустя?

В послесловии есть и другие даты.

«И первее начаша печатати сия святыя книги Деяния апостольска и послания соборная и святого апостола Павла послания в лето 7070 первое априля в 19 день на память преподобного отца Иоана Палеврета... Совершени же быша в лето 7070 второе марта в 1 день при архиепископе Афанасии митрополите всея Росия в первое лето святительства его».

Итак, «Апостол» начали печатать 19 апреля 7071 года, а кончили 1 марта 7072 года. Чтобы установить, когда отмечать юбилей русского книгопечатания, нужно учесть величину несоответствия между старым стилем — Юлианским календарем, и новым, который был введен в 1582 году римским папой Григорием XIII, почему и получил название Григорианского. В нашей стране Григорианский календарь стал употребляться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции; разница между старым и новым стилями составляет в XX веке 13 дней. А во времена Ивана Федорова она была поменьше — 10 дней.

Теперь нам легко подсчитать, что «Апостол» начали печатать 29 апреля 1563 года, а окончили 11 марта 1564 года.

Сопоставив эти даты с указанием на время начала строительства типографии, ученые решили, что «7061 год от сотворения мира», или 1553 год «от рождества Христова», не более чем опечат-

ка. Не могли же строить избу, в которой помещалась типография, 10 лет.

На самом деле 1553 год в послесловии «Апостола» был указан совсем не случайно. В этом году начала работать анонимная типография. Сказать о ней прямо Иван Федоров не мог из-за опалы Сильвестра.

Обо всем этом речь пойдет ниже. Пока же расскажем еще об одном издании Ивана Федорова, пожалуй самом знаменитом.

«Я отдал бы половину своей библиотеки за «Острожскую Библию»...»

Слова эти принадлежат Йосефу Добровскому (1753—1829), прославленному чешскому филологу и историку, классику славяноведения. А другой незаурядный человек, проповедник и полемист XVII столетия Михаил Андрелла-Оросвиговский утверждал, что «един листок» этой книги он «не дал бы за всю Прагу, Англию, немецкую веру, и за Литву, Прусы, Гельвецы, Поляки, Мураву, Тоты, Чехи, Сведы, Фландры...» И Андрелла в полемическом задоре перечислил еще с добрый десяток стран, племен, народов.

Один из экземпляров «Острожской Библии» находится в Центральном государственном архиве древних актов — в том самом собрании Московской Синодальной типографии, которое унаследовало древнюю библиотеку Московского Печатного двора и куда трудами Светланы Романовны Долговой, как, наверно, помнит читатель, возвращен «Апостол» 1564 года. Страницы толстого тома покрыты многочисленными исправлениями и пометами. Наборщики Московского Печатного двора использовали книгу как оригинал, работая в 1663 году над первой московской «Библией», напечатанной повелением царя Алексея Михайловича, отца Петра I.

На титульном листе стоит дата — 1581 год. А в послесловии имя Ивана Федорова.

Говорит первопечатник:

«Благоволи еси убо православному князю в ум сие прияти, да мне многогрешному и зело недостойному повели божественное слово твое всем повсюду тиснением печатным преложити...

Всем же повсюду православным христианом, господием и братии и другом, раболепно метание до лица земного умилено сотворяю. От усердия же души прилежно молю, аще приключися некое погрешение, прощайте... Сущия же богоприятныя и душеправительныя книги Ветхого и Нового завета напечаташась мною многогрешным Иоанном Феодоровым сыном з Москвы в богохранимом граде Острозе в лето от создания мира 7089, от воплощения господа... 1581 месяца августа 12 дня».

Острог — ныне районный центр Ровенской области УССР. Утопают в зелени садов белые хатки. На горе, над заросшей камышом речкой Вилия, возвышаются купола пятиглавой церкви Богоявления. От некогда опоясывавшей город крепостной стены осталась Круглая башня, прорезанная узорчатыми бойницами и увенчанная высоким аттиком с зубчатым парапетом.

Неподалеку от церкви — замок. Его многократно перестраивали; сейчас уже трудно представить, как он выглядел при Иване Федорове. В ту пору Острог был центром удельного княжества, владел которым богатейший магнат Польско-Литовского государства, князь Константин Константинович Острожский. Это о нем говорит Иван Федоров в своем послесловии к «Острожской Библии».

В Краеведческом музее, который ныне находится в замке, можно увидеть портрет князя. Ухоженная бородка. Изнеженное, почти женское лицо. Руки, нервно перебирающие четки.

Прожил он долгую и богатую событиями жизнь. Рассказывая о появлении на свет Константина Острожского, летописец посчитал необходимым отметить, что «того же року... уродилося дитя — голова львова, перси косматые, скригитало зубами, голосом страшным рычучи». Этот «див человеческий» умер восемь лет спустя. Князь же дожил до 82 лет.

Владения у него были немалые — 100 городов, 1300 сел, 10 монастырей, леса, луга и пахоты... Большую часть времени князь проводил в Остроге, хотя нередко наезжал во Львов и Краков. Острожский замок имел два этажа. В девяти подземных склепах хранились несметные сокровища — бочки с золотыми и серебряными слитками, сундуки со звонкой монетой, панцири и сбруя, осыпанные жемчугом и драгоценными камнями.

На нижнем этаже, слева от входа, горбила сводчатые потолки большая светлица, справа — комната для придворных. Поднявшись по лестнице, посетители попадали в прихожую. Отсюда был путь в канцелярию князя и в его спальню. Где-то здесь находилась и богатая княжеская библиотека, которую, к сожалению, потомки не сохранили. По сей день в польских книгохранилищах находят фолианты, когда-то принадлежавшие К. К. Острожскому.

Царь Иван Грозный в типографии Ивана Федорова. Гравюра с картины С. Штейна. 1883 г.

Князь был признанным главой культурно-просветительного кружка крупных феодалов, сложившегося в ту пору на Волыни. Он устроил в Остроге училище для детей. Впоследствии здесь возникла прославленная Острожская академия.

Князю Константину и принадлежала идея выпустить в свет первую полную славянскую «Библию», раздобыть которую двести с лишним лет спустя так стремился Йосеф Добровский.

По определению «Краткой литературной энциклопедии», «Библия — древний памятник письменности, собрание разнообразных по форме и содержанию религиозных произведений, создававшихся на протяжении огромного исторического периода — с 12 в. до новой эры по 2 в. новой эры». Хроники, сказания, народные песни, даже эротическая лирика — все это отложилось на страницах «Библии».

Библейские сюжеты питали литературу и искусство на протяжении многих столетий.

Перевод «Библии» на национальный язык и издание ее на этом языке преследовали цели, связанные с ростом народного самосознания, укреплением позиций родного языка, служили задачам борьбы гуманистического мировоззрения со средневековой схоластикой. Печатный станок способствовал этому.

Вспомните, с каким ужасом отец Клод из «Собора Парижской богоматери» Виктора Гюго взирал на печатную книгу, хотя книга была не более чем толкованием одного из разделов «Библии».

Вспомните и слова великого французского писателя:

«Изобретение книгопечатания — это величайшее историческое событие. В нем зародыш всех революций... Шестнадцатый век окончательно сокрушает единство церкви. До книгопечатания Реформация была бы лишь расколом; книгопечатание превратило ее в революцию. Уничтожьте печатный станок — и ересь обессилена».

Во все времена реакционеры и мракобесы всех оттенков воевали против книгопечатания.

Еретической кое-кому казалась и первая славянская «Библия», напечатанная в Остроге Иваном Федоровым.

Ныне эту книгу можно встретить в библиотеках Москвы и Свердловска, Ужгорода и Ташкента, Варшавы и Белграда, Софии и Праги, Гамбурга и Нью-Йорка... В Британском музее хранится экземпляр, когда-то подаренный Иваном Грозным английскому послу Джону Горсею.

В Стокгольме вам покажут «Острожскую Библию», принадлежавшую шведскому королю Густаву II Адольфу.

Хорошо знали «Острожскую Библию» в Московской Руси. Один из экземпляров, издавна попавших сюда, находится в Музее книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Первый владелец ее рассказал в записях на страницах книги, что жил он «на севере близ студенного моря-акиана, земли Двинские, града Колмогорского». Он украсил том превосходными миниатюрами, пополнил рукописными текстами, в которых рассказал и о большом тираже издания, отметив его широкое распространение на землях Московской Руси:

«Напечатаны быша множество книг сих и привезены быша Великия России в царствующий град Москву и рассеяша во вся грады».

От Москвы до Острога не одна сотня верст. В XVI веке эти города разделяла граница между Московским и Польско-Литовским государствами.

Мы расстались с Иваном Федоровым в Москве в 1564 году, а встретились с ним 17 лет спустя в волынском городе Остроге. Что привело его сюда?

Автор известных биографических словарей Евфимий Алек-

Гла, а.

Искони сотвори бгъ нбо и землю. Земля же бе невидима и неоукрашена. И тма верху бездны. И дхъ бжи ношашеся верху воды. И рече бгъ, да будетъ светъ, и бысть светъ. И виде бгъ светъ яко добро. И разлучи бгъ между светомъ и между тмою. И нарече бгъ светъ день, а тму нарече нощь, и бысть вечеръ и бысть оутро день единъ. И рече бгъ да будетъ твердь посреде воды, и будетъ разлучаа посреде воды и воды, и бысть тако. И сотвори бгъ твердь. И разлучи бгъ межу водою, яже бе подъ твердию. И посреде воды, яже бе надъ твердию. И нарече бгъ твердь нбо. И виде бгъ яко добро. И бысть вечеръ, и бысть оутро день вторый. И рече бгъ, да соберется вода яже поднебесемъ, въ собокупление едино. И да явится суша, и бысть тако. И собрася вода яже поднебесемъ въ собранья своя, и явися суша. И нарече бгъ сушу землю, а составы водныя нарече море и виде бгъ яко добро. И рече бгъ, да прорастить земля быліе травное, сеюще семя породу и по подобию, и древо плодовито творящее плодъ, емуже семя его въ немъ породу на земли, и бысть тако. И изнесе земля быліе травное, сеюще семя породу и по подобию и древо плодовито творящее плодъ, емуже семя его въ немъ породу на земли, и виде бгъ яко добро. И бысть вечеръ

и бысть оутро день третий. И рече бгъ, да будутъ светила на тверди нбнеи, освещати землю, и разлучати между днемъ и между нощию. И да будутъ въ знамения и во времена, и во дни и в лета. И да будутъ въ просвещение на тверди нбнеи, яко светити по земли и бысть тако. И сотвори бгъ два светила велицеи светило великое, въ начатокъ дни. Светило же менъшее, въ начатокъ нощи и звезды. И постави ихъ бгъ на тверди нбнеи, яко светити по земли, и владети днемъ и нощию. И разлучати межу светомъ и межу тмою. И виде бгъ яко добро, и бысть вечеръ, и бысть оутро день четвертый. И рече бгъ, да изведутъ воды, гады душъ живыхъ, и птицы летающа на земли по тверди нбнеи, и бысть тако. И сотвори бгъ киты великия, и всяку душу животныхъ гадъ, яже изведоша воды породу ихъ, и всяку птицу пернату породу. И виде бгъ яко добро. И благослови я бгъ гля, растите ся и множитеся, и наполните воды яже въ морехъ, и птицы да оумножатся на земли. И бысть вечеръ и бысть оутро день пятый. И рече бгъ, да изведе земля душу живу породу, четвероногая и гады, и зверя земли породу. И бысть тако, и сотвори бгъ, зверя земныя породу и скоты породу ихъ, и вся гады земли породу ихъ. И виде бгъ яко добро. И рече бгъ, сотворимъ члвка по образу нашему, и по подобию.

«Острожская Библия» 1581 г. Начальный лист

сеевич Болховитинов (1767—1837), более известный под монашеским именем митрополита Евгения, в статье об Иване Федорове, опубликованной в 1806 году в журнале «Друг просвещения», утверждал, что после выхода в свет «Апостола» 1564 года «типографщик Иван Федоров вызван в волынский город Острог для заведения там типографии у князя Константина Острожского».

Но неужели «для заведения» понадобилось 17 лет? Ответить на этот вопрос сумели молодые историки — члены Румянцевского кружка.

«Не только оружием»

«Non solum armis» — «Не только оружием» — такой девиз украшал герб екатерининского вельможи графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826).

В Ташкенте, в Государственном музее искусств Узбекской ССР, есть малоизвестный портрет Н. П. Румянцева кисти Ф. С. Рокотова. Розовощекое юношеское лицо, пухлые губы, восторженный взгляд. Таким был Николай Румянцев в начале дипломатической карьеры.

И другой портрет, уже посмертный, сделанный модным английским живописцем Г. Доу в 1828 году. Он неоднократно воспроизводился и хорошо известен. Мы видим на нем вельможу, государственного канцлера, о заслугах и влиянии которого говорят многочисленные ордена и регалии.

Между этими портретами — вся жизнь, обеспеченная, но многотрудная. Жизнь, результатом которой была великолепная коллекция книг, монет, произведений живописи, археологических и этнографических находок. Все это легло в основу прославленного Румянцевского музеума, открытого для публики 23 ноября 1831 года.

Новая история музея началась в 1862 году, когда он был перевезен в Москву и размещен в лучшем здании города — «Доме Пашкова». Из года в год накапливая книжные богатства, Московский Румянцевский музей, уже после Великой Октябрьской социалистической революции, стал крупнейшим книгохранилищем мира — Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина.

Н. К. Румянцев. С литографии А. Мюнстера. 1889 г.

В коллекции Н. П. Румянцева было 28 500 книг. Объем фондов Ленинской библиотеки превышает 30 миллионов единиц хранения. Разница колоссальнейшая. И все же в главной библиотеке страны помнят и чтят имя человека, инициатива и труд которого лежат у ее истоков.

Другой заслугой Н. П. Румянцева было создание научного книгоиздательства. Общее количество выпущенных его «иждивением» книг не так уж велико — что-то около 50-ти. Но среди них — капитальное «Собрание государственных грамот и договоров», «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», знаменитый труд Йосефа Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители».

Будучи, как и большинство коллекционеров, дилетантом, граф Николай Петрович окружил себя людьми, хорошо знавшими российскую историю и словесность. Они помогали графу комплектовать его собрание, готовили к печати его издания. Участниками Румянцевского кружка были такие знатоки прошлого, как академик И. Х. Гамель (1788—1861), зачинатель отечественного языко-

знания А. Х. Востоков (1781—1864), первый русский книговед В. Г. Анастасевич (1775—1845).

Самыми деятельными помощниками графа по части собирания и описания российских древностей стали два молодых человека — Константин Федорович Калайдович (1792—1832) и Павел Михайлович Строев (1796—1876). С их именами связаны первые значительные успехи историографии русского первопечатания. Они нашли и описали многие издания Ивана Федорова и других русских типографов.

Калайдович и Строев работали в старом московском здании, которое известный в свое время литератор — мемуарист Филипп Филиппович Вигель описал такими словами:

«В глухом и кривом переулке, за Покровкой, старинное каменное здание возвышается на пригорке, коего отлогость, местами усеянная кустарником, служит ему двором. Темные подвалы нижнего его этажа, узкие окна, стены чрезмерной толщины и низкие своды верхнего жилья показывают, что оно было жилищем одного из древних бояр, которые во время Петра Великого держались еще обычаев старины. Для хранения древних хартий, копий с договоров ничего нельзя было приискать приличнее сего старинного каменного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлею. Все строение было наполнено, завалено кипами старых дел».

В это старое здание, где в те годы помещался Московский архив Иностранной коллегии, которую с 1808 года возглавлял Н. П. Румянцев,— пришел в 1814 году Константин Калайдович, а два года спустя — Павел Строев.

Оба, еще в детские годы, решили посвятить жизнь российской словесности. В 1808 году в книжных лавках «первопрестольной» столицы появились «Плоды трудов моих, или Сочинения и переводы», автору которых — студенту Московского университета Калайдовичу едва исполнилось 16 лет. В декабре 1813 года в цензуру поступил труд 17-летнего воспитанника Университетского благородного пансиона Павла Строева «Краткая российская история», сочиненная автором «в пользу российского юношества».

В молодости четыре года — колоссальная разница. Павел Строев с большим почтением относился к товарищу, с которым судьба свела его под сводами архивохранилища Иностранной коллегии. За плечами у Калайдовича была служба в армии, бои под Тарутином, Чириком, Малым Ярославцем. Их объединяла страсть к журналистике. Оба писали стихи, сотрудничали в альманахах и сборниках. «У нас смотрят на журналиста с двух сторон, совершенно противных,— утверждал Строев,— или почитают его человеком необыкновенным, или презирают, как маленькое творение».

«Апостол» 1574 г. Разворот

Едва ли не самым популярным журналом той допушкинской эпохи был «Вестник Европы», выпускавшийся с 1802 года два раза в месяц при Московской университетской типографии. Его первым редактором был Н. М. Карамзин, автор «Бедной Лизы» и «Истории Государства Российского», счастливо соединявший в одном лице недюжинный литературный талант и поклонение Клио — музе истории. Затем редактором «Вестника Европы» стал Михаил Трофимович Каченовский.

«Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм,— говорил он,— не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств».

В № 14 «Вестника Европы» за 1813 год была опубликована статья Е. А. Болховитинова «О славяно-русских типографиях», а в № 18 за тот же год — статья К. Ф. Калайдовича «Иоанн Федоров, первой московской типографщик».

По сравнению с ученым митрополитом, молодой энтузиаст российской словесности сделал большой шаг вперед. Е. А. Болховитинов утверждал, что Иван Федоров из Москвы направился в волынский город Острог, где в 1580—1581 годах напечатал прославленную «Библию». Константин Калайдович рассказал об «Апостоле», напечатанном Иваном Федоровым во Львове в 1574 году.

Так 17-летний перерыв между московским «Апостолом» 1564 года и «Острожской Библией» был заполнен еще одним изданием.

Львовское издание во всем похоже на московское. Но в конце его, на девяти страницах, помещено послесловие, которого в московском «Апостоле» не было. Отныне оно стало важнейшим источником для истории возникновения типографского дела в Москве и на Украине.

Это послесловие Калайдович полностью перепечатал в своей статье 1813 года:

«Откуду начася и како свершися...»

Изучая первопечатные книги, исследователь извлекает из них подчас бесценные сведения о трудах и днях наших предков. Приемы набора и верстки, методы печати рассказывают об уровне материальной культуры, об успехах древнерусского ремесла. Текстологические исследования первых книг питают историю родного языка. На гравированных изображениях — в фигурах евангелистов — можно разглядеть бородатые мужественные лица русских людей, погодков тех богатырей, которые с Ермаком Тимофеевичем воевали Сибирь.

Есть в первопечатных книгах страницы исключительной важности. Это предисловия и послесловия — живое слово издателей и типографов, их беседа с современниками и потомками.

Разные люди стоят за этими страницами, с разными характерами и судьбами. Рассказ их то патетичен, как у Петра Тимофеева Мстиславца, соратника Ивана Федорова, то предельно лаконичен, как у Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева — учеников первопечатника.

Читатель помнит послесловие «Апостола» 1564 года — первое произведение русской литературы, отданное типографскому станку.

Познакомимся теперь с послесловием «Апостола» 1574 года, обнаруженным К. Ф. Калайдовичем.

Послесловие Иван Федоров озаглавил так: «Сия убо повесть изъявляет, откуду начася и како свершися друкарня сия».

Это — великолепные мемуары, первые воспоминания, напечатанные в нашей стране.

Говорит Иван Федоров:

«Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и благословением преосвященного Макария митрополита всея Русии друкарня сия составися в царствующем граде Москве в лето 7070 первое, в тридесятое лето государства его».

Прервем первопечатника, чтобы отметить: противоречия в датах, с которым мы встретились в послесловии «Апостола» 1564 года, здесь уже нет. Обе даты указывают на 1563 год. Противоречие в московском послесловии все еще остается для нас загадкой.

Продолжает говорить Иван Федоров:

«Сия же убо нету не начах поведати вам, но презелного ради озлобления, часто случающегося нам. Не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и божие дело вконец погубити. Яко ж обычай есть злонравных и ненаученных и неискусных в разуме человек, ниже духовного разума исполнены бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи не разумеет, како ходит и о чем утвержается. Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна, и в ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо преидохом... восприяша нас любезно благочестивый государь Жикгимонт Август, кроль польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемойтский, мазовецкий и иных со всеми паны рады своея».

Эти слова Ивана Федорова долгое время казались литературным преувеличением. Как это так, король Сигизмунд Август, да еще со всей своей Радой, торжественно принимает безвестного московского дьякона, ремесленника, человека незнатного и небогатого?

Находки последних лет подтвердили правдивость слов первопечатника.

«В то же время с тщанием умоли государя волеможный пан Григорей Александрович Ходкевич, пан виленский, гетман наивышший Великого Князьства Литовского, староста городеньский и могилевский. Прия нас любезно к своей благоутешней любви и упокоеваше нас немало время и всякими потребами телесными удовляше нас. Еще же и сие не довольно ему бе, еже тако устроити нас, но и весь немалу дарова ми на упокоение мое».

Поясним читателю, что «весь» — это деревня, которая была подарена Ивану Федорову гетманом Григорием Александровичем Ходкевичем, чтобы типограф мог жить безбедно и заниматься своим ремеслом. Вскоре, однако, отношение Ходкевича к типографской деятельности первопечатника изменилось.

«Егда же приити ему в глубоку старость и начасте главе его болезнию одержиме бывати, повеле нам работания сего престати и художество наши ни во что же положити и в веси земледеланием житие мира сего препровождати».

Жить в деревне и заниматься земледелием! Печатник ответил отказом:

«Не удобно ми бе ралом (то есть плугом) ниже семен сеянием время живота (то есть жизни) своего сокращати, но имам убо вместо рала художество наручных дел сосуды вместо житных семен духовныя семена по вселенней разсевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу».

Рассевать духовные семена! Это ли не формула, воплотившая идею просветительского книгоиздания,— предвестье слов Н. А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное...»?!

И все же Иван Федоров сомневался, правильно ли он поступил:

«Наипаче же убояхся истязания владыки моего Христа, непрестанно вопиюща ко мне: Лукавый рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжником? И аз пришед, взял бых свое с лихвою!

И когда убо на уединении в себе прихождах, и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердцы своем, дабы не сокрыл в земли таланта от бога дарованного ми».

Из послесловия явствовало, что Иван Федоров из Москвы отправился в Великое княжество Литовское и здесь, на средства гетмана Ходкевича, основал типографию. Но успел ли он что-либо напечатать в ней? Далее Иван Федоров рассказывал, как он ушел из имения Ходкевича, не убоявшись свирепствовавшего в ту пору морового поветрия:

«И в путь шествующу ми многи скорби и беды обретошамя, не точию долготы ради путнаго шествия, но и презельному поветрею дышыщу и путь шествия моего стесняющу. И просто рещи вся злая и злых злее. И тако промыслом божия человеколюбия до богоспасаемого града нарицаемого Львова приидох. И вся, яже на пути случающаямися ни во что же вменях... И когда вселшумися в преименитом граде Львове, яко по стопам ходяще топтанным некого богоизбранна мужа, начах глаголати в себе молитву сию...»

О каком «богоизбранном муже», по стопам которого он пришел во Львов, говорил Иван Федоров? Вопрос этот породил целую литературу. Но он не решен и по сей день.

Приезд Ивана Федорова во Львов. С литографии В. Ф. Фостерецкого. 1949 г.

Иван Федоров говорил в послесловии и о своих мытарствах, о том, как во Львове, на первых порах, никто не хотел ему помогать.

«И помолившумися, начах богоизбранное сие дело к устроению навершати, яко бы богодохновенныя догматы распространевати. И обтицах многащи богатых и благородных в мире, помощи прося от них. И метание сотворяя коленом касаяся, и припадая на лицы земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах. И сие не единою, ни дващи, но и многащи сотворях. И в церкви священнику всем вслух поведати повелех. Не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезным рыданием, не исходатаиствовах никоея же милости иерейскими чинми. И плакахся прегоркими слезами, еже не обретох милующаго ниже помагающего не точию же в русском народе, но ниже в греках милости обретох».

Помог Ивану Федорову трудовой люд львовских предместий:

«Иные же неславныи в мире обретошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но яко же оная убогая вдовица... две лепте въвергьшия».

В конце послесловия Иван Федоров сообщал, когда он начал и когда закончил печатать первую украинскую печатную книгу:

«А начася сия книга друковати рекомый Апостол в богоспасаемом граде Львове... по воплощении господа... в лето 1573 февруария в 25 день и совершися в лето 74-е того же месяца в 15 день».

Завершающие слова послесловия обращены к читателям:

«И аще что погрешено будет, бога ради, исправляйте, благословите, а не клените, понеже не писа дух святый, ни ангел, но рука грешна и брена».

«Опыт российской библиографии»

Статья К. Ф. Калайдовича об Иване Федорове, опубликованная в 1813 году на страницах «Вестника Европы», сделала имя молодого ученого широко известным. Перед ним открывался путь к блестящей научной карьере. Но путь этот был прерван самым неожиданным образом.

В 1814 году, разыскивая старые книги, Константин Федорович ездил во Владимир, и тут приключился с ним «особенный случай», о котором современники рассказывают скупо и глухо.

«Весьма сожалею о случившемся с Вами,— писал Калайдовичу библиограф Василий Степанович Сопиков,— конечно неосторожность Ваша подвергла Вас такому жесткому испытанию. По крайней мере сим уроком надлежит воспользоваться на будущее время. Уведомьте пожалуйте обстоятельно о сем странном приключении».

«Уведомил» ли Калайдович Сопикова или нет, мы не знаем. Ответное письмо его до нас не дошло. Известно лишь, что отец Константина Федоровича отправил сына в захолустный Николо-Песношский монастырь.

Познакомимся с корреспондентом Калайдовича, письмо которого мы только что цитировали. В. С. Сопиков вошел в историю как автор книги с длинным — по обычаю тех времен — названием: «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще,

так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым».

В этом капитальном труде, первый том которого увидел свет в 1813 году, а последний, по счету — пятый, в 1821 году, уже после смерти автора, описано 13 249 русских книг. Среди них — бессмертные произведения классиков русской литературы Ломоносова, Кантемира, Фонвизина, Радищева, Державина, Крылова... Названы и издания Ивана Федорова, Петра Тимофеева Мстиславца, Андроника Тимофеева Невежи и других первых русских типографов.

Василий Степанович Сопиков родился в 1765 году в небогатой купеческой семье. Сведения о его юных годах скудны. Известно лишь, что он служил у книготорговца Никиты Никифоровича Кольчугина, который был приказчиком у Николая Ивановича Новикова и активно участвовал в распространении его изданий. Традиции прославленного просветителя способствовали формированию мировоззрения Сопикова.

Двадцати трех лет от роду он завел в Петербурге собственную книготорговлю, при которой вскоре была открыта «библиотека для чтения». Занимался Сопиков и издательской деятельностью.

Василий Степанович рано заинтересовался библиографией. Первоначально его занятия в этой области преследовали прикладную цель — составление рекламных книготорговых росписей. Со временем научные интересы молодого книготорговца становятся все шире и шире. Отсутствие сколько-нибудь полных библиографических указателей натолкнуло его на мысль составить полный список всех когда-либо выпущенных на русском языке изданий.

Это был колоссальный труд; ранее никто не решался предпринять его, хотя о сводной библиографии всех русских книг мечтали многие. Отныне каждую свободную минуту Василий Степанович посвящал изучению старых фолиантов. Исследовал он и издания Ивана Федорова, которые к тому времени были известны.

Несколько лет напряженного труда, и первый том указателя был готов. Однако напечатать его Сопиков не мог — не было средств. Чтобы окончить «Опыт российской библиографии» и сделать его достоянием читающей публики, Василий Степанович решил ликвидировать свою книжную торговлю. В это время директор Петербургской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) предложил ему должность помощника библиотекаря в отделении русских книг. Вторым «помощником» вскоре стал Иван Андреевич Крылов, знаменитый баснописец.

Составляя очередной отчет о работе библиотеки, Оленин писал: «Помощник библиотекаря г. коллежский асессор Крылов обще с помощником библиотекаря Сопиковым заведывает все печатные книги на славянском и российском языке».

Это «заведывание» позволило Сопикову еще раз проверить и дополнить указатель.

В 1811 году Оленин подал бумагу на высочайшее имя, в которой просил царя выделить средства для издания «Опыта российской библиографии». «Сия книга,— писал он,— несомненно будет помещена в числе классических творений».

Александр I ходатайство отклонил. Однако царь присвоил Сопикову «во внимание к его трудам и отличному усердию к отечественной библиографии» чин XIV класса, которым, по словам Оленина, «награждаются ученики, выходящие из педагогического института».

Время не благоприятствовало занятиям старой книгой. В июне 1812 года наполеоновские полчища вторглись в Россию. Началась Отечественная война против французских захватчиков. После вступления неприятеля в Москву Публичная библиотека эвакуировала свои сокровища. Руководил эвакуацией Сопиков.

«В сентябре прошлого года,— напишет он впоследствии К. Ф. Калайдовичу,— я возил на судне лучшую часть Императорской библиотеки в Олонецкую губернию и до половины декабря жил с нею в деревне Устланке, на реке Свири. Дело, мне порученное, исполнил как должно...»

Заботясь о сохранении государственных книжных богатств, Сопиков позабыл о своем личном имуществе, которое находилось в Москве и погибло при пожаре древней столицы.

После изгнания французов Сопиков возобновил библиографические занятия. Первый том «Опыта» был передан в типографию. 12 сентября 1813 года Сопиков сообщал Калайдовичу:

«Известную Вам мою роспись я действительно печатаю, коей первая часть, состоящая из 29 листов, через две недели явится к Вам с своею должною благодарностью непременно. Набирается в типографии последний оной лист».

Книга вышла в конце 1813 года. Библиографической росписи был предпослан краткий очерк истории книгопечатания, которую Сопиков почитал «самой существенной частью библиографии». О последней же он говорил, что она «состоит в познании книг вообще, в ученой истории и во всем том, что относится к искусству книгопечатания».

В первом томе «Опыта российской библиографии» помещены сведения о четырех изданиях Ивана Федорова. Три из

них — московский «Апостол» 1564 года, львовский «Апостол» 1574 года и «Острожская Библия» 1581 года — нам уже известны.

Впервые упоминались «Псалтырь и Новый завет»; этот изящный, небольшой по формату томик Иван Федоров напечатал в 1580 году в Остроге. В дополнительном, пятом томе «Опыта российской библиографии», который, при участии К. Ф. Калайдовича, вышел в свет уже после смерти В. С. Сопикова, скончавшегося 21 июня 1818 года, были перепечатаны предисловие и послесловие «Псалтыри и Нового завета».

Предисловие обращено к князю Константину Константиновичу Острожскому, на чьи средства была оборудована типография в Остроге. Иван Федоров писал:

«...Молим вы, с всяким смирением, о благочестивый Княже, да восприимеши сие рукоделие наше от нас боголюбезно, яко первыи овощь от дому печатного своего Острозского... Сие желаемое бытийское дело, еже начахом совершити в честь и хвалу имени своего святого, в утверждение церкви Христовы и в насаждение всему народу Русскому, вашему же княжацкому благочестию с благородными ти чады в вечное благословение».

В послесловии лаконично сообщались сведения о месте и времени печатания книги:

«Начата и совершена бысть сия книга Нового завета повелением благочестивого князя Константина Константиновича, нареченного в святом крещении Василия, княжати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волыньские, старосты Владимирского и прочая в богоспасаемом граде его отчизном Острозе многогрешным Иоанном Феодоровым сыном з Москвы в лето от создания миру 7000 (здесь Иван Федоров ошибся, надо 7088), от воплощения же спасителя нашего Исуса Христа 1580».

Так в научный оборот было введено еще одно издание Ивана Федорова. Первопечатник именовал его «первым овощем» Острожской типографии. В дальнейшем, однако, была найдена книга, напечатанная в Остроге за два года пред тем. Нашли ее лишь в 1961 году.

Получив в подарок «Опыт российской библиографии», К. Ф. Калайдович отправил В. С. Сопикову «Вестник Европы» со своей статьей.

30 октября 1813 года Василий Степанович писал Калайдовичу:

«Прекрасная Ваша. статья об Иване Федорове, помещенная в «Вестнике Европы», вышла уже, к сожалению, поздно; она мне нужна была только для послесловия львовского «Апостола», которое в моем, как Вам известно, не полно...»

Указатель Тимофея Михайловича

В XVIII столетии на Алтае хорошо знали имя Козьмы Дмитриевича Фролова (1726—1800). Сын простого мастерового, он стал выдающимся знатоком горного дела, известным гидротехником. Фролов любил книги и в своем доме в поселке при Змеиногорском руднике собрал неплохую библиотеку. Он пользовался каждым случаем, чтобы пополнять ее; в 1784 году, побывав в Петербурге, привез оттуда 530 книг.

После смерти К. Д. Фролова его библиотека попала к старшему из трех сыновей Павлу Козьмичу (1770—1815). Он окончил Горное училище, служил на Урале и на Алтае и скончался 45 лет от роду.

В 1817 году Петербургская Публичная библиотека приобрела «Собрание книг и древностей г. обер-берггауптмана 5 класса Фролова». Краткое описание Собрания было опубликовано год спустя в «Отчете» библиотеки. Среди книг Фролова нашлось никому ранее не известное издание Ивана Федорова — небольшая брошюра объемом в 53 листа. На титульном листе ее в узорной рамке стояло название: «Книжка собрание вещей нужнейших вкратце скорого ради обретения в книзе Нового завета по словесем азбуки. Всем благочестно верующим в святую живоначальную Троицу отца и сына и святого духа зело есть полезна». Ниже указывалось: «Напечатана в богоспасаемом граде Острозе Иоанном Федоровичем».

На первой странице брошюры можно было прочитать: «Собрание вещей нужнейших скорого ради обретения в книзе сей Нового завета, по словесем азбуки, многогрешным Тимофеем Михайловичем лета от создания миру 7089, а от нарожения спасителя нашего Исуса Христа 1580».

«Книжка собрание вещей нужнейших» — это алфавитно-предметный указатель, первый в истории русской библиографии и документалистики. В указателе собраны фразы и словосочетания из «Псалтыри и Нового завета» с отсылками к конкретным главам. Фразы размещены по алфавиту, как мы сказали бы сейчас, ключевых слов. Первая буква каждой фразы выделена прописной литерой, это позволяет быстро находить материал. Унифицирована система отсылок, широко использованы сокращения.

Знакомясь с «Книжкой», читатель узнавал фразы, давно уже ставшие крылатыми: «Око за око», «Человек что сеет, то пожнет»,

«Сребролюбие корень всем злым есть», «Блажены нищие духом яко тех есть царство небесное».

Составитель указателя Тимофей Михайлович был другом Ивана Федорова, преподавателем Острожской школы. Немногие документы о нем впоследствии были найдены в архивах. Сохранились, например, доверенность, которую Иван Федоров 5 марта 1578 года дал Тимофею Михайловичу, уполномочив его получить долг у виленского мещанина Якова Максимовича за проданные ему печатные книги. А в 1584 году Тимофей Михайлович подарил Дерманскому монастырю «Евангелие», которое соратник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец выпустил в Вильне в 1575 году.

В доверенности Тимофей назван слугой королевского писаря Михаила Гарабурды, известного дипломата Великого княжества Литовского. Он был из тех просвещенных кругов белорусской и украинской интеллигенции, которые способствовали созданию в Остроге славянской типографии кирилловского шрифта. Побывав в Москве, Гарабурда привез на Волынь исправный список «Библии», послуживший оригиналом для острожского издания.

«Книжка собрание вещей нужнейших» очень редка. В XIX веке она считалась почти уникальной. Библиограф и книголюб Иван Прокофьевич Каратаев в 1878 году сообщал: «Алфавитный указатель очень редок, он один без «Псалтыри и Нового завета» стоит 25 рублей». Писалось это в ту пору, когда, например, львовский «Апостол» Ивана Федорова, по словам того же Каратаева, стоил 30—35 рублей.

Со временем, однако, были найдены новые экземпляры «Книжки». Сейчас их известно четырнадцать. Хранятся они в библиотеках Москвы, Ленинграда, Львова, Варшавы и Кракова.

Археографические экспедиции

В июле 1816 года К. Ф. Калайдович получил в Николо-Песношском монастыре письмо от своего батюшки. «Поблагодари отца Пахомия за его отеческое попечение,— писал Калайдович-старший,— взяв на путь его благословение, испроси от него монастырскую подводу и приезжай ко мне».

В Москве Константин Федорович остриг космы, отпущенные в монастыре, и отправился на службу — в архив. А затем начались

знаменитые археографические экспедиции, которые финансировал Н. П. Румянцев.

Золотое это было время для археографов. В нетронутых монастырских архивах и книгохранилищах молодых исследователей на каждом шагу ждали находки.

В первую свою экспедицию К. Ф. Калайдович и П. М. Строев выехали 9 июня 1817 года. Первым на пути лежал Новый Иерусалим с известным Воскресенским монастырем, основанным патриархом Никоном в XVII веке.

В монастыре, договорившись с ризничим — отцом Петром, Калайдович и Строев получили свободный доступ в ризницу и библиотеку и начали работать. Сразу же сделали открытие — да еще какое! Нашли «Изборник», написанный для князя Святослава Ярославича в 1073 году,— одну из древнейших русских книг.

Из Нового Иерусалима археографы отправились в Саввино-Сторожевский монастырь, а оттуда — в Иосифо-Волоколамский.

Работа в книгохранилищах перемежалась обильными чаепитиями, до которых была охоча монастырская братия. «Пивали его после утрени,— вспоминал Калайдович,— до обедни, перед обедом, по полудни и, наконец, на сон грядущий, что все с итогами составит более 30 чашек».

Книги и старые бумаги в монастырях хранились в небрежении.

В Иосифо-Волоколамском монастыре архив сложили в одну из боевых башен. «В оной обители благочестия,— возмущался П. М. Строев,— к которой в исходе XVII века было приписано более пятнадцати других монастырей и которая владела тогда 17 000 крестьян, соляными варницами и богатыми рыбными ловлями, старый ее архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столпцев, наваленных без разбора, и я рылся в ней, как в развалинах Геркулана».

Великое множество рукописных и старопечатных книг прошло через руки молодых археографов. Часть из них удалось приобрести для собрания Николая Петровича Румянцева, вдохновителя и организатора археографических экспедиций.

Со временем К. Ф. Калайдович узнал Румянцевское собрание гораздо лучше, чем сам владелец его, который стал глуховат и забывчив. В письме от 11 декабря 1823 года к Алексею Федоровичу Малиновскому, через которого граф поддерживал отношения со своими молодыми сотрудниками, Н. П. Румянцев писал о Калайдовиче:

«Свидетельствуйте ему мое почтение и спросите его, не помнит ли он год издания мне принадлежащего «Триодиона», труда известного Фиоля, о котором глухо упоминает г. Лелевель в новом

П. М. Строев. С литографии XIX в.

своем сочинении, как изволите усмотреть из приложенной выписки. Я сие редкое издание, помнится, посредством г. Калайдовича получил».

Конечно же, Калайдович помнил о том, как летом 1819 года он, к великой радости графа, купил у московского букиниста А. С. Шульгина «Триодь цветную», напечатанную около 1491 года в Кракове Швайпольтом Фиолем, одним из предшественников Ивана Федорова. В том же 1819 году Константин Федорович опубликовал в «Вестнике Европы» статью о Фиоле. По желанию графа она была отпечатана отдельно тиражом в 30 экземпляров и стала первой русской книгой по истории книгопечатания.

Читал Калайдович и «Две библиографические книги» польского историка и революционера Иоахима Лелевеля; первая часть этой монографии была издана в 1823 году в Вильне на польском языке.

Естественно, он тут же дал графу исчерпывающую и достоверную справку.

В архиве Н. П. Румянцева, который ныне находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина,

есть немало каталогов и реестров, написанных рукой Калайдовича. Среди них «Каталог рукописей и старопечатных книг, приобретенных графом Н. П. Румянцевым», составленный в 1820—1822 годах. В нем описаны и издания Ивана Федорова — «Апостол» 1574 года, «Псалтырь и Новый завет» 1580 года. Рассказывая об экземпляре львовского издания, Калайдович писал:

«Сей Апостол дан был вкладу одним запорожским казаком в храм Преображения Господня в городе князей Корецких Лесниках с жестоким проклятием того, кто дерзнет похитить оный из святого места, что видно из собственноручной в начале по листам надписи сего казака».

Грозное заклятие запорожского казака не возымело действия. Книгу похитили. А может быть, ее продал один из священников храма. Так или иначе, но к концу XVII столетия «Апостол» оказался у некоей Марьи, которая продала его «плосководскому жителю Антипу Анфиньянову», сделав о сем запись на страницах книги. Было это уже в пределах Московской Руси.

В XVIII веке новый владелец оставил следующую запись: «Сия книга Апостол Ивана Яковлевича Панкеева». Возможно, именно он и продал книгу одному из комиссионеров графа Н. П. Румянцева.

Собрание Н. П. Румянцева, как помнит читатель, ныне находится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Но среди 12 экземпляров «Апостола» 1574 года, хранящихся здесь, книги с записью казака из Лесников не было. Сейчас этот экземпляр в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. На нем нет примет, указывающих на принадлежность экземпляра Н. П. Румянцеву. На обороте верхней крышки переплета наклеен экслибрис: «Из библиотеки Ивана Прокофьевича Каратаева».

Как книга попала из Румянцевского собрания к библиографу и коллекционеру славянских старопечатных книг И. П. Каратаеву — этого мы, наверно, никогда не узнаем. Но именно этот экземпляр, вне всякого сомнения, описал Константин Федорович Калайдович, ибо на его страницах — запись запорожского казака из Лесников.

Вот она:

«Я раб божий Иван Лестун, казак войска его королевской милости запорожского и с жоною моею Любовью Павловною Лещинскою наделили сию книгою рекомый Апостол, друкованный в месте славном Львове, храм Преображения Господа государя нашего Исуса Христа в маетности вельможных и славных их милостей княжат Корецких в месте Лесниках за отпущение грехов своих, также и за доброе здоровие наше и всех православных християн...» Далее Иван Лестун грозит страшной божьей карой тем, кто похитит книгу из храма в Лесниках.

В лавке у почтенного старца Игнатия Ферапонтова

На Спасском мосту Московского Кремля со стародавних времен теснились лавки, в которых торговали иконами и книгами. В конце XVIII века в Китай-городе — на Никольской и Ильинке, а затем и на Кузнецком мосту открылись модные книжные магазины французов Куртенера, Готье, Рисса. Потянулись на Кузнецкий мост и Никольскую старые московские книжники — Матвей Глазунов, Никита Кольчугин...

Игнатий Ферапонтович Ферапонтов по-прежнему, в мороз и в зной, сидел в холодной лавке на Спасском мосту и никуда переезжать не собирался. Торговля у него была особая — одни лишь рукописи и старые печатные книги. Сюда в лавку хаживали к нему любители, которых в ту пору было еще немного,— граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин, граф Федор Андреевич Толстой, Платон Платонович Бекетов и обрусевший немец, профессор Московского университета Федор Григорьевич Баузе. Все они с помощью Ферапонтова составили неплохие библиотеки.

Константин Федорович Калайдович посвятил трудам Ферапонтова небольшую книжку «Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных», выпущенную в 1811 году. «В России много отечественных древностей,— писал он,— первое и важнейшее место занимают книги: в одном краю они гниют в углах монастырских, в другом невежество жжет их, употребляет на обвертки,— кой-где попадают они в руки мелочным торговцам и продаются иногда за бесценок... При таком небрежении чего ожидать доброго?»

И. Ф. Ферапонтов старую книгу любил и знал, тщательно выискивал редчайшие издания, которые он продавал лишь знатокам. Для Баузе, например, Ферапонтов достал издания белорусского просветителя Франциска Скорины и «Острожскую Библию» Ивана Федорова.

Библиотека Баузе сгорела в московский пожар 1812 года. Погибло и превосходное собрание А. И. Мусина-Пушкина, в котором находился рукописный сборник с уникальным списком «Слова о полку Игореве».

Чуть ли не на следующий день после бегства французов из Москвы Игнатий Ферапонтов уже сидел в своей нетопленной лавке. Сразу потянулись к нему знакомые покупатели.

«Жив ли старец почтенный Игнатий Ферапонтович и занимается ли по-прежнему книжными делами? — спрашивал В. С. Сопиков К. Ф. Калайдовича в письме от 20 марта 1814 года.— Прошу Вас объявить ему мое почтение».

В лавке у Ферапонтова и отыскал Константин Федорович «Учительное Евангелие» 1569 года — издание Ивана Федорова, о котором до того времени никто из ученых не знал. Он тут же сообщил об этом Сопикову, который продолжал пополнять «Опыт российской библиографии».

«Если у Ферапонтова заблудовское «Учительное Евангелие» продажное,— писал 4 января 1817 года Сопиков,— то прошу Вас уведомить меня о последней цене оного; я бы купил его для себя, буде не очень дорого».

Длинный текст, помещенный на титульном листе, сообщал сведения об издании:

«Книга, зовомая Евангелие учительное... на поучение христоименитым людем ко исправлению душевному и телесному божиею помощию выдрукована. За щастливого панования наяснейшего государя нашего Жикгимонта Августа, божиею милостию короля польского и великого князя литовского, русского, прусского, жомойтцкого, мазоветцкого, вифляньского и иных. А при архиепископе Ионе божиею милостью митрополите киевском и галицком и всея Русии. И выдана есть во отчизном имению пана виленьского, гетмана наивышшаго Великого князьства Литовского, старосты городеньского и могилевского его милости пана Григория Александровича Ходкевича в месте, зовомом Заблудовью властным накладом его милости. А начася сия книга друковати по воплощению сына слова божия 1568 месяца июля 8 и совершися року 69 месяца марта 17».

Наконец-то К. Ф. Калайдович мог внимательно изучить книгу, напечатанную в Заблудовской типографии, о существовании которой он узнал из послесловия львовского «Апостола». А значит, 10 лет между московским и львовским изданиями не прошли для Ивана Федорова даром: он много и активно работал. Впоследствии нашлись и другие книги, напечатанные между 1564 и 1574 годами.

В предисловии, написанном от имени гетмана, говорилось:

«Сего ради аз Григорей Александрович Ходкевича видех таковое христианское научение в сей книзе, восхотех еже бы слово божие розмножилося и на учение людем закону греческого ширилося, занеже оскуде сих книг на много различных местех. И не пощадех от бога дарованными сокровищь на сие дело дати. К тому же изобретох себе в том деле друкарском людей наученных Ивана Феодоровича Москвитина, да Петра Тимофеевича Мстиславца. Повеле есми им учинивши варстат друкарский и выдруковати сию книгу».

Ходкевич рассказывал о спорах, на каком языке печатать книги — на славянском, применявшемся в церковном богослужении, или же на народном, белорусском. Сам он склонялся к последнему: «Помыслил же был... сию книгу выразумения ради простых людей преложити на простую молву». Гетман имел в том деле «попечение великое», но принять окончательное решение самостоятельно не хотел. На совет были призваны «люди мудрые в том письме, ученые». Они не рекомендовали ему переводить книгу на «простую молву».

«Прекладанием з давних пословиц на новые,— сказали советчики,— помылка чинится немалая, яко же и ныне обретается в книгах нового переводу».

Внимая совету, Г. А. Ходкевич приказал Ивану Федорову отпечатать «Учительное Евангелие» по старым рукописям, «яко з давна писаную».

Константин Федорович Калайдович посвятил книге, найденной им в лавке И. Ф. Ферапонтова, небольшое исследование — «Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудовье 1569 года первыми московскими типографщиками». Статья, опубликованная в 1823 году в журнале «Северный архив», стала первым специальным исследованием, посвященным отдельному изданию Ивана Федорова.

Так одно за другим в научный оборот вводились книги Ивана Федорова.

Но о жизни типографа ученые почти ничего не знали.

«Преставился во Львове...»

...В октябре 1819 года в салонах Петербурга появился странный человек. Вот как описывал его один из тогдашних мемуаристов: «Всегдашний костюм его составляла серая куртка и серые шаровары, а на голове что-то вроде суконного колпака. В таком костюме являлся он всюду и обращал на себя внимание солдатскою откровенностью, близкою к грубости. Всех дам без различия с простолюдинками называл он «матушка», всех мужчин — «батюшко»...»

— Зориан Доленга-Ходаковский,— представлялся приезжий.

Лишь немногие знали, что настоящее имя его Адам Чарноцкий (1784—1825). Высокообразованный историк, археолог и фольклорист, он пропагандировал фантастическую в ту пору идею

комплексного изучения древнейшего прошлого всех славянских народов. В Петербург он привез «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории».

В Петербурге приезжий познакомился с Калайдовичем. Константин Федорович впоследствии писал, что приезжий «первый сообщил мне известие о сем надгробном камне».

Речь шла о надгробной плите Ивана Федорова, которую Ходаковский видел во Львове, в Онуфриевском монастыре. Калайдович с жаром выспрашивал подробности. Но гость не помнил ни надписи на камне, ни даты, указанной в ней.

Не знал Ходаковский и о том, что еще в 1817 году ректор Львовского университета и прокуратор Онуфриевского монастыря Модест Гриневецкий по просьбе историка Иоахима Лелевеля снял копию надписи. Она была опубликована много лет спустя.

Осенью 1821 года один из участников Румянцевского кружка Петр Иванович Кеппен (1793—1864) собрался путешествовать по славянским странам. Провожая его, друзья наперебой давали ему поручения. К. Ф. Калайдович попросил осмотреть и тщательно зарисовать надгробную плиту первопечатника.

Кеппен добрался до Львова в самом конце января 1822 года. М. Гриневецкий любезно ознакомил его с собранием рукописей и старопечатных книг Онуфриевского монастыря, в котором были и издания Ивана Федорова.

Затем пошли в церковь. День был пасмурный, под мрачными сводами стояла полутьма. Отодвинув тяжелую дубовую лавку с правой стороны от входа, Гриневецкий показал гостю вмурованную в каменный пол плиту темно-серого песчаника:

— Вот надгробок друкаря московитского!

В мерцающем отблеске свечи Кеппен увидел рельефное изображение типографского знака Ивана Федорова: рука держит гербовый щит, на который нанесены изогнутая «рекой» лента со стрелочкой сверху, а по бокам ленты — литеры «IѲ». Знак этот Калайдович показывал ему во львовском «Апостоле» 1574 года и в «Острожской Библии» и пояснил, что они означают «Іван Ѳедоров».

Под типографским знаком Петр Иванович прочитал надпись: «Друкарь книг пред тым невиданных».

Высечена надпись была и по краю плиты. Кеппен разобрал следующее: «...друкарь Москвитин, который своим тщанием друкование занедбалое обновил. Преставился во Львове року 1583 декембр...» Дальше должна была находиться дата, но прочитать ее Петр Иванович не смог — камень был сильно истерт.

Так стало известно, что Иван Федоров скончался во Львове в декабре 1583 года — через два года после того, как он окончил печатать «Острожскую Библию».

Печатник книг,
пред тем невиданных.
Печатник из Москвы,
который своим трудом
забытое книгопечатание
восстановил.
Скончался во Львове
1583 года 5 декабря

Надгробная плита
Ивану Федорову. С рисунка
М. Гриневецкого. 1817 г.

П. И. Кеппен как умел,— а рисовальщик он был неважный,— скопировал надписи и с первой же почтой отправил рисунок в Москву — Константину Федоровичу Калайдовичу.

Летом 1822 года рисунок был опубликован в «Вестнике Европы».

Отныне в работах, посвященных Ивану Федорову, указывались дата и место его кончины.

В рукописной «Книге истории монастыря львовского св. Онуфрия», которая хранится в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника, вклеен листок, и на нем — разными почерками — написаны фамилии:

Профессор истории Погодин
Профессор археологии Надеждин
Директор Княжевич
Архивариус Киреевский
Князь Кропоткин.

Латинская надпись, сделанная ниже, рассказывает, что упомянутые московские гости 20 августа 1835 года посетили

Онуфриевский монастырь и осмотрели надгробие Ивана Федорова.

Историк Михаил Петрович Погодин (1800—1875) попросил прокуратора монастыря В. Компаневича замуровать камень в стену. Вернувшись в Москву, он послал во Львов подарок.

«Честь имею представить в библиотеку Вашего монастыря,— писал он Компаневичу,— где покоится прах первого русского типографа, небольшое собрание исторических и педагогических книг».

А затем напоминал о своей просьбе:

«Прошу Вас покорнейше уведомить меня, исполнена ли моя просьба о переставлении камня над могилою типографщика Федорова из пола в стену».

Просьба исполнена не была.

Второе московское издание?

В течение всей своей жизни Константин Федорович Калайдович мечтал написать историю книгопечатания в России. Он работал над ней еще на студенческой скамье и немало преуспел в этом. Пухлая рукопись, которую он готовил к печати, погибла со всей его библиотекой в московский пожар 1812 года.

После войны начались археографические экспедиции, и каждая из находок — а их было немало — вносила что-то новое в представления Калайдовича о развитии книжного дела.

Так и не написал Константин Федорович истории книгопечатания.

В 1828 году он повредился в уме — сказались годы напряженной работы.

«Калайдовича сумасшествие прошло,— писал П. М. Строеву М. П. Погодин в конце 1829 года,— и осталась такая слабость, такая ипохондрия, что нельзя смотреть на него без горести. Вот чем награждаются труды неусыпные».

19 апреля 1832 года Константин Федорович умер. Похоронили его на Ваганьковском кладбище. Все бумаги покойного приобрел у наследников М. П. Погодин.

Колоссальное Древлехранилище Михаила Петровича, для которого он построил двухэтажный бревенчатый дом на Девичьем поле, затмило славу библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского, памятниками которых остались превосходные

М. П. Погодин. С гравюры XIX в.

печатные каталоги, составленные Павлом Михайловичем Строевым. Первый из этих каталогов вышел в 1829, второй — в 1836 году. Были описаны в них и издания Ивана Федорова: «Апостол» 1564 года, «Учительное Евангелие» 1569 года, «Апостол» 1574 года, «Псалтырь и Новый завет» 1580 года, «Книжка собрание вещей нужнейших» 1580 года и, наконец, «Острожская Библия» 1581 года.

Во время одной из археографических экспедиций Павел Михайлович Строев нашел «Часовник», в конце которого он прочитал следующие слова:

«Славный и мудролюбивый над цари царь и великий князь Иван Васильевич всея великия Росия самодержец яко да украсится и исполнится царство его славою божиею в печатных книгах... И такового ради извещения повелением благочестивого царя и благословением преосвященного Макария митрополита всея Русии составися сия штанба, сиречь печатных книг дело, в царствующем граде Москве. В ней же напечатана и сия книга Часовник в лето седмь тысящ семьдесят четвертое сентября в 2 день, совершен того же лета октября в 29 день в 31 лето государства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца

и во второе лето святительства Афанасия митрополита всея Русии. Подвиги и тщанием, труды же и снисканием диякона Николы чудотворца Гостунского Ивана Федорова да Петра Тимофеева Мстиславца...»

До этого времени было известно лишь одно московское издание первопечатника — «Апостол» 1564 года. Он вышел в свет 1 (11) марта. Теперь появилась возможность утверждать, что полтора года спустя, в период между 2 сентября и 29 октября 1565 года, Иван Федоров напечатал в Москве еще одну книгу — «Часовник».

Радоваться, однако, было рано. Перед Павлом Михайловичем была совсем не печатная, а рукописная книга. Быть может, это рукописный оригинал, подготовленный к печати? А может, кто-то много лет назад списал для себя «Часовник» с книги, отпечатанной Иваном Федоровым? Все печатные экземпляры со временем исчезли — ведь «Часовник» книга небольшая. Рукописная копия же каким-то чудом уцелела.

П. М. Строев опубликовал послесловие «Часовника» в 1841 году в «Описании старопечатных книг славянских, служащем дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского». В предисловии к этому труду он отметил, что рассматривает свои каталоги как единое целое: «...все три вместе они образуют богатую житницу материалов для библиографии, ученой истории, филологии и проч.».

«Будущие преемники мои на поприще славянской библиографии,— писал Строев,— могут соединить вместе сии отдельные описания и составить общую славянскую библиотеку по примеру подобных изданий в литературах западных».

На Нижегородской ярмарке

После того как П. М. Строев опубликовал послесловие «Часовника», нашлись люди, которые заявили, что такого издания Ивана Федорова нет и не было. Рукопись, найденная Павлом Михайловичем, говорили они, фальсифицирована.

Прошло, однако, несколько лет, и был отыскан подлинный экземпляр «Часовника» 1565 года. Сделать это посчастливилось Михаилу Петровичу Погодину.

Ежегодно Погодин ездил в Нижний Новгород на знаменитую ярмарку. Привлекали его не узорчатое разнообразие набивных

тканей и платков, не деловая сосредоточенность скобяного ряда, а небольшие дощатые балаганы на задворках торжища. Продавали там старые церковные книги — рукописные и печатные.

Михаил Петрович знал по имени всех торговцев — нижегородского мещанина Михайлу Зубова, вязниковского крестьянина Василия Федорова Моржакова... У каждого из них он приобрел немало книг, среди которых были и издания Ивана Федорова.

«Моржаков,— вспоминал Погодин,— не умея ни читать, ни писать, торговал рукописями и старыми книгами и так был счастлив, так был ловок, что всякую ярмарку привозил множество отличных вещей, да приезжал еще в Москву раза по два в год, и всегда не с пустыми руками... Это был русский человек в полном смысле слова: не зная грамоте, он взглянет на книгу и скажет вам бывало, где она напечатана — в Остроге или Львове, Киеве или Венеции. Этого мало — он узнает, какая это книга — Триодь или Псалтырь, Часовник или толковое Евангелие».

Съезжались на Нижегородскую ярмарку книжники.

У московского книготорговца и собирателя Д. В. Пискарева Михаил Петрович перекупил «Часовник» Ивана Федорова. Удалось это ему, как он впоследствии рассказывал, «дорогой ценой».

Это была небольшая по формату, но достаточно толстая книжица — в ней 172 листа.

В дальнейшем отыскалось еще несколько экземпляров «Часовника». Судьба раскидала тираж издания по всему свету. Один экземпляр нашелся в Копенгагене, другой — в Лондоне, третий — в Кембридже.

Сотрудник Королевской библиотеки в Брюсселе А. Тиберген в начале XX века нашел московский «Часовник» с другими датами — Иван Федоров начал его печатать 7 августа 1565 года, а окончил 29 сентября, за месяц до погодинского экземпляра. А значит, эта книга была напечатана двумя изданиями.

В 1970 году новый экземпляр первого издания «Часовника» был найден в Архангельской области археографической экспедицией Ленинградского университета.

В 1844 году Михаил Петрович Погодин купил в одном из нижегородских балаганов еще одно неизвестное издание русского первопечатника — «Псалтырь с Часословцем», выпущенную Иваном Федоровым в 1570 году в Заблудове.

Книга открывалась гравюрой, изображавшей герб гетмана Г. А. Ходкевича. Здесь же начиналось предисловие Ивана Федорова, продолженное на обороте гравюры и на лицевой стороне второго ненумерованного листа.

Иван Федоров рассказывал:

«И начася друковати в именью его милости отчизном в месте Заблудовью лета по рождестве Христове 1569-го месяца септявриа 26, а совершена бысть книга сия року 70-го месяца марта 23».

Затем первопечатник обращался к читателю:

«А трудивыися многогрешный и непотребный раб на имя Иван Федорович Москвитин. Молю убо всякого благочестивого православного християнина, прочитающих или преписующих книгу сию Псалтырь. Аще где, что погрешено будет, моего ради небрежения, бога ради, исправляйте, благословите, а не клените, понеже не писа дух святый, ни ангел, но рука грешна и брена. Да и сами тоже благословение обрящете от всемогущего бога, ныне и присно и во веки веков».

Это была общепринятая формула. Так обращались к читателю и мастера рукописных книг.

Далее листы отсутствовали. А затем шел текст «Псалтыри».

Листы нашлись в экземпляре, который в 1864 году был отыскан в западноукраинском селе Тыряве Волошской, около города Санока. Украинский историк и искусствовед Илларион Свенцицкий приобрел книгу для Церковного музея во Львове и тщательно описал ее. Ныне с нею можно познакомиться в библиотеке львовского Музея украинского искусства. На листах, о которых идет речь, напечатано второе предисловие, написанное от имени гетмана Григория Александровича Ходкевича. В нем говорится о широком распространении книгопечатания «в здешнем паньстве его милости государя нашего отчизном, як в коруне польской, так и в Великом князъстве Литовском» — «тщанием и попечением многих людей промышлено есть создавши варстаты друкарские». Далее гетман сообщал, что он «желанием вожделех» печатать книги «в нашем языку словеньском для лености и нерадивости писцов, руским писанием». Для этого он и «учинил... варстат друкарский». Заканчивалось предисловие обещанием Ходкевича и в дальнейшем не жалеть средств на печатание славянских книг: «я тако же и вперед працы и накладу моего жаловати не буду и другыя книги... друковати дам».

Из послесловия «Апостола» 1574 года мы знаем, что это обещание не было выполнено. Иван Федоров вынужден был уйти во Львов.

Друг и соратник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец еще раньше ушел в Вильну. «Псалтырь» 1570 года подписана лишь именем Ивана Федорова, а все предыдущие издания, которые были в библиотеке М. П. Погодина: «Апостол» 1564 года, «Часовник» 1565 года и «Учительное Евангелие» 1569 года — подписаны двумя именами.

Первый календарь

Московский «Часовник» 1565 года и заблудовская «Псалтырь с Часословцем» 1570 года — по экземплярам, которые нашел М. П. Погодин,— впервые были описаны в «Обозрении славяно-русской библиографии», вышедшем в свет в 1849 году. Автор в издании не указан. Современники свидетельствуют, что им был чрезвычайно разносторонний человек, врач по образованию Иван Петрович Сахаров (1807—1863).

Чтобы читатель мог судить о широте интересов Сахарова, назовем некоторые его работы: «Русское церковное пение», «Луковичный промысел в России», «Выделывание овечьих шкур и дубление их», «Исследование о русском иконописании», «Роспись писателям, родившимся и жившим в Тульской губернии», «Летопись русского гравирования»...

Многотомный труд «Обозрение славяно-русской библиографии» — один из грандиозных замыслов Сахарова, которому — увы! — не суждено было осуществиться. Вышла в свет лишь вторая книга 1-го тома «Обозрения» — «Хронологическая роспись славяно-русской библиографии». Это — сводный каталог старопечатных книг. Иван Петрович не только описывал их — впрочем, достаточно кратко,— но и указывал, в каком книгохранилище они находятся.

Кроме «Часовника» и заблудовской «Псалтыри», И. П. Сахаров ввел в научный оборот еще одно издание Ивана Федорова.

Пригласил его к себе богатый купец А. Н. Кастерин, владелец великолепной библиотеки старых книг церковной печати. Много лет спустя библиограф и книголюб Н. Ф. Бокачев рассказывал: «Кастерин был знаком со всеми любителями книг и книгопродавцами, со всеми ими находился в постоянных сношениях; за книги, которые ему нравились, платил столько, сколько с него спрашивали, так что после его смерти дорогие книги упали в цене почти на 30 процентов. Таким образом, при обширных связях, большой охоте и коммерческой ловкости, Кастерин в короткое время собрал более тысячи книг, тогда как другие собиратели в продолжение десятков лет едва успели набрать одну четвертую долю сего».

Кастерин польстил Ивану Петровичу, сказал, что преклоняется перед его ученостью и поэтому решил просить его составить каталог своей библиотеки — по примеру строевских каталогов

библиотек купца Ивана Никитича Царского и графа Федора Андреевича Толстого.

Сахаров познакомился с библиотекой и согласился. Тогда же он начал работать. Но какой-то злой рок тяготел над Иваном Петро вичем — и здесь его ждала неудача. Каталог уже начали печатать как пришла беда: 1 августа 1847 года Кастерин неожиданно скончался. Печатание каталога остановили на первых листах.

Собрание Кастерина приобрел у его наследников богатый меценат С. Ф. Соловьев и преподнес его Публичной библиотеке в Петербурге. За это ему была выхлопотана золотая медаль на Владимирской ленте.

Корректурные оттиски каталога, составленного И. П. Сахаровым, хранятся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Есть тут сведения и об издании Ивана Федорова, о котором ранее библиографам известно не было. «Наш экземпляр единственный»,— с гордостью подчеркнул И. П. Сахаров. Это была двухстраничная листовка, озаглавленная так: «Которого ся месяца што за старых веков деело короткое описание».

Ныне с листовкой Ивана Федорова можно познакомиться в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это — первый в нашей стране печатный календарь, в котором перечислены 12 месяцев — с сентября по август; новый год в ту пору начинался 1 сентября.

Вслед за названием месяца рассказывается о наиболее важном, по мнению автора календаря, событии, которое в этом месяце произошло, рассказывается двухстрочными виршами, поэтому листовка не только первый у нас календарь, но и первое на Руси отдельное издание поэтического произведения.

«События», о которых идет речь, взяты из библейской истории. 27 июня, например, случился всемирный потоп:

Ужо воды всих топят. Ной же в корабль вошол.
Знать иж богу кланялся, про то ласку знашол.

А 17 октября Ноев ковчег приплыл к горе Арарат:

Арка с Ноем на горе станула на суши.
Другой потоп не будет — так нам письмо туши.

В конце листовки указано: «Друковано 5 дня мая, року 1581, в Острозе. Писанье Андрея Рымши». Ученые установили, что Рымша родился около 1550 года в шляхетской семье, владевшей землями в деревне Пеньчина неподалеку от Новогрудка. В 80-х

годах несколько его стихов — «епикграмм» на гербы литовских вельмож опубликованы в виленских изданиях. В 1585 году в Вильне был напечатан прозаический труд Рымши «Десятилетняя повесть военных лет», сообщавший о походах литовского военачальника Криштофа Радзивилла. Десять лет спустя Рымша перевел с латыни на польский язык рассказ о путешествии в Иерусалим паломника Ансельма Поляка. Перевод увидел свет в Вильне в 1595 году.

Вскоре после этого Андрей Рымша умер. Больше его имя нам не встречается.

Все его книги очень редки. «Десятилетняя повесть», как и первый календарь, сохранилась в единственном экземпляре. Этот уникум хранится в Гданьске, в Библиотеке Польской Академии наук. А перевод паломничества Ансельма, который Рымша назвал «Хорография, или Топография, или подробное и обстоятельное описание Святой земли», сохранился в двух экземплярах. Они находятся в Кракове — один в Ягеллонской библиотеке, а второй — в Национальном музее.

«Своей Руси услугуючи»

В том самом 1844 году, когда Михаил Петрович Погодин приобрел заблудовскую «Псалтырь», пришел к нему некий И. Ф. Тархов, промышлявший продажей старых фолиантов, и принес толстый, переплетенный в кожу том. Погодин отстегнул застежки переплета и осторожно открыл книгу. Вначале шли переписанные от руки беседы Григория Богослова, «послание Домника, архиепископа Венетийского», житие первооткрывателя славянской письменности Кирилла Философа.

Сборник был интересным. Погодин с удовольствием и с острым предчувствием великолепной находки перелистывал его.

Предчувствие не обмануло. В конец книги были вплетены 62 листа, не написанных, а напечатанных. На титуле, правый нижний край которого был оборван, стояло: «Первая часть Нового завету, або Тестаменту».

Руки у Погодина дрогнули — такой книги не было ни в его Древлехранилище, ни в одной из знакомых ему библиотек. Да и в библиографических указателях издание описано не было —

это Михаил Петрович знал точно. Он тут же, не торгуясь, купил сборник.

Когда книготорговец ушел, Погодин начал читать книгу. Перед печатным текстом оказалось рукописное предисловие, составленное Василием Тяпинским. В нем Тяпинский рассказывал о том, что из любви «ку моей отчизне», «своей Руси услугуючи», он перевел часть «Нового завета» — «Евангелие» на народный язык и решил напечатать его «двема языки зараз, и словенским и при нем тут же русским». Переводить книгу и готовить ее к печати, по словам Тяпинского, более пристало сведущим людям. Себя же он ученым мужем не считал, говорил, что он «не немец, и не доктор, и ниякий постановеный меж попы». Но «митрополитове, владыки и нихто з учоных» не взялись за издание «Евангелия» на родном языке.

Вдохновлял Тяпинского подвиг славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые перевели Священное писание еще в ту пору, когда у других народов — «у недалеких влохов, немцев, поляков, французов, гангликов (англичан.— *Е. Н*), гишпанов, а коротко мовечи — всих на свете хрестиянских народов» — таких переводов не было.

Тяпинского глубоко огорчало забвение родного языка, особенно же в среде феодальной знати — у «великих княжат, таких панов значных». На смену былой народной мудрости, по его словам, «оплаканная неумеетность пришла». Более же всего его возмущало, что те, «которых межи нами зовут духовными и учители», настолько забыли родной язык, что «его не вмеют, его вырозуменя не знают».

Василий Тяпинский призывает знатных и богатых белорусских и украинских магнатов содействовать просвещению народа. Нужно, говорит он, «школы заложити и науку... от так многих лет занедбаную выдвигнути».

Впоследствии историки отыскали в архивах документы, из которых явствовало, что полное имя человека, о котором идет речь, было Василий Николаевич Тяпинский-Омельянович. Он родился около 1530 года в белорусской семье и прожил богатую приключениями жизнь. Воевал, путешествовал, сблизился с радикально настроенными протестантами, которых называли антитринитариями.

«Синоды» антитринитариев происходили «в доме брата милого Василия Тяпинского» — об этом рассказывает в одной из своих книг Симон Будный, деятель белорусско-литовской реформации.

Об этом человеке нужно рассказать подробнее, ибо жизненные пути его и Ивана Федорова пересекались.

Симон Будный родился в 1530 году. Учился он в Краковском университете и здесь познакомился с гуманистическими идеями

века. Еще в молодые годы он отошел от католицизма, стал протестантом, затем антитринитарием, а перед смертью вообще порвал с религией. Его отлучили от церкви. Умер «великий еретик» 13 января 1593 году в местечке Вишневе под Ошмянами. Последними его словами были: «Ей-богу, я не знаю никакого бога... Ей-богу, я не знаю Христа, я ничего не помню о Христе!»

С именем Будного связана деятельность славянской типографии кирилловского шрифта. Находилась она в Несвиже, небольшом городке неподалеку от Слуцка. Здесь в 1562 году были напечатаны две книги, сочиненные Будным. Одна из них — «Катихисис для деток христианьских языка русского», вторая — «О оправдании грешного человека перед богом».

«Катихисис» сохранился в девяти экземплярах, которые сейчас находятся в библиотеках Москвы, Ленинграда, Кракова и Праги.

Вторая же книга Будного до нас не дошла. В свое время ее видел и описал Василий Степанович Сопиков. Но где находится экземпляр, которым он пользовался, никто не знает.

В дальнейшем вышло немало книг Симона Будного, но уже на польском языке. Он перевел на этот язык сначала «Новый завет», а затем и всю «Библию».

Человек острого и язвительного ума, блестящий полемист, знаток древних и новых языков, Будный не мог не оставить заметного следа в памяти первопечатника.

Впрочем, встречались ли они? Чтобы ответить на этот вопрос, познакомимся с переводом «Нового завета», который был издан в 1574 году в Лоске — небольшом местечке Виленского воеводства. Книга очень редка — сохранились лишь два экземпляра, которые в настоящее время находятся в Библиотеке Польской Академии наук в Курнике и в Библиотеке имени Оссолинских во Вроцлаве. Возможно, именно поэтому никто из русских ученых, изучавших жизнь и деятельность Ивана Федорова, не знал о предисловии Будного «Ко всем верным читателям этих книг», помещенном в издании 1574 года. В 1913 году предисловие перепечатал польский историк Г. Мерчинг. Но и на эту публикацию никто не обратил внимания. Лишь в 1965 году белорусский исследователь Григорий Яковлевич Голенченко заметил, что в предисловии названо имя Ивана Федорова.

Симон Будный рассказывает о начале книгопечатания в Москве, цитирует послесловие московского «Апостола» 1564 года. При этом он ссылается на «друкарей московских, которые здесь у нас уже несколько лет». Московские издания Будный получил от самих

первопечатников. Рассказывая о редактировании первых русских книг, Будный пишет: «Зная, что многие недавние и небольшие ошибки они-то друкари, как сами мне сообщили, по старым книгам исправили, но старые... еретиков искажения не по московскому собранию книг править, и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Учинили то, что могли, за что им другие должны быть благодарны...»

Можно не соглашаться с Будным, когда он ставит под сомнение компетентность первопечатников. Для нас важно другое: он лично встречался с Иваном Федоровым. А значит, мог быть знаком с первопечатником и Василий Тяпинский.

Первую часть «Нового завета» Тяпинского впервые описал в 1849 году Иван Петрович Сахаров на страницах «Обозрения славяно-русской библиографии». Знакомясь с книгой в Древлехранилище М. П. Погодина, Сахаров нашел на ее полях ссылки на хорошо известный ему московский печатный «Апостол» и на «московское недавно друкованное» «Евангелие», о котором он ничего прежде не знал.

На эти издания Тяпинский ссылался тогда, когда нужно было толковать какое-либо иностранное слово. В московском «Апостоле», например, в одном случае было приведено греческое слово «евнух», а в другом — его славянский эквивалент — «скопец». Тяпинский же считал нужным употреблять в переводе народное слово «каженик».

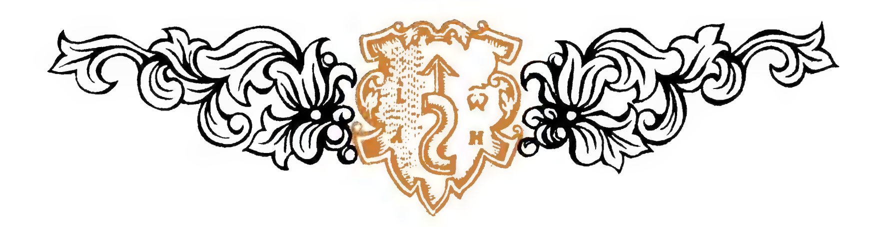
Московский «Апостол», напечатанный Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем в 1564 году, был хорошо знаком И. П. Сахарову. В «Обозрении славяно-русской библиографии» он рассказывает о 15 экземплярах этой прославленной книги. Иван Петрович видел ее в Петербургской Публичной библиотеке, в Библиотеке Академии наук, в новгородском Софийском соборе, в далеком Соловецком монастыре... Он читал «Апостол» и в частных собраниях — в Румянцевском музеуме, еще не перевезенном в Москву, в Древлехранилище М. П. Погодина, у Ивана Прокофьевича Каратаева, который впоследствии много трудился во славу славяно-русской библиографии, у историка Александра Дмитриевича Черткова, замечательная библиотека которого поступила в Московский Исторический музей, наконец — у Ивана Никитича Царского...

А вот ссылки на «московское недавно друкованное Евангелие» И. П. Сахарова удивили. На страницах рукописного сборника, в который вплетено издание Василия Тяпинского, Иван Петрович обнаружил запись монаха Супрасльского монастыря Евстафия, сделанную в 1580 году. А значит, и «Новый завет» Тяпинского был напечатан не позднее этого года.

А первое «Евангелие» в Москве, как это хорошо знал Иван Петрович и как утверждали решительно все библиографы, было напечатано лишь в 1606 году Анисимом Михайловичем Радишевским, учеником Ивана Федорова.

«На какое московское издание ссылается Тяпинский? — писал И. П. Сахаров на страницах «Обозрения славяно-русской библиографии».— Конечно, на Евангелие, напечатанное Иваном Федоровым, доселе не отысканное, но знаемое по одним темным указаниям».

Означает ли это, что к книгам, напечатанным Иваном Федоровым в Москве, нужно прибавить еще «Евангелие»? Ответ на вопрос читатель найдет в следующей части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А. Е. Викторов не верит авторитетам...

«Положили на Лампожне»

Труд жизни А. Е. Викторова

Кто же первопечатник?

Ученый архимандрит

А. Е. Викторов не верит авторитетам...

В 1912 году в импозантном томе, изданном к пятидесятилетию Московского Румянцевского музея, был помещен список «личного состава» этого прославленного собрания книг и произведений изобразительного искусства, которому в следующем пятидесятилетии суждено было стать крупнейшей библиотекой мира. В ту пору еще была жива память о человеке, который создавал Отделение рукописей и славянских старопечатных книг и стал его первым хранителем. Имя его названо в списке: статский советник Алексей Егорович Викторов.

Сын деревенского дьячка из небольшого сельца Орловской губернии, он пошел традиционным путем выходца из духовного сословия. Четырнадцати лет от роду поступил в Орловскую семинарию, в 1846 году стал слушателем Московской духовной академии. Схоластическая система преподавания, процветавшая здесь, гнетущим образом действовала на слушателей. Вспоминая о годах учебы, Викторов впоследствии писал академику И. И. Срезневскому, что вышел он из стен академии с теми же знаниями, с которыми пришел туда.

Карьера священнослужителя не вдохновляла Алексея Егоровича. В 1852 году, окончив академию, он попросил уволить его из духовного звания «за слабым здоровьем». И тогда же поступил на службу в Главный архив Министерства иностранных дел.

Младший архивариус Викторов много читал в те годы. Древняя российская словесность стала его страстью.

Работая в архиве, Алексей Егорович одновременно вел курс древнерусской литературы в Ермоло-Мариинском институте для девиц. Одна из слушательниц — княжна Мария Макушева —

привлекла его внимание тем, что самостоятельно изучила древнерусский язык и перевела с него летопись Нестора.

Викторов часто беседовал с девушкой и постепенно привязался к ней. Выпускные экзамены Макушева сдала блестяще. Поздравляя ее, Алексей Егорович, неожиданно для себя, сделал предложение. И добавил:

— Вы княжна, а я попович! Захотите ли идти об руку с поповичем?

Вскоре сыграли свадьбу. Совместная жизнь складывалась счастливо. Но полтора года спустя молодая жена Алексея Егоровича заболела и умерла. Викторов замкнулся в себе и отныне уже ничем, кроме милых его сердцу старинных книг, не интересовался.

Жил он на казенной квартире, в которой, как вспоминают современники, не было «ни кровати, ни обеда, ни даже прислуги — ничего, что делает уютной и приветливой квартиру одинокого человека». Спал Алексей Егорович «на жесткой кушетке, питался — как студент — сухоядением: яйца, колбаса, икра — обычное меню студенческой кухни, и только за год до смерти стал посылать за обедом в один из московских трактиров».

В 1862 году Викторова пригласили в только что открытый Румянцевский музей; он стал хранителем Отделения рукописей и славянских старопечатных книг.

Для музея Алексей Егорович сделал исключительно много.

Коллекция старопечатных книг, собранная графом Н. П. Румянцевым, могла похвалиться первоклассными раритетами. Но была она и весьма фрагментарной. Русских книг XVI—XVII веков в ней было менее ста.

А. Е. Викторов старался пополнить собрание. Он много ездил по стране, посещал монастыри и старые церкви, привозил в Москву рукописи и древние книги. Все собиратели были у него на учете. Некоторых он уговаривал подарить книги музею, у других выменивал раритеты, которых в музее не было, у третьих покупал собрания целиком.

Сколько томов за эти годы прошло через руки Алексея Егоровича, сосчитать невозможно. Каждый из них он внимательно изучал и тщательно описывал: архив А. Е. Викторова, который хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина,— неисчерпаемый кладезь сведений для историков рукописной и печатной книги.

А. Е. Викторов.
С гравюры Ю. Барановского. 1884 г.

Стараниями А. Е. Викторова в Румянцевский музей поступили собрания Т. Ф. Большакова и Д. В. Пискарева, архимандрита Амфилохия и П. И. Севастьянова и особенно богатые библиотеки библиографа и книговеда В. М. Ундольского и украинского коллекционера И. Я. Лукашевича — в каждом более 800 старопечатных книг.

«Какими-то путями,— рассказывали современники,— ему удавалось всегда знать первым не только о продаже какой-нибудь библиотеки, но даже какой-нибудь одной рукописи или старопечатной книги. И во время хлопот о таких приобретениях он обыкновенно переживал все муки, какие переживает влюбленный, не уверенный во взаимности. Мучился, волновался, лишался аппетита, не спал ночи, если встречались неудачи в задуманных планах».

Читатель, наверно, помнит слова М. П. Погодина о Василии Федоровиче Моржакове, торговавшем старыми книгами на Нижегородской ярмарке: «...не зная грамоте, он взглянет на книгу и скажет вам, бывало, где она напечатана».

Алексей Егорович Викторов этим искусством овладел в совершенстве. По сравнению с Моржаковым, у него было немало преимуществ, и, прежде всего, блестящие познания в области древнерусской словесности. Был Викторов и превосходным палеографом — моментально, с листа, расшифровывал вязь, читал неразборчивую скоропись, мог по почерку определить место и время создания рукописи.

Из великой массы просмотренных Викторовым старопечатных книг мысль его со временем вычленила обособленную группу: три «Евангелия», две «Псалтыри» и две «Триоди». Ни в одной из этих книг не было ни предисловий, ни послесловий. Кто, где и когда напечатал их — оставалось загадкой.

Попадались они библиографам и ранее. Еще в 1833 году собиратель старых книг А. С. Ширяев описал одно из «Евангелий» с характерным узким шрифтом. Напечатано оно плохо,— видно, мастер его только-только осваивал типографскую технику.

«Она есть одна из первых вышедших на славянском языке книг»,— посчитал Ширяев. И отнес ее к самому началу XVI столетия.

Павлу Михайловичу Строеву было известно другое «Евангелие» — с более широким шрифтом и заставкой, в которой был изображен один из легендарных авторов книги — евангелист Матфей. Книга находилась в собрании Ивана Никитича Царского, каталог которого Строев составил. В том же собрании было еще одно «Евангелие» — с совсем уже широким шрифтом, а также «Триодь постная» с удивительно красивой заставкой.

«Напечатано где-нибудь на юге, в начале XVI века»,— решил П. М. Строев.

«Евангелие» вызвало у него некоторые сомнения, и он сопроводил описание следующим размышлением:

«Издание не известное библиографам, конечно, южное; или не первое ли московское, если оно действительно было».

«Где-нибудь на юге» — значит в Сербии, в Валахии или в Венеции. Мнение это вскоре стало общепринятым.

Иван Прокофьевич Каратаев, один из крупнейших авторитетов в области славянской библиографии, описал в своей «Хронологической росписи славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами» (Спб., 1861) три «Евангелия» и «Триодь постную», не имеющих выходных сведений, и атрибутировал: «южной типографии, половины XVI века».

Заставка из среднешрифтного «Евангелия»

Заинтересовавшись безвыходными старопечатными книгами, А. Е. Викторов прежде всего установил, что все они, очевидно, сделаны в одной типографии. Двум «Евангелиям» — со средним и с самым широким шрифтом — соответствовали две «Псалтыри», напечатанные теми же шрифтами. Во всех трех «Евангелиях» встречалась одна и та же заставка. Были и общие инициалы-буквицы.

Шрифт, вязь, заставки книг, вне всякого сомнения, восходили к московской рукописной традиции, превосходно знакомой Алексею Егоровичу. На краковские, венецианские, сербские они совершенно не походили.

А. Е. Викторов тщательно изучил особенности языка и состава безвыходных книг.

Редакция их во всем восходила к московским рукописям и к более поздним московским изданиям.

Постепенно у Викторова складывалось мнение: безвыходные старопечатные издания напечатаны в Москве. Однако высказать его публично Алексей Егорович долго не решался. Слишком велик был авторитет П. М. Строева, И. П. Каратаева и других библиографов.

Нужно было определить: когда были напечатаны безвыходные книги?

«Положили на Лампожне»

Чтобы определить миграцию птиц, их кольцуют. Книги подчас путешествуют на более дальние расстояния, чем птицы. Но книгу не закольцуешь...

Кольца не кольца, а приметы места и времени на страницах древних фолиантов остались. Изучая эти приметы, мы можем выяснить, где и когда побывала книга. А иногда — где и когда она была напечатана.

Речь идет о записях на ее страницах.

Наши предки любили оставлять пометы на книгах. Владелец нередко считал необходимым засвидетельствовать, что экземпляр принадлежит именно ему и никому другому: «Сия книга, глаголемая Соборник, вольной женки посацкие дочери Татьяны Федоровы дочери Скрябина».

Такие же записи оставляли на полях книгохранители монастырских библиотек: «Сия книга домовая церковная Николы чудотворца да Георгия страстотерпца общаго монастыря с Прилука на Двине».

Если кто-либо дарил книгу, он свидетельствовал об этом на ее страницах. Например, так: «172-го году (то есть 1663 г.) сентября в 1 день, книга глаголемая Минея села Павлова крестьянина Васьки Евсегнеева сына Белоусова, а благословил его дедушко Самойло Иванов сын Посник». Вот какой заботливый дедушка — подарил книгу к Новому году!

Купить нужную книгу сейчас не составляет труда — нужно лишь, чтобы она была в книжном магазине. Заплатите в кассу, вручите чек продавцу — и дело сделано!

Не так было в старину — в XVI—XVII веках, когда книги стоили дорого. Покупатель хотел знать, не сделал ли он какой-то промашки. Вдруг книга — краденая и с нею придется распроститься! А может, и сам продавец — человек нечестный. Заявит, что у него украли книгу или что деньги заплатили неполностью. Поэтому продажу книги обставляли формальностями. Составляли специальную купчую — отпись, которую нередко фиксировали на страницах самой книги. В отписи упоминались имена покупателя и продавца, а иногда и свидетеля: «Продал сию книгу поп Кузьма Степану Федорову, а поручился Миля Ветошкин».

Книготорговец свидетельствовал, что «деньги все сполна взял» или что «книга куплена без выкупа». Он давал обязательство «очищать» покупателя — брать все возможные неприятности на себя. Так, в 1546 году Петеля Евсеев, продав «Псалтырь» «Ивану Данилову сыну книжнику», написал на ней: «...и кто за ту Псалтырь поимаетца и мне очищать».

Яков Остафьевич Сушков, по прозвищу Ушак, продавший в 1569 году «Евангелие» игумену Тихону, засвидетельствовал, что он «взял на том Евангельи рубль денег и мне Якову до тово Евангелья дела нет».

Отписи, в которых указывались и цены книг,— важный источник для истории книжного дела. Историки тщательно собирают и внимательно изучают их. Обращал на них внимание и Алексей Егорович Викторов.

В библиотеке московского коллекционера Павла Васильевича Щапова Викторов обнаружил одно из безвыходных «Евангелий», страницы которого украшала (в этом случае иначе и не скажешь!) следующая запись: «Лета 7071 (то есть 1563 г.) сию книгу новопечатное Евангелие положили на Лампожне страстотерпцу Христову Георгию в дом Кирило Михайлов сын Офутина з братьею, а подписал Кирило сам своею рукою апреля в 23 день».

Значит, за год до выхода в свет первой книги Ивана Федорова Кирилл Михайлович Офутин уже имел недавно напечатанное «Евангелие». Было это в Лампожне — слободке на Мезени, в то время крупном торговом пункте, где московские купцы вели обмен товарами с «самоядью» — народами Севера.

На страницах безвыходной «Триоди постной», хранившейся в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, А. Е. Викторов прочитал:

«Лета 7070-го (то есть 1562 г.) дал книгу сию в дом Чюдному Богоявленю старец Севастьян, митрополич ключник, по своей душе и по своих родителех на поминок».

А. Е. Викторов знал, что «Чюдное Богоявление» — это церковь на подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве, а старец Севастьян — один из приближенных митрополита Макария.

Теперь уже сомнений у Алексея Егоровича не оставалось: безвыходные издания напечатаны в Москве до «Апостола» 1564 года.

Труд жизни А. Е. Викторова

«Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 года?» Так назывался доклад, прочитанный А. Е. Викторовым в июле 1874 года в Киеве на Третьем Археологическом съезде.

Нужно было обладать недюжинной научной смелостью, чтобы поставить этот вопрос. Все, казалось, было против Викторова — многолетняя традиция, авторитетные указания зачинателей славяно-русской библиографии и, наконец, слова самого Ивана Федорова в послесловии к «Апостолу» 1564 года о том, что именно эта книга была напечатана им «первее». Трудности не остановили археографа; он знал: чтобы сказать новое слово в науке, нужно прежде всего сломать традицию.

В докладе шла речь о трех изданиях: двух «Евангелиях» и «Триоди постной».

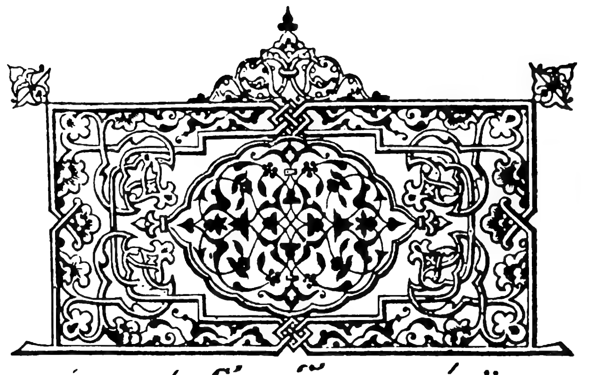
Десять лет спустя, 26 марта 1883 года, Викторов писал историку и археографу Л. А. Кавелину:

«Впоследствии я порешил свой реферат, составлявший только извлечение из того, что было мною написано, обработать в более подробном виде, причем взял под свою опеку и другие, обращающиеся в нашем книжном мире безвыходные издания... Но по разным причинам должен был отложить печатание своего издания, для которого я готовил свою статью. Так мое писание и лежит доселе в письменном столе и не явилось миру, хотя я еще не отчаиваюсь возвратиться к нему».

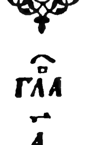
Надеждам Алексея Егоровича не суждено было сбыться. Несколько месяцев спустя он отправился на воды — в Пятигорск — и там заболел и 20 июля 1883 года умер на гостиничной койке. Было ему 56 лет.

Большое исследование Викторова о московских безвыходных изданиях осталось неопубликованным. Лишь в 1954 году сотрудница Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Р. П. Маторина, разбирая архив Викторова, нашла его. В 1976 году автор этих строк опубликовал труд Алексея Егоровича на страницах ежегодника «Федоровские чтения».

Когда историки познакомились с неопубликованной работой А. Е. Викторова, многое для них было неожиданным. Считалось, что он ввел в оборот науки сведения о трех безвыходных изданиях — узкошрифтном и среднешрифтном «Евангелиях»

Ѿ матѳеа ст҃ое бл҃говѣствованїе

гл҃а

а҃

Книга рост҃ва іс҃ х҃ва сн҃а
дв҃два, сн҃а авраамля.
Авраамъ роди, исаака.
Исаакъже роди, иакова.
Иаковже роди, июду
и братїю его. июдаже роди фареса
и зара ѿ ѳамары. фаресже роди
не прер҃жтво х҃вымъ ст҃ы ѿцъ.

иисꙋлиппоположи

а

Широкошрифтное «Евангелие»

и «Триоди постной». Честь открытия еще трех изданий — среднешрифтной и широкошрифтной «Псалтырей» и широкошрифтного «Евангелия» отдавали другим исследователям: Л. А. Кавелину, А. А. Гераклитову и А. И. Некрасову. Оказалось, что Алексею Егоровичу были известны и эти издания. Более того, он описал седьмое безвыходное издание — «Триодь цветную», о котором никто ничего не знал. Викторов обнаружил эту книгу в коллекции собирателя П. В. Щапова. Его библиотека в 1888 году поступила в Государственный исторический музей. Однако «Триоди цветной» в ней не было.

Так по сей день никто и не видел этой книги. Сохранились лишь — в архиве А. Е. Викторова — фотографии нескольких листов.

Кто же первопечатник?

Викторов доказал, что и до 1564 года в Москве выпускались печатные книги. «Апостол» Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца не был первенцем нашего типографского дела. Может быть, и мастеров этих не следует называть «первопечатниками»? Кому же присвоить это гордое звание?

В 1843 году в Археографическую комиссию из Новгородского губернского правления прислали «копийные книги» XVI века. Изо дня в день в 1554—1556 годах новгородские подьячие переписывали в них указы и другие бумаги, приходившие из Москвы.

Одна из книг была сильно попорчена, верхние края листов отсырели, текст на них едва читался. Разбирал записи Яков Иванович Бередников (1793—1854), давний сотрудник П. М. Строева по археографическим экспедициям.

«Первые строки весьма трудно разобрать,— рассказывал он впоследствии,— но я прочитал их по навыку и сравнению с подобными местами, встречающимися в других грамотах».

Внимание Я. И. Бередникова привлекла грамота, написанная 9 февраля 1556 года в Москве со слов царя дьяком Ондреем Васильевым. Вот ее текст:

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в нашу вотчину в Великой Новгород диаком нашим Федору Борисову сыну Еремеева да Казарину Дубровскому. Посылал есмя в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева и велели есмя ему досмотрети камени, которой камень приготовил на помост в церковь к Пречистой ку Стретеню Федор Сырков. И как Маруша того камени досмотрит, скажет вам, что тот камень пригодитца в помост в церковной, и лице будет на него наложити мочно... и вы б тот камень досмотрели сами, да и мастеров к тому камени подобыли, хто б на том камени лицо наложил, как в Софее Премудрости Божьей. Или будет сам Маруша похочет на том камени поискуситись, лице наложить, и вы б того камени прислали к нам на образец, каменя два или три, с Марушею ж вместе... Да Маруша ж нам сказывал, что есть в Новегороде Васюком зовут Никифоров, умеет резати резь всякую. И вы б того Васюка прислали к нам на Москву с Марушею ж вместе... а не изспеет с ним вместе ехати, и он бы ехал после по своей воле, а был бы однолично на Москве наборзе».

В Новгород послан умелец Маруша Нефедьев, чтобы определить пригодность камня, предназначенного для церкви, которую в ту пору строили в Московском Кремле на подворье Юрия Васильевича — слабоумного брата Ивана Грозного. Маруша должен был определить, можно ли резать по камню барельефы. Заодно следовало привезти в Москву и гравера Васюка Никифорова, который умеет «резати резь всякую».

Во всем этом ничего удивительного не было. Поражало лишь, что Маруша назван «мастером печатных книг». В другой грамоте — от 22 марта 1556 года — его именуют «печатным мастером».

Докладывая 21 сентября 1843 года на заседании Археографической комиссии о вновь найденных документах, Я. И. Бередников заметил:

«Если в 1556 году были печатники в России, то что же останавливало книгопечатание до 1563 года?»

Вспомним, что А. Е. Викторов установил, что книги печатались в Москве и до того, как в 1563 году здесь была основана типография Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Быть может, в этих первых опытах принимали участие Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров, имена которых ввел в научный оборот Я. И. Бередников?

Ученый архимандрит

Калужский дворянин Лев Александрович Кавелин (1822—1891) в молодые годы мечтал о военной карьере. Он поступил в Волынский полк и был желанным гостем на балах Петербурга и Москвы. Мамаши входящих в годы невест считали его прекрасной партией. Но Кавелин, неожиданно для всех, покинул полк. Что сталось с ним, никто не знал, пока он не объявился в Оптиной пустыни под именем монаха Леонида.

Несчастная ли любовь или еще что были тому причиной — сейчас сказать трудно. Бесспорно одно — история российской словесности явно выиграла от решения молодого офицера.

Леонид долго жил на Востоке — в Константинополе и Иерусалиме. Посещал монастыри на Афонской горе. И всюду часами сидел в монастырских библиотеках, разбирал рукописи и старопечатные книги. В 1877 году его назначили наместником Троице-Сергиевой лавры под Москвой. Здесь он всецело посвятил себя археографическим занятиям в богатейшем книгохранилище лавры.

Архимандрит Леонид составил образцовые для своего времени каталоги и описания рукописей Троице-Сергиевой лавры, Козельской Оптиной пустыни, Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, городских и сельских церквей Калужской епархии... По сей день считается классическим составленное им четырехтомное «Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова» (М., 1893—1894).

Изучая старопечатные издания, Леонид, не зная о работах А. Е. Викторова, также выделил группу безвыходных книг. Поначалу ему казалось, что все они напечатаны в Кракове — возможно самим славянским первопечатником Швайпольтом Фиолем.

В Музее книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится принадлежавший Леониду экземпляр «Описания славяно-русских книг», составленного И. П. Каратаевым и выпущенного первым изданием в 1878 году. Поля его испещрены пометами. Получилось так, что о докладе А. Е. Викторова на Третьем Археологическом съезде ученый архимандрит узнал не сразу. Это видно из следующей его приписки на полях каратаевского «Описания» против текста о безвыходных изданиях, которые Кара-

Л. А. Кавелин. С гравюры XIX в.

таев атрибутировал «южным типографиям»: «Все они издания краковские... Может быть и напечатаны тайно (по силе королевского запрещения), а потому без выхода».

Позднее Леонид подробно изучил безвыходные издания и убедился в их московском происхождении. На полях «Описания» появилась новая приписка: «...напечатаны между 1562—1563 годом, напечатаны в Москве, а не в южных типографиях, как полагает автор сего Описания».

Накопленные с годами наблюдения ученый архимандрит положил в основу библиографического исследования «Евангелие, напечатанное в Москве 1564—1568», изданного в Петербурге в 1883 году. Описал он здесь широкошрифтное издание. И высказал мнение, что это — то самое «московское недавно друкованное Евангелие», на которое ссылался Василий Тяпинский. «Новый завет» Тяпинского архимандрит Леонид видел в Петербургской Публичной библиотеке, куда эта книга поступила вместе с собранием М. П. Погодина.

Кто же печатал безвыходное «Евангелие»? По этому поводу у архимандрита Леонида сомнений не было — конечно же, Иван Федоров. В доказательство он привел следующий факт: одна из заставок книги отпечатана с той же самой доски, что и в «Апостоле» 1564 года.

В дальнейшем оказалось, что доска другая. Но чтобы установить это, понадобилось более 50 лет.

Кроме широкошрифтного «Евангелия», Леонид писал в своей брошюре о двух других безвыходных «Евангелиях», об одной «Псалтыри» и о «Триоди постной».

В обстановке всеобщего скепсиса, которым было встречено сообщение А. Е. Викторова на Третьем Археологическом съезде, поддержка со стороны столь авторитетного знатока церковной старины пришлась ему более чем кстати. Ведь Леонид сделал те же выводы, что и он. И Викторов с благодарностью откликнулся на письмо ученого архимандрита, приславшего ему свою брошюру.

После смерти Алексея Егоровича Леонид в рецензии на второе издание каратаевского «Описания», опубликованной в мае 1884 года в «Журнале Министерства народного просвещения», возмущался тем, что «г. Каратаев относится почему-то неблагосклонно к мнению, уже получившему право гражданства в библиографии, мнению, столь доказательно выраженному и впервые заявленному нашим известным московским библиографом покойным А. Е. Викторовым».

К сожалению, не только И. П. Каратаев «неблагосклонно» отнесся к утверждению о московском происхождении безвыходных изданий. С 1878 года, когда был опубликован доклад Викторова, и до 1917 года появилось свыше 200 книг и статей, так или иначе затрагивавших вопросы возникновения русского книгопечатания. Лишь в одной-двух работах упоминалось об исследованиях А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина.

Буржуазная историография конца XIX — начала XX века, представленная громкими именами И. Е. Забелина, Е. В. Барсова, М. Н. Сперанского, Е. Е. Голубинского, по-прежнему первой московской печатной книгой считала «Апостол» 1564 года.

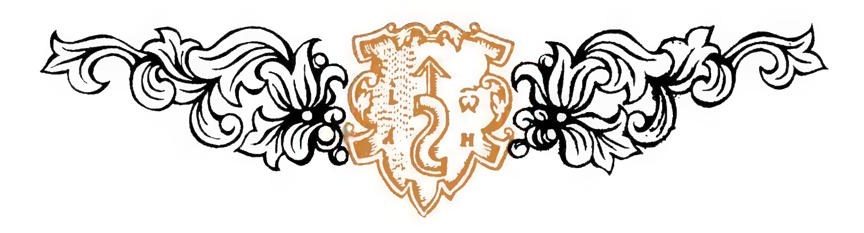
Добро бы еще эти авторы возражали А. Е. Викторову и Л. А. Кавелину. Они просто замалчивали их работы.

В 1895 году историк церкви Е. Е. Голубинский опубликовал в «Богословском вестнике» статью «К вопросу о начале книгопечатания в Москве» — и здесь, упоминая о безвыходных изданиях, утверждал, что «большинство наших библиографов считают эти

книги за произведения типографий южных, то есть южнославянских или угровлахийских». Предположение А. Е. Викторова о том, что эти книги «напечатаны были в Москве до Апостола 1564 года», «не может быть признано за вероятное».

Вот и вся аргументация!

Со временем выводы А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина стали забываться. Полвека спустя московское происхождение безвыходных изданий пришлось доказывать наново советским книговедам А. А. Гераклитову, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Юбилей

Преступное небрежение Сарницкого

Когда умер Иван Федоров?

В львовском архиве

В Дерманском монастыре

Письмо Мартина Сенника

Ученик Гринь Иванович

Иван Переплетчик

Юбилей

Несколько лет назад в Ленинграде, в букинистическом магазине на углу Невского проспекта и проезда, сворачивающего к арке Генерального штаба, я купил юбилейный выпуск журнала «Обзор графических искусств» — «Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883». Само издание это с приложенной к нему ксилографией, изображающей неосуществленный проект памятника знаменитому типографу, сейчас встречается редко. Но экземпляр, приобретенный мною, был ценен вдвойне.

Первый владелец его, работавший в известной петербургской словолитне О. Лемана, переплел вместе с журналом различные юбилейные материалы, увидевшие свет в декабре 1883 года, когда отмечалось 300-летие со дня смерти Ивана Федорова. В их числе — брошюра П. Н. Полевого «Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова».

На 16 страницах автор сумел изложить почти все, что к тому времени было известно о знаменитом типографе.

О московских безвыходных изданиях Полевой не говорил. Обстоятельства начала книгопечатания в Москве были изложены по послесловию «Апостола» 1564 года. Упомянут и «Часовник» 1565 года. Далее, по послесловию львовского «Апостола» 1574 года, рассказано о бегстве Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в Великое княжество Литовское. Названы заблудовские издания — «Учительное евангелие» 1569 года и «Псалтырь» с Часословцем» 1570 года. Идет речь о начале книгопечатания на Украине — во Львове и, наконец, о деятельности Ивана Федорова в Остроге, где он выпустил «Новый завет» 1580 года и знаменитую «Острожскую Библию» 1581 года.

Вот, пожалуй, и все.

Брошюру П. Н. Полевого раздавали в зале городской думы, где 6 декабря 1883 года в 1 час пополудни состоялось «бесплатное литературно-музыкальное утро для наборщиков».

В купленном мною конволюте — так книговеды называют том, соединивший под одной переплетной крышкой различные печатные материалы,— нашлось место для программ и пригласительных билетов почти уже вековой давности.

Программы, буклеты, пригласительные билеты — они выпускались и выпускаются по разному поводу. Издания такого рода, к сожалению, редко сохраняются. Некоторые из них представляют огромный интерес. Для историка, который в наши дни во всеоружии марксистско-ленинской идеологии восстанавливает объективную картину давно прошедших столетий, важны всевозможные, подчас незначительные документы.

Каждая эпоха открывает в великом человеке какие-то новые близкие и понятные ей черточки. Отношение к незаурядной личности в то или иное время и в той или иной среде — своеобразное зеркало и эпохи и среды.

Одно и то же явление, если смотреть на него разными глазами, может быть поставлено на службу подчас весьма противоречивым целям.

Юбилей 1883 года прошел под знаком великодержавности. Начался он 5 декабря торжественной панихидой в Казанском соборе. Литературно-музыкальное утро, состоявшееся на следующий день, открылось гимном «Боже царя храни» и завершилось традиционным «Славься, славься». Выступал на концерте «хор военной музыки Лейб-гвардии Егерского полка под управлением г. Армсгеймера». Александр фон Беземан прочитал стихотворение «Памяти первого друкаря на Руси». О характере его дают представление первые две строфы:

Взошла Руси заря. Лучами просвещенья
Согрет и озарен Руси младой народ...
Родной народ-гигант стезею обновленья,
Стезею твердою познаний и ученья,—
По ниве трудовой все движется вперед...

Взошла Руси заря. Взошли младые всходы;
Гнетущий скорбный мрак исчез в пучине лет;
Рассеяны во прах дыханием свободы
Веков таинственных страданья и невзгоды,—
И воссиял средь нас животворящий свет.

Кончился праздник обедом в ресторане Бореля, подписная цена на который была назначена в 10 рублей с персоны. Либеральные веяния пореформенной эпохи сказались разве лишь в словах объявления о том, что на обеде «форма одежды не обязательна, можно быть в сюртуках».

Так официальная Россия отмечала память великого просветителя.

За внешним обличием, парадным или непритязательным, историк обязан разглядеть суть явления. Юбилей 1883 года свидетельствовал о том, что в ту пору впервые было осознано значение печатного слова в социально-политической и общекультурной истории русского общества. А значит, и величие подвига, совершенного первопечатником.

Юбилейные торжества стали своеобразным катализатором научных исследований, значительных находок. Сделаны они были, в основном, во Львове, где историки впервые обратились к архивным поискам.

Но были и утраты...

Преступное небрежение Сарницкого

Как мы уже говорили, Михаил Петрович Погодин, побывавший в Онуфриевском монастыре в 1835 году, просил В. Компаневича замуровать надгробную плиту первопечатника в стену — для лучшей сохранности. Это, к сожалению, сделано не было.

В 1860 году плита еще лежала на месте; ее осматривал профессор Львовского университета Яков Федорович Головацкий (1814—1888).

Человека этого любили и уважали в украинских кругах. В молодые годы, занимаясь в Львовской семинарии, он стал членом просветительского кружка «Русская троица». Основной своей задачей кружок считал возрождение национального языка.

Я. Ф. Головацкий много и плодотворно занимался историей книгопечатания. Его большое исследование о славянском первопечатнике Швайпольте Фиоле, основавшем типографию в Кракове в 1491 году, по сей день считается классическим.

В Онуфриевском монастыре Яков Федорович нашел рукописную «Библию», которую в 1576 году начал переписывать Дмитро Писарчик из Зенкова. Не исключено, что «Библию» эту видел Иван Федоров. Текст ее повторял знаменитое пражское издание белорусского просветителя Франциска Скорины. Самое интересное состояло в том, что рукопись содержала и те книги «Библии», которых в печатном издании не было.

Часто посещая библиотеку Онуфриевского монастыря, Я. Ф. Головацкий не мог не заинтересоваться надгробной плитой русского первопечатника. В 1860 году в львовском альманахе «Зоря Галицкая» он опубликовал ее подробное описание.

«Я осматривал уже забытый тот памятник,— писал Яков Федорович.— Он лежит по правой стороне от входа в церковь святого Онуфрия под лавками, на нем стоящими, вставленный в каменный пол. Состоит из четырехугольной плиты песчаника полтретья аршина долгой, а полтора аршина широкой, на которой з лицевой стороны во двох параллельных обводках выкована врезная круговая надпись. Сторона от запада совсем истерта, що неможно отчитати ничего».

Далее Головацкий приводил ту часть надписи, которую он сумел разобрать. В конце же прибавил:

«Прочее вытерто или вытоптано ногами... Понеже камень разломанный на середине, то некоторые буквы надписи выкрушились».

Прошло еще тринадцать лет.

В 1873 году Львов посетил председатель Московского Археологического общества Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884). Побывал он и в Онуфриевском монастыре — специально чтобы увидеть надгробие Ивана Федорова.

Историк монастыря М. Мациевский, сопровождавший именитого гостя, рассказывал впоследствии, что Уваров «вельми урадовался, ще еще подпись на камне не была совершенно стерта». Он тут же заказал гипсовый слепок надгробия.

Слепок увезли в Москву и здесь вставили в торец одного из шкафов Типографской библиотеки, помещавшейся в здании Московского Печатного двора на Никольской улице. В этой библиотеке хранился «Апостол» 1564 года, найденный Петром I в Чудовом монастыре.

Последним видел плиту западноукраинский историк Антоний Стефанович Петрушевич (1821—1913), опубликовавший в юбилейном 1883 году небольшую книжку с длинным названием: «Иван Федоров русский первопечатник. О начале книгопечатания на Руси вообще, а в городе Львове в особенности».

Петрушевич был в Онуфриевском монастыре 14 августа 1883 года.

Онуфриевский монастырь. С акварели Ф. Ковалишина. XIX в.

«Надгробный камень,— рассказывал он,— почти один сажень долготою находится ныне в церкви святого Онуфрия в притворе близ главных дверей, с правой стороны под стеною, закрыт теперь скамейками».

Несколько месяцев спустя надгробная плита исчезла при таинственных обстоятельствах.

Обстановка в Галиции, в ту пору принадлежавшей Австро-Венгрии, была сложной. Украинские культурные круги тянулись к России. Австрийские власти жестоко преследовали всякие выражения симпатии по отношению к Москве. Украинской газете «Слово» было запрещено даже публиковать телеграмму Славянского благотворительного общества в Петербурге по случаю 300-летней годовщины со дня смерти Ивана Федорова.

Униатская церковь, тяготевшая к Ватикану, всячески старалась преуменьшить значение вековых связей русской и украинской культуры. Онуфриевский монастырь принадлежал униатам. Его протоигумен Климент Сарницкий слыл фанатиком.

В преддверии юбилея украинские литераторы отправились в монастырь почтить память Ивана Федорова. Но надгробной плиты первопечатника в церкви не оказалось.

1 декабря 1883 года, за пять дней до юбилея, журналист С. А. Мончаловский, писавший под характерным псевдонимом «Русак», на страницах газеты «Слово» обвинил К. Сарницкого в преднамеренном уничтожении плиты.

Разгорелись страсти, за которыми никто не позаботился объективно разобраться в происшедшем. Русская реакционная пресса подхватила обвинение главным образом для того, чтобы обострить национальную рознь.

Протоигумен Климент Сарницкий решил оправдаться. Он составил протокол, в котором привел показания свидетелей происшествия. Очевидцы утверждали, что во время ремонта Онуфриевской церкви надгробие приподняли ломом. 300-летний песчаник будто бы не выдержал и рассыпался на мелкие куски. Протокол сохранился; он находится сейчас в Библиотеке имени Осолиньских во Вроцлаве (ПНР).

Так это было или нет, теперь сказать трудно. У нас нет оснований предполагать злонамеренность. Но в преступном небрежении Климент Сарницкий безусловно повинен.

На этом история плиты не закончилась.

В 1901 году во Львове побывал археолог Г. А. Воробьев. Вернувшись в Россию, он опубликовал в «Историческом вестнике» статью «В столице Галицкой Руси», где утверждал, что видел надгробный камень в Онуфриевском монастыре «недалеко от главного входа, на левой стороне, под лавками».

Каким образом камень перекочевал из правого притвора церкви в ее левую часть, оставалось загадкой.

Но и в дальнейшем находились очевидцы, посещавшие львовский Онуфриевский монастырь и утверждавшие, что они видели

плиту. Так, один из них — журналист А. Ходоровский (Ардов) — в 1914 году нашел ее будто бы не в церкви, а во дворе.

«С левой стороны у старинной тяжелой двери монастырской часовни,— рассказывал А. Ходоровский на страницах иллюстрированного журнала «Нива»,— я действительно замечаю грязную, порядочно стертую плиту. Она вделана в стену. Вделана примитивно, без защиты или прикрытия. От этого плита все время подвергается действию влаги, размывающей вырубленную надпись. Прочесть надпись на плите сейчас уже невозможно. Если встать подальше, можно еще разобрать два-три слова».

Плиту Ходоровскому будто бы показывал «не очень старый иеромонах в типичном для василианцев подряснике и маленькой скуфейке». Это был Мелетий Лончина, преемник Климента Сарницкого.

Ссылаясь на свидетельство Лончины, церковные власти Галиции 8 ноября 1923 года составили акт, в котором утверждалось, что надгробие Ивана Федорова сохранилось: оно замуровано около алтаря правой боковой часовни Онуфриевской церкви.

В 1924 году, когда отмечалось 350-летие начала книгопечатания на Украине, Научное товарищество имени Т. Г. Шевченко решило разобраться во всех этих противоречивых свидетельствах. Историк Иван Кревецкий разыскал Мелетия Лончину и беседовал с ним. Игумен утверждал, что в 1887 году Климент Сарницкий показал ему плиту величиной около метра, вделанную в пол часовни.

«Вот плита первого русского друкаря Ивана Федорова»,— сказал Сарницкий.

В 1903 году, продолжал Лончина, архитектор Иван Левинский перестраивал церковь и возвел новую стену, закрывшую надгробие.

И. Кревецкий опубликовал в журнале «Старая Украина» чертеж, на котором указано местонахождение плиты. Пытаясь примирить две разноречивые версии, он утверждал, что в 1883 году К. Сарницкий говорил об уничтожении лишь части плиты. Уцелевшая ее часть в метр длиной будто бы была вмурована в пол, а затем закрыта стеной.

За спорами о судьбе плиты не заметили одного существенного обстоятельства.

Украинский историк Д. И. Зубрицкий, писавший о плите в 1836 году, и М. П. Погодин, видевший ее за год пред тем, прочитали на ней дату кончины первопечатника: 5 декабря 1583 года. На слепке же А. С. Уварова указано другое число: 6 декабря 1583 года.

Когда умер Иван Федоров?

В 1883 году 300-летие со дня смерти первопечатника Ивана Федорова отмечали 5 декабря. 75 лет спустя, в 1958 году, юбилейную дату передвинули на 16 (6) декабря.

Дата смерти была указана на плите, которая, видимо, безвозвратно исчезла. На удивление, пропал и слепок с плиты, изготовленный в 1873 году по распоряжению А. С. Уварова. Типографскую библиотеку, где он хранился, со временем передали Центральному государственному архиву древних актов. А некоторые вещественные экспонаты, и среди них древнейший русский печатный станок, перевезли в Исторический музей. Слепка надгробной плиты Ивана Федорова нет ни там, ни тут.

Сохранились, однако, рисунки, сделанные с плиты в 1817 и в 1822 годах М. Гриневецким и П. Кеппеном. Той части надписи, где содержится дата, авторы зарисовок прочитать не смогли. Есть рисунки и слепка. На них, напротив, дата читается ясно.

Как удалось художникам, изготовлявшим слепок, прочитать надпись в 1873 году, когда за полвека пред тем Петр Иванович Кеппен не сумел сделать этого? Да и Яков Федорович Головацкий, прекрасный палеограф, потерпел неудачу.

«Неможно отчитати ничего!» — утверждал он.

Какая же дата правильна — 5 декабря или 6 декабря?

Нужно учесть, что дата на плите была воспроизведена не арабскими, а кирилловскими цифрами. Спутать «Е» (5) и «S» (6) вроде бы невозможно.

Ответить на вопрос «когда умер Иван Федоров?» помогла находка в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника. Это «Апостол» 1574 года, в свое время принадлежавший Онуфриевскому монастырю.

На нижнем поле первых листов и на обороте гравированного фронтисписа книги имеется следующая запись:

«Сия книга Апостол есть монастира Львовского преподобного отца Онуфрия пустынножителя, иде же и друкарь ея есть погребении року божия 1583 дня 5 декабря...»

Дата повторена дважды — кирилловскими буквами и цифрами, а также в латинской транскрипции.

Сделана запись в XVIII веке, скорее всего, монахом Онуфриевской обители.

Но откуда взял дату автор записи? Он прочитал ее на надгробной плите Ивана Федорова и сам говорит об этом: «яко же свидетельствуется его (то есть Ивана Федорова.— *Е. Н.*) надгробок во церкви святого Онуфрия, знайдующийся пред олтарем пресвятыя Богородицы».

В записи воспроизведен «герб» первопечатника, его издательский знак, который монах срисовал с надгробия. Такой же знак включен в геральдическую композицию на последней странице «Апостола» 1574 года. Есть он и в экземпляре, в котором сделана запись.

Монах подробно сравнивает «гербы» на надгробии и в «Апостоле»: «...токмо же на надгробком суть литеры IѲ, что значит Іоанн Ѳедорович. При конце же книги сея есть выписано имя Іоанн, яко же кийждо сия снести и сравнити может».

Запись недвусмысленно свидетельствует, что монах видел надгробие и именно с него списал дату кончины Ивана Федорова. А значит, у нас не остается никаких сомнений в том, что первопечатник умер 5 декабря 1583 года.

Ошибка на слепке А. С. Уварова — «6 декабря» — сделана потому, что слепок этот не был точным воспроизведением оригинала, а скорее его реконструкцией. Это доказывается и тем, что на слепке частично осовременено и русифицировано правописание надгробной надписи.

В львовском архиве

Когда я бываю во Львове, я всегда прихожу в бывший монастырь бернардинцев, где сейчас находится Центральный государственный исторический архив УССР. На площади перед ним торгуют цветами. Строгий фасад костела членят пилястры тосканского ордена. Высоко в небо взлетает башня с часами. Я поднимаюсь на второй этаж по скрипучей лестнице и здесь, в читальном зале, изучаю документы, написанные в присутствии Ивана Федорова.

Архивная документация, рассказывающая о нелегких судьбах людей далекого XVI столетия, имеет одну особенность — акты откладывались в архивах в тех случаях, когда человеку приходилось прибегать к помощи властей или же когда с ним случалась неприятность.

В годы жизни Ивана Федорова во Львове городом управлял магистрат, состоявший из двух коллегий — Рады и Лавы. Рада исполняла административные функции, рассматривала гражданские дела. Здесь регистрировались финансовые и коммерческие сделки. Ивану Федорову приходилось бывать в Раде неоднократно; каждый его визит фиксировался на страницах актовых книг.

Лава была судебным органом, в ведении которого были как уголовные, так и гражданские дела. Первопечатник обращался сюда, когда ему нужно было взыскать долги с неисправных должников.

Над городом возвышалась гора «Высокий замок», под которой стояло готическое здание «Нижнего замка». Здесь помещался Львовский гродский (от польского слова «груд», что значит «замок», «крепость») суд. Здание было красивым.

> Это королевское украшение, могучее и гордое,
> Солнечный свет окна густо золотит.
> Тонкая башня стремительно поднимается к самой туче.
> Подвалы выходят в ад, звезд достигают шпили.

Так описывал «Нижний замок» польский поэт XVI века Себастиан Фабиан Клоновиц.

Гродский суд рассматривал дела жителей львовских предместий. Иван Федоров приходил в «Нижний замок» в 80-е годы, уже после возвращения из Острога, когда он поселился под Замковой горой — в той части города, где стоял Онуфриевский монастырь и которая по сей день называется «Подзамчье».

Писцы магистрата и Гродского суда во время судебных процессов или деловых разбирательств записывали показания сторон на длинных узких листах, которые затем переплетали в книги. Черновые записи расшифровывали и четким каллиграфическим почерком переносили на страницы массивных фолиантов. Лучшие переплетчики города делали для томов прочную одежду.

Войны и эпидемии прокатывались через город. Люди погибали, а записи об их бедах, неурядицах и невзгодах, занесенные на страницы актовых книг, оставались.

Впервые к этим книгам в поисках документов об Иване Федорове в предъюбилейные дни 1883 года обратился Станислав Львович Пташицкий (1853—1935). Он был еще молод; лишь несколько лет назад — в 1878 году — окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В дальнейшем Пташицкий стал известным историком и архивистом, описал и издал «Литовскую Метрику» — государственную документацию Великого княжества Литовского. В конце жизни он был назначен главным директором польских государственных архивов.

Пташицкий плодотворно занимался историей книгопечатания. Будучи в научной командировке в Австро-Венгрии, Станислав Львович приехал во Львов и пошел в архив. Систематически, день за днем, он просматривал толстые книги магистрата и гродского суда. И обнаружил 34 документа, рассказывающих о жизни и деятельности первопечатника Ивана Федорова.

Вернувшись в Петербург, Пташицкий в марте 1884 года опубликовал обзор этих документов в журнале «Русская старина». Два года спустя полные тексты актов появились на страницах «Докладов и сообщений Филологического отделения Краковской академии».

Жестокое время вставало с этих страниц. И живой человек, совсем не похожий на монументального «диакона Николы Гостунского», которого живописали в своих трудах М. П. Погодин и А. С. Петрушевич.

«Личность Ивана Федорова делается для нас более определенной»,— резюмировал С. Л. Пташицкий на страницах «Русской старины».

Первый документ, найденный им, рассказывал о жалобе первопечатника на цех столяров. Рада рассматривала жалобу 26 января 1573 года. Цех строго-настрого запретил пришельцу «нанимать подмастерьев столярского ремесла и исполнять какую-либо работу, относящуюся к их мастерству». А Ивану Федорову нужно было изготовить печатный стан, наборные кассы, ящики для хранения шрифта.

Совет поддержал цеховых старшин. Типографу запретили постоянно держать столяра. Но он мог обратиться в цех и нанять там ремесленника, который, с дозволения своего мастера, сделал бы для Ивана Федорова все необходимые работы. Однако никто из мастеров столярного цеха не захотел помочь печатнику.

Прецедента в львовской судебной практике не было — Иван Федоров был первым типографом, приехавшим в этот город. Рада решила обратиться за консультацией к краковским печатникам Мацею Зибенайхеру и Миколаю Бжезине. С. Л. Пташицкий нашел их ответ, датированный 31 января 1573 года.

«В городе Кракове,— писали Зибенайхер и Бжезина,— книгопечатники не держат и не содержат в своих домах никаких подмастерьев столярского ремесла для изготовления того, что необходимо для их друкарского ремесла. Только тогда, когда, в случае необходимости, какому-либо печатнику потребуется столяр для работы, он нанимает за особую плату подмастерья у мастера-столяра».

Ответ устроил Ивана Федорова. Но цех по-прежнему отказывался дать ему работника. Как обошелся типограф, С. Л. Пташиц-

кий не знал — документы об этом молчали. Но он помнил, что 25 февраля 1573 года Иван Федоров начал печатать свою первую во Львове книгу — эта дата указана в послесловии «Апостола» 1574 года. То ли типограф сам соорудил печатный станок и наборную мебель, то ли тайком от цеха нанял ремесленника...

Рада вернулась к рассмотрению спора 7 декабря 1573 года, когда первая украинская печатная книга была уже почти готова. В найденном С. Л. Пташицким «Решении в деле между столярами и русским друкарем» шла речь о том, что, стараясь «отнестись к пришельцу с необходимым вниманием и заботясь о том, чтобы он, не закончив начатой им работы, не имел по той причине какого-либо убытка» и, вместе с тем, стараясь «одновременно не нарушить ни в чем прав и привилегий столяров этого города и их цеха», Рада попыталась примирить первопечатника с цехом столяров. Ивану Федорову разрешалось подыскать ремесленника там, где он этого пожелает, а затем записать его в столярный цех. Ремесленник мог делать лишь ту работу, которая нужна в типографии.

«Этому подмастерью,— говорилось в решении,— когда он будет работать у Ивана, не дозволяется ни для кого в городе, ни за его стенами изготовлять то, что относится к столярской работе, а именно столы, лавки, шкафы, сундуки, двери, кровати — под страхом наказания и поручительством в 100 гривен, которые обязан будет заплатить этот друкарь Иван, если его подмастерье исполнит столярскую работу за пределами типографии».

Решение Рады, как о том записано в актовой книге, «Иван принял, а упомянутые мастера-столяры протестовали против обиды и нарушения своих прав и привилегий».

В послесловии «Апостола» 1574 года Иван Федоров говорил о «неславных в мире обретающихся», о простых людях, которые помогли ему создать во Львове славянскую типографию. Просматривая актовые книги, С. Л. Пташицкий узнал имя одного из них.

«Явившись самолично в помещение нашей Рады,— рассказывал документ от 6 мая 1574 года — почтенный русский друкарь Иван Федорович публично признал и добровольно подтвердил, что он на основании определенного и законного соглашения должен почтенному Сеньке, седляру с львовского Подзамчья, 700 золотых польских монет...»

По тем временам это была колоссальная сумма. Бык в ту пору стоил во Львове 4 золотых, корова —2, а за 700 можно было купить каменный дом на Рынке — главной площади города.

День за днем раскрывались перед С. Л. Пташицким обстоятельства повседневной жизни первопечатника. 12 мая 1574 года Иван Федоров поручил своему другу — портному Касьяну — выправить

долг — 32 золотых — за «русские книги» с некоего Ивана, который «недавно из иудейства перешел в греческую веру». 25 марта 1575 года Иван Федоров посетил городскую Лаву и уполномочил своего слугу Василия Лесятинского взыскать долг — 20 талеров с жителя Коломыи Ивана Шпака или с его поручителя Дахно. Шпак денег не отдал. Типографу пришлось еще раз, 16 августа 1575 года, побывать в Лаве, заявить протест и потребовать выплаты долга.

С. Л. Пташицкий нашел и другие документы. Мы познакомимся с ними позднее. А пока последуем за Иваном Федоровым, который принял предложение князя Константина Константиновича Острожского и поступил к нему на службу.

В Дерманском монастыре

Острожские мещане подлежали юрисдикции Гродского суда в Луцке. Луцкие актовые книги хранились в Киевском центральном архиве. По примеру С. Л. Пташицкого, здесь решил поискать документы об Иване Федорове Иван Михайлович Каманин (1850—1921), который с 1883 года и до последнего своего дня заведовал Киевским архивом.

Такие документы нашлись. В 1893 году Каманин упомянул о них в «Описи актовой книги... № 2049», напечатанной небольшим тиражом.

В том же 1893 году на страницах «Чтений в Историческом обществе Нестора-летописца» документы полностью опубликовал профессор Киевской духовной академии Иван Игнатьевич Малышевский (1828—1897). Он был уже немолод. В ученых кругах его знали как автора труда «Кирилл и Мефодий», вышедшего в свет еще в 1886 году; здесь был дан наиболее полный обзор источников о жизни и деятельности славянских просветителей, создателей славянского письма.

Публикация И. И. Малышевского наделала много шума. Совсем уж незнакомый и непривычный Иван Федоров вставал с этих страниц.

События, о которых повествовали документы, происходили в селе Дермани, верстах в двадцати на запад от Острога. И сегодня еще можно видеть здесь стены славного когда-то Дерманского Свято-Троицкого монастыря, а на высоком холме над селом — развалины загородного дворца князей Острожских.

Дерманский Свято-Троицкий монастырь. С гравюры XIX в.

В марте 1575 года Константин Константинович Острожский назначил «справцей» — управителем монастыря «Ивана Федоровича» — первопечатника, оказавшегося по воле судьбы в центре феодальных распрей, бушевавших на Волыни.

Неподалеку от монастыря белело хатами село Спасово, принадлежавшее Екатерине Вишневецкой, вдове гетмана Г. А. Ходкевича, покровителя первопечатника. Между спасовцами и крестьянами деревни Кунино, принадлежавшей Дерманскому монастырю, была стародавняя вражда. Спасовцы отличались буйным нравом: наезды, ограбления, поджоги были для них обычным делом.

После смерти Ходкевича, пользовавшегося большим влиянием на Волыни, кунинцы решили расплатиться со спасовцами. Получилось так, что как раз в это время в Дермани появился Иван Федоров.

8 августа 1575 года возный Луцкого повета Юрий Рогачовский, побывав в Спасове, засвидетельствовал, что видел «у Волхова луга сено в двадцати местах попалено». Сделали это, по словам спасовских крестьян, кунинцы. Они же, рассказывали крестьяне, и «двоих подданных наших Ермака и Сидора... позбивали и поранили». Ермака кунинцы ограбили — взяли у него 20 грошей, две косы, две сермяги и клячу с возом и хомутом. Спасовцы тут же

«для прошеня справедливости» обратились «до Ивана Друкаря, справцы монастыря Дерманского». Тот пообещал вернуть лошадь, узнать об остальных награбленных вещах, а зачинщиков наезда — Ивана Шишку и Миколая — примерно наказать.

Такое, как мы бы сказали, либеральное поведение возмутило князя Острожского. Он требовал от своих слуг быть непримиримыми к феодальным соперникам. Следующий наезд на спасовцев был совершен уже по прямому указанию князя — «за властным росказанем его милости князя воеводы Киевского», как свидетельствуют документы Луцкого гродского суда. Принять участие в этом наезде пришлось Ивану Федорову.

2 апреля 1576 года Иван Друкарь, справца монастыря Дерманского, «маючи при собе... слуг, бояр, подданных монастырских немало», наехал на имение спасовских панов Есифа и Василия Малиновичей: «самих панов и подданных их... позбивали и поранили», увели с собой рогатый скот и овец, забрали «сермяг пять, плахту одну, кожухов два, поясов с мошнами два, в которых мошнах было готовых грошей десять, шапки две».

26 июня и 31 августа 1576 года наезды были повторены.

Все это, надо думать, не очень нравилось Ивану Федорову.

Историки XIX века были шокированы публикацией И. И. Малышевского. Поэтому во всех популярных биографиях первопечатника о дерманском периоде его жизни ничего не рассказывалось.

К событиям и людям давно прошедших времен мы нередко подходим с мерками сегодняшнего дня. Судить же о человеке и его поступках нужно по обычаям той эпохи, в которую ему привелось жить.

Иван Федоров не был ни благонамеренным «диаконом», ни разбойником с большой дороги. Он жил в жестокое время и подчинялся его законам. Это — в быту. Но когда он переступал порог типографии и подходил к печатному станку, он поднимался над временем, он творил, и замечательные произведения его ума и рук казались ему неподвластными людским установлениям.

Так оно, в конечном счете, и было!

Письмо Мартина Сенника

Князь Константин Константинович Острожский вскоре освободил Ивана Федорова от многотрудных и хлопотных обязанностей управителя Дерманского монастыря.

Поздней осенью 1576 года первопечатник переехал в Острог. Дорога была недолгой. Типограф и его спутники переправились через реку Збитенку, миновали село Межирич с древней Троицкой церковью и вскоре, на высоком левом берегу реки Вилии, увидели над Замковой горой купол церкви Богоявления и высокий шпиль с боевыми часами, поднимавшийся над замком.

Князь Константин Острожский задумал грандиозный план: он решил выпустить в свет первую полную славянскую «Библию» кирилловского шрифта. Иван Федоров тут же взялся за работу. Для издания нужно было разработать рисунки и отлить по ним новые шрифты, выгравировать доски заставок, приобрести бумагу.

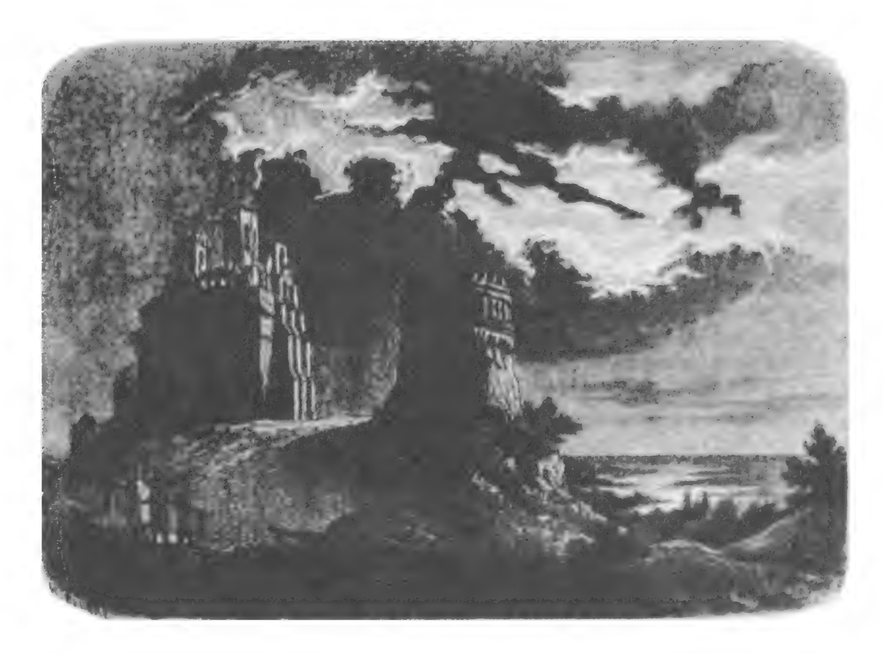
Иван Федоров в эти годы часто бывает во Львове и в Кракове. Он завязывает связи с бумагоделательными мастерскими.

С. Л. Пташицкий нашел в львовских архивах письмо, которое 14 мая 1577 года известный краковский врач Мартин Сенник написал во Львов замочному мастеру Власу. Вот оно:

«Милый и дорогой пан Влас!

Желаю Вашей милости всего доброго и при том ставлю Вас в известность, что Блазий, писарь пани Галемберговой в Кракове, известил меня о полученном им во Львове ясном и справедливом известии: пан Иван Федорович еще перед пасхой передал Вашей милости и Сеньке Седляру 600 золотых, чтобы Ваша милость мне их в Краков послала. Он хорошо знал, что я на святого Станислава (8 мая.— *Е. Н.*), недавно прошедшего, должен был уплатить эти деньги гостям, которые приехали из немцев на ярмарку. А так как посланная мне сумма от пана Ивана не дошла, а гости по моей просьбе и полагаясь на мое слово приехали, должен был я их за собственный счет вознаградить, и в том понес немалый убыток, для чего мне никто иной причины не дал, нежели Ваша милость, ибо Ваша милость доверенной Вам суммы не выдала верным людям, которым я то поручил.

А что те 600 золотых находятся у Вашей милости, я догадываюсь по той причине, что Ваша милость призналась мне, что у Вашей милости еще в марте были 50 золотых и Ваша милость мне их с верной оказией послать не хотела. Поэтому думаю, что где те 50 золотых остались, там при них и 600 золотых должны быть. Прошу Вашу милость не оставлять меня еще долго в том рассоле лежать и послать спрашиваемое пану Томашу из Люблина, которого я о том уже известил. Вынужден буду сам заняться этим или попросить другого поручителя, если по доброй воле от Вашей милости не получу. Я о том верное известие имею, что пан Иван в добром здоровье еще в середине постной недели (до 17 марта.— *Е. Н.*) из Львова вернулся домой. А так и те 600 золотых, не мешкая, еще перед пасхой (до 7 апреля.— *Е. Н.*)

Острог. С гравюры XVII в.

к Вашей милости послал. Прошу Вашу милость не чинить мне больше трудностей и волнений.

С тем себя Вашей милости и поручаю.

Дано в Кракове 14 мая от рождества господня 1577 года.

Во всем к Вашей милости благосклонный Мартин Сенник, у форта святой Анны в Кракове».

Какие купцы приезжали к Сеннику по делу, относящемуся к Ивану Федорову? Были ли это изготовители бумаги? Сейчас сказать трудно.

С. Л. Пташицкий установил лишь, что 12 июня 1577 года замочный мастер Влас пришел в городскую Лаву и заявил, что никаких дел с Сенником он никогда не имел. 14 июня в суд были вызваны Иван Федоров и Семен Седляр.

«Русский друкарь Иван Федорович,— повествовали актовые книги,— под присягою... при свидетелях показал, что он дал 50 золотых седельному мастеру Сеньке, а тот должен был передать их почтенному краковскому бумажному мастеру Лаврентию через его доверенного Мартина Сенника, однако по причине

страха перед татарскими наездами, деньги эти до сих пор не высланы. Что же касается суммы в 600 золотых, о которой он с удивлением узнал из прочитанного письма, то он ни про каких людей из Германии, которые должны были приехать в Краков по его просьбе, ничего не знает».

То же показал и Семен Седляр.

Больше никаких документов об этом деле С. Л. Пташицкий найти не смог. По сей день неизвестно, действительно ли Иван Федоров ничего не знал о немецких гостях, приезжавших в Краков, или какие-то важные причины заставили его отказаться от ранее данного Мартину Сеннику слова.

Быть может, пути к решению загадки намечает документ, который в 1979 году был найден львовским ученым Я. Д. Исаевичем в Люблинском архиве.

Ученик Гринь Иванович

У Ивана Федорова были помощники. Хорошо бы знать имена тех, кто плечом к плечу с великим человеком шел через трудности повседневной жизни.

С. Л. Пташицкий нашел в актовых книгах запись о том, что 19 марта 1582 года Иван Федоров со своим другом — художником Лаврентием Филипповичем — явился в Раду и заявил, что от него «убежал и прóпал, без какой-либо видимой причины, тайком» его ученик Гринь Иванович.

Лаврентий Филиппович заявил под присягой, что «он на протяжении двух лет подготовлял и учил живописному мастерству юношу Гринька Ивановича с подлясского города Заблудова, отданного ему в науку друкарем Иваном за назначенную соглашением награду. За его труды этот друкарь Иван заплатил ему сполна, а ученика позднее взял в свою типографию и научил своему искусству».

Через год беглец объявился.

26 февраля 1583 года Иван Федоров и Гринь Иванович пришли в Гродский суд, чтобы заключить мировую. С. Л. Пташицкий приводит ее текст, в котором можно прочитать и такие строки:

«Гринь, будучи под опекой друкаря, пана Ивана, научился за его счет и благодаря его усердному старанию, живописи, столярному делу, формшнайдерству, гравированию на стали литер

и других предметов, а также типографскому делу и за такое великое его благодеяние не должен был без его воли и совета никому из людей изготовлять литер или устраивать типографию. Друкарь позволил ему заниматься лишь теми ремеслами, которые он освоил при пане Иване, а именно живописью, столярным делом, формшнайдерством и резьбой по стали — всего, кроме литер для печатного дела. Потом тот Гринь, не попрощавшись с паном Иваном, внезапно выступил против пана Ивана и уехал в Вильну, где у пана Кузьмы Мамонича, виленского бурмистра, изготовил два русских шрифта».

К Кузьме Мамоничу перешла типография, основанная соратником Ивана Федорова Петром Тимофеевым Мстиславцем.

В Вильне Гринь не прижился. Он вернулся к первопечатнику и «просил пана Ивана пред людьми добрыми, чтобы ему тот поступок отпустил». Иван Федоров, «вняв его просьбам и ходатайству добрых людей», простил ученика «как молодого человека и порвал перед ним все жалобы, составленные на него». Тогда-то первопечатник и Гринь пришли в Гродский суд, чтобы при свидетелях скрепить достигнутое соглашение.

Суд приговорил, что если Гринь в дальнейшем изготовит для кого-либо «литеры или шрифт для печатания» или будет трудиться в какой-либо типографии без разрешения Ивана Федорова, он должен будет заплатить штраф в 500 золотых и, кроме того, возместить ущерб, причиненный Ивану Федорову, передав ему еще 500 золотых. Гринь обещал также окончить работу над шрифтом, который он начал делать для Ивана Федорова.

Мировая с Гринем, найденная С. Л. Пташицким, говорит о том, что первопечатник был разносторонним мастером, знавшим самые различные ремесла. Гринь не был единственным. В доме у Ивана Федорова жили и трудились и другие, верные ему ученики. После его смерти они работали во многих типографиях Украины и Белоруссии, да и на Московском Печатном дворе тоже.

Иван Переплетчик

Иван Федоров был женат, но супруга его, по-видимому, умерла еще до того, как он поселился во Львове. Имущественные отношения в этом городе были таковы, что жена типографа, будь она жива, непременно должна была упоминаться в актах о его долгах, ссудах и выплатах. Между тем ни одного такого упоми-

нания ни Станислав Львович Пташицкий, ни шедшие по его следам и работавшие в львовских архивах Петр Скобельский, Владимир Милькович, Фердинанд Бостель не нашли.

Отыскались, однако, документы о сыне типографа, которого именовали Иваном Друкаревичем или Иваном Переплетчиком. Первый раз мы встречаемся с ним 2 марта 1579 года; Иван Федоров дает ему доверенность на получение долга —11 золотых — с некоего Филиппа Остапковича.

В 1579 или в 1580 году Иван Переплетчик женился. Избранницей его стала Татьяна из украинской семьи Анципорковичей, жившей в собственном доме на Краковском предместье — на Широкой улице напротив древней церкви святого Юрия. 22 августа 1580 года Анципорковичи продали дом. Татьяна за свою часть получила 7 золотых.

В 1580 году Иван Переплетчик переехал в Острог, где стал помогать отцу в типографии, печатавшей в ту пору «Острожскую Библию». В документе от 5 сентября 1582 года он назван «Иваном Друкаревичем из Острога».

После смерти Ивана Федорова его сыну пришлось вести финансовые дела отца. Прежде всего он попытался собрать долги, которых было немало. Иван Федоров в последний год жизни находился в стесненных денежных обстоятельствах. Но он был весьма далек от той крайней степени нищеты, которую ему обычно приписывают авторы популярных книг и статей. И в этот тяжелый 1583 год через его руки проходили большие суммы денег. Да и должников у него было немало.

4 февраля 1584 года Иван Переплетчик выдал Ганушу из Острога доверенность «получить долг в сумме пятнадцать литовских коп, которые его покойный отец друкарь Иван с львовского Подзамчья одолжил честнейшему Нестору, протопопу из Заблудова». В каждой литовской «копе» было 60 грошей.

27 марта сын печатника уполномочил Мартина Голубниковича взыскать долг в размере 100 золотых с владельца бумажной мельницы в городе Буске Варфоломея.

А 2 мая 1584 года в львовский гродский суд пришел водопроводный мастер Юрий и сказал, что он слагает с себя обязанности опекуна над имуществом и детьми Ивана Федорова, возложенные на него покойным, ибо старший сын типографа Иван Иванович уже совершеннолетний.

27 ноября 1584 года Иван Переплетчик заявил в гродском суде, что он передает Мартину Голубниковичу книжную лавку с печатными книгами стоимостью в 380 золотых 10 грошей. В тот же день он уполномочил Голубниковича вести все его дела, гарантировав возможные убытки суммой в 500 золотых.

Ивану Ивановичу не пришлось продолжить дело отца. Последний раз его имя упоминается в актах 4 декабря 1584 года. 9 февраля 1585 года его уже не было в живых, и деловые отношения улаживала его вдова Татьяна.

Разгадку столь ранней гибели сына первопечатника находим в жалобе 1592 года на епископа Гедеона Балабана. Львовское братство подало эту жалобу приехавшему во Львов константинопольскому патриарху Иеремии, Рассказывая о всевозможных преступлениях епископа, они упомянули и о том, что властолюбивый владыка, рассердившись за что-то на «Ивана сына друкаря», посадил его в яму и «насмерть уморил».

Что сталось с остальными детьми печатника, мы не знаем.

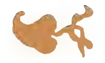
В марте 1588 года Татьяна продала оборудование переплетной мастерской — последнее, что осталось у семьи от некогда превосходно оборудованной типографии Ивана Федорова.

За Станиславом Львовичем Пташицким, как мы уже говорили, в львовские архивы пришли другие изучатели жизни и деятельности Ивана Федорова. В 1902 году Фердинанд Бостель опубликовал в львовском журнале «Паментник Литерацки» еще 6 документов. Особенно интересным среди них был один — «Оценка русской типографии покойного Ивана Москвитина», произведенная 2 октября 1585 года.

Уже в наши дни новые документы об Иване Федорове были найдены в львовских архивах советскими учеными Иваном Петровичем Крипъякевичем, Мечиславом Гембаровичем, Ярославом Дмитриевичем Исаевичем, Эдуардом Иосифовичем Ружицким. Удалось, например, отыскать записи об уплате Иваном Федоровым в январе 1574 года городского налога, именуемого «двойной королевский шос». Запись позволяет установить, где жил печатник и где находилась его типография — в доме «Кулганкивская каменица», который стоял в начале Краковской улицы — между площадью Рынок и Армянской улицей.

ЧАСТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ

Саратовский книгочей

О водяных знаках...

«...Дату точную нашел»

С линейкой и увеличительным стеклом

Был ли пожар?

«Момент, в высшей степени важный для культуры»

Красное и черное

Открытие книголюба Анушкина

Письмо из Львова

Как «Черногория» превратилась в «Чернигов»

Был ли переплетчиком Ганс Переплетчик?

Похождения немецкого авантюриста

Придумщики и фальсификаторы

Иоганн Гутенберг или Степан Дропан?

Саратовский книгочей

Судьбы ученых не похожи одна на другую.

Павел Михайлович Строев 17 лет от роду стал автором «Краткой российской истории», имевшей большой успех у читающей публики. Константин Федорович Калайдович умер, не дожив до 40 лет. А Александру Александровичу Гераклитову (1867—1933) исполнился 41 год, когда он увидел свою первую напечатанную статью.

Путь Гераклитова в науку был труден и длинен. Муза истории, служить которой он страстно стремился, ответила ему взаимностью на склоне его лет.

Было время, когда А. А. Гераклитов поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, но уже через год вынужден был оставить учебу. А затем, в течение 10 лет, он — писец 2-го разряда — ходил на опостылевшую с первых дней службу — в Саратовскую казенную палату. Потом менял работу, но, к сожалению, не род деятельности — переписывал бумаги в железнодорожном ведомстве, в губернском правлении. Вечерами занимался самообразованием, изучал иностранные языки. Освоил латынь и греческий, затем — французский, немецкий, итальянский, английский...

В начале 1908 года один из сослуживцев рассказал Александру Александровичу, что в Саратове давно уже — с 1886 года — существует Губернская ученая архивная комиссия. Гераклитов воодушевился.

«Узнал...— записывает он в дневнике,— что попасть в члены не составляет больших затруднений и что, кроме музея и архива, Комиссия обладает весьма богатой библиотекой, хотя и находящейся в беспорядке. Это-то обстоятельство меня больше всего, кажется, и подкупило».

Отныне, прямо со службы, Гераклитов отправляется в Комиссию и до поздней ночи трудится в библиотеке или в архиве.

«Думается, не напрасно ли взялся я за это дело,— замечает он в своих повседневных записях,— так как при нашей проклятой службе времени совсем не остается. Но теперь все же я добился того, что много раз сильно хотел — доступа в большую библиотеку. Ведь подумать только —12 000 томов и я там хозяин! Все свое время буду отдавать библиотеке, приведению ее в порядок, составлению систематического каталога».

Год спустя Гераклитов стал хранителем архива Комиссии. Колоссальное трудолюбие помогло ему овладеть методикой вспомогательных исторических дисциплин, о которых он ранее и не слышал,— палеографии, сфрагистики, филиграналогии, геральдики...

В «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» начинают появляться его труды: «Некоторые данные о садоводстве в минувшем столетии», «Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков», «Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове»...

После Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Гераклитова пригласили на историко-филологический факультет Саратовского университета. Он пришел сюда 1 декабря 1917 года на должность библиотекаря, в 1919 стал доцентом, в 1928 году — профессором.

Революция строила по-новому судьбы людей. Меняла она и судьбы библиотек.

Бежали за границу князья и графы, банкиры и скотопромышленники... Их родовые собрания, их богатые коллекции картин, фарфора, книг поступали в государственные хранилища. В Саратовский университет привезли библиотеку П. М. Мальцева — старообрядца, миллионера-хлебопромышленника, жившего в Заволжье. В собрании было много рукописей и старопечатных книг.

Александра Александровича Гераклитова заинтересовали пять изданий, в которых не было выходных сведений,— три «Евангелия», «Триодь постная» и «Псалтырь». Александр Александрович, сверившись с «Описанием славяно-русских книг» И. П. Каратаева, установил, что знаменитый библиограф полагал эти издания напечатанными в одной из южнославянских типографий — где-нибудь в Сербии или Угровлахии. А. А. Гераклитов, хорошо знавший русскую историческую литературу, был знаком и с работами А. Е. Викторова и Л. А. Кавелина, утверждавших, что эти книги напечатаны в Москве.

Кто прав — Викторов с Кавелиным или Каратаев?

Тщательно изучив издания, Гераклитов пришел к выводу об их московском происхождении. Об этом говорил шрифт, рисунок которого восходил к полууставу московских рукописей XV—XVI веков. Александр Александрович встречал в рукописях и похожие заставки. Прав Викторов был и в том, что бесспорно русской была редакция текста.

Но когда эти издания напечатаны?

А. Е. Викторов отвечал на этот вопрос, используя даты, которые он нашел во владельческих записях, а их было не так уж много. Более точную дату можно установить с помощью филиграней, или водяных знаков. Делать это пытался и Алексей Егорович. Но у него под руками не было тех замечательных пособий по филигранологии, которые появились уже после смерти ученого хранителя Отделения рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музеума.

О водяных знаках...

В стародавние времена бумагу отливали вручную, черпая жидкую бумажную массу рамой, на которую натягивали частую сетку.

На сетке шелком или проволокой вышивали какой-нибудь рисунок. При отливке бумажная масса ложилась поверх рисунка более тонким слоем. Когда лист высыхал, на его поверхности формировался незаметный глазу рельеф. Увидеть его можно было, лишь посмотрев лист на просвет: на более темном фоне возникал четкий светлый рисунок — «водяной знак», или «филигрань».

Филиграни были своеобразной торговой маркой, рассказывающей о том, в какой мастерской изготовлена бумага. Каждая бумажная мельница использовала свой знак, непохожий на другие. У одной это был «орел», у другой — «корона», у третьей — «медведь»...

Проволочная вышивка быстро изнашивалась, ее приходилось менять.

«Опять надо делать новую филигрань», — сетовали мастера.

Все это им не нравилось. Но покупатели привыкли к водяным знакам и не брали бумагу, не имевшую их. Филигрань в их глазах

была своеобразным знаком качества, гарантировавшим прочность бумаги и то, что чернила на ней не будут расплываться.

Изготовляя новую филигрань, мастера невольно меняли старый рисунок. Это был все тот же «медведь» или та же «корона», но один из штрихов был опущен, другой появился вновь, да и размеры знака были другими.

Эта особенность водяных знаков со временем сослужила великую службу науке. Ученые предположили, что с помощью филиграней можно более или менее точно датировать документы и книги, время составления или изготовления которых не указано.

Допустим, что у нас в руках письмо, автор которого проставил точную дату. А рядом лежит документ, время составления которого неизвестно. Документ и письмо написаны на бумаге с полностью идентичными филигранями. А значит, и составлены они примерно в одно и то же время.

Датированный и недатированный документы с одинаковыми водяными знаками редко попадают в руки одного исследователя. Выход один — нужно составить альбом датированных филиграней.

Исходные материалы для научных гипотез и построений поставляют энтузиасты-регистраторы.

Всю свою жизнь, даже в камере долговой тюрьмы, библиограф Людвиг Хайн описывал инкунабулы — печатные книги XV века. В его четырехтомном каталоге, которым ученые пользуются и поныне, 16 299 позиций.

Плотник и штукатур Иван Филиппович Масанов (1874—1945), впоследствии ставший известным библиографом, собрал и раскрыл более 50 тысяч псевдонимов русских писателей.

На протяжении 40 лет швейцарец Шарль Брике срисовывал водяные знаки из документов и книг всех времен и народов. В 1907 году он издал в Женеве четырехтомный альбом с репродукциями 16 112 филиграней и указанием примерных или точных дат их использования.

Были у Брике предшественники, в том числе русские. В 1824 году вологодский купец Иван Лаптев выпустил в Петербурге книгу «Опыт в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи». Любитель старины Корнилий Яковлевич Тромонин в 1844 году составил альбом «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов». Здесь было воспроизведено 1827 водяных знаков. Альбом не потерял значения по сей день; в 1965 году его переиздали в Нидерландах.

Особенно велик вклад, сделанный в филигранологию академиком Николаем Петровичем Лихачевым (1862—1936). В его знаменитом труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (Спб., 1899) воспроизведено 4258 филиграней.

В Научной библиотеке Саратовского университета были альбомы Н. П. Лихачева и Ш. Брике; А. А. Гераклитов неоднократно пользовался ими. Те знаки, которые он не мог отыскать в альбомах, Александр Александрович аккуратно срисовывал на отдельные листы. Постепенно их накопилось свыше тысячи. Можно было подумать о создании собственного альбома, хотя время — трудное и голодное, начало 20-х годов — явно не благоприятствовало этому.

Гераклитов составил альбом, но вышел он в свет в 1963 году, через 30 лет после смерти трудолюбивого саратовского ученого.

«...Дату точную нашел»

На заседании исследовательского института при Саратовском университете 25 марта 1923 года А. А. Гераклитов сделал доклад о московских безвыходных изданиях. Три года спустя доклад опубликовали в «Ученых записках» университета. Здесь впервые была описана и безвыходная «Псалтырь», которую впоследствии назвали «среднешрифтной».

Александр Александрович подробно проанализировал шрифт, орнаментальные украшения и типографскую технику безвыходных изданий и пришел к твердому выводу, что все они вышли из одной типографии.

А. Е. Викторов нашел в узкошрифтном «Евангелии» запись 1563 года и на этом основании утверждал, что книга напечатана раньше, чем знаменитый «Апостол» Ивана Федорова. А. А. Гераклитов в одном из саратовских экземпляров прочитал более раннюю запись, сделанную 1 сентября 1561 года, когда книгу «купил... благовещенский поп Леонтей Устинов сын Устюжанин у старца у Мисаила у Сукина».

Благовещенский поп Леонтий служил в придворной церкви московских царей, а Мисаил Сукин производил следствие по делу Сильвестра, другого благовещенского священника, одного из руководителей «Избранной рады», которая вершила судьбами Московской Руси в юношеские годы царя Ивана Грозного.

Запись была сделана в Москве, а значит, косвенно доказывала московское происхождение издания.

Когда я работал над монографией «Возникновение книгопечатания в Москве» (М., 1964), я решил изучить записи во всех сохранившихся экземплярах безвыходных изданий. Их оказалось немало: 22 узкошрифтных «Евангелия», 10 «Триодей постных», 20 среднешрифтных «Евангелий», 4 среднешрифтные «Псалтыри», 11 широкошрифтных «Евангелий» и 5 широкошрифтных «Псалтырей». А всего — 72 экземпляра изданий первой русской типографии. За последние 20 лет, надо сказать, были найдены и другие экземпляры.

На узкошрифтных «Евангелиях» удалось обнаружить 6 записей XVI века и 4—XVII века. Все они сделаны в пределах Московского государства — в подмосковном селе Лучинском, в Песношском монастыре, куда в свое время послал провинившегося сына старик Калайдович, в далекой северной Лампожне, в Соли Вычегодской, в городах южной «украйны» Русской земли — Путивле и Козельске.

Записи московского происхождения есть и на экземплярах «Триоди постной». Один из них, из собрания Чудова монастыря, побывал в руках Петра I. Об этом рассказано так: «Сия книга глаголемая Треоть — худая и старая — государю царю и великому князю Петру Алексеевичу...»

Экземпляры среднешрифтного «Евангелия», которые удалось отыскать, в XVI—XVII веках находились в центральных областях России — в Москве, в монастыре Успения на Кубре, в Озерско-Николаевском монастыре на Комельском озере, в Троице-Сергиевом монастыре, в Коломенском уезде. Бытовала книга и в Поволжье — «в Свиязском городе в монастыре». Лишь в XVII веке на экземплярах этой книги появляются украинские, белорусские, молдавские записи — старейшая из них сделана в 1605 году.

Что же касается утверждения И. П. Каратаева — «напечатано в одной из южных типографий», то изучение записей начисто его опровергает. На безвыходных изданиях нет ни одной записи, которая была бы сделана в Сербии, Черногории, Болгарии, Румынии...

География древнейших записей на безвыходных изданиях свидетельствует об их происхождении — книги прежде всего продавались и распространялись на территории того государства, в котором они были напечатаны.

Вывод этот много лет назад был сделан Александром Александровичем Гераклитовым. В статье «К вопросу о раннем московском книгопечатании», которая была опубликована в 1925 году, он подробно описал узкошрифтное «Евангелие» и подчеркнул: «утверждение Каратаева о том, что «Евангелие» напечатано не в Москве, не обосновано; все приметы указывают на то, что книга напечатана в пределах Московского государства».

В докладе, прочитанном 25 марта 1923 года, этот вывод был распространен и на другие безвыходные издания. Особенно тщательно здесь проведен анализ водяных знаков, позволивший А. А. Гераклитову утверждать, что безвыходные издания напечатаны в Москве в 50-х годах XVI столетия.

Доклад Александра Александровича вызвал оживленные прения. Один за другим выходили на кафедру коллеги Гераклитова, и все они подчеркивали важное значение его работы для истории отечественной культуры.

Местный острослов В. А. Бутенко прислал Александру Александровичу записку со стихотворным экспромтом:

Рассмотрел все филиграни,
Все заставки изучил.
Все, что где писал кто ране,
К изученью приобщил.
Сосчитал в «Псалтыри» знаки,
Снимки выложил на стол
И, пройдя искусно в мраке,
Дату точную нашел.

Много лет спустя я нашел эту записку среди бумаг А. А. Гераклитова, которые хранятся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР.

С линейкой и увеличительным стеклом

Более сорока лет, изо дня в день, Антонина Сергеевна Зернова (1883—1964) приходила в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и с утра до вечера с линейкой и увеличительным стеклом сидела над старопечатными книгами.

Книги эти она знала так, как, пожалуй, никто до нее не знал.

В 1916 году А. С. Зернова окончила историко-филологический факультет Московского университета, став одной из первых в России женщин, получивших университетское образование. В Библиотеку Румянцевского музея она пришла в 1923 году и работала здесь до своего последнего дня — 24 апреля 1964 года.

Нужно было иметь большое мужество, чтобы на всю жизнь добровольно запереть себя в узком, ограниченном полками со старыми книгами пространстве. Однообразная и изнурительная

работа, сличение различных экземпляров одной и той же книги — страница за страницей и строка за строкой — не обещали ни славы, ни материального благополучия.

Через руки Зерновой прошло около 11 000 старопечатных книг, поступивших в первые годы революции в главную библиотеку страны из брошенных владельцами дворянских усадеб, из монастырей и церквей.

За кропотливой регистрацией фактов легко просмотреть стоящие за этими фактами явления как социально-политического, так и сугубо технического плана. Но без такой регистрации немыслима серьезная теоретическая проработка явлений, интересующих историка, филолога, искусствоведа...

Героические подвиги безвестных землепроходцев предшествуют освоению богатств, скрытых в недрах недавно еще таинственного края. Точно так же и предварительная регистрация, первичное освоение фактов — необходимое условие будущего расцвета науки.

Такая работа часто остается в количественных рамках. Выйти за ее пределы дано не многим.

А. Е. Викторов в свое время назвал «замечательным открытием» находку «Псалтыри», напечатанной белорусским просветителем Франциском Скориной в Праге в 1517 году. Деятельность Антонины Сергеевны отмечена несколькими такими открытиями.

В первой истории русского книгопечатания — «Сказании известном о воображении книг печатного дела», составленном в середине XVII века, рассказывается о том, что мастер Никита Фофанов, ученик Ивана Федорова, в годы польско-шведской интервенции основал типографию в Нижнем Новгороде. Впервые отыскавший «Сказания» К. Ф. Калайдович сомневался в справедливости этого известия. Да и другие книговеды соглашались с ним, ибо ни одного нижегородского издания начала XVII века они не знали.

В 1925 году А. С. Зернова, перелистывая «Учительное Евангелие», напечатанное по типу заблудовского примерно в 1582 году в Вильне, обнаружила в конце его 12-страничную тетрадь, вплетенную в том, но к книге явно не относящуюся. На последней странице Антонина Сергеевна прочитала: «Начато бысть сие богодохновенное и трудолюбное дело новая штанба, сии речь печатных книг дело, в Нижнем Новегороде в лето 7121 году (то есть 1613 год.— *Е. Н.*) месяца генваря в 5 день... снисканием и труды многогрешного Ианикиты Федорова сына Фофанова, псковитина».

Кроме этой тетрадочки, ни одной книги, отпечатанной учеником Ивана Федорова в Нижегородской типографии, до нас, к сожалению, не дошло. Но такие книги бесспорно были.

Жизни и деятельности первопечатника Ивана Федорова А. С. Зернова посвятила небольшой, но исключительно емкий труд

А. С. Зернова

«Начало книгопечатания в Москве и на Украине». Книгу напечатали перед Великой Отечественной войной. Тираж лежал в ленинградской типографии «Печатный двор» и в первые дни войны погиб от фашистской бомбы.

В 1944 году Антонина Сергеевна за это исследование была удостоена ученой степени кандидата наук. А книгу напечатали вторично уже после Победы — в 1947 году.

В книге 104 страницы. Как будто бы немного. Но каждая из страниц — плод многодневных и многомесячных наблюдений, тщательного изучения шрифтов, заставок, буквиц, бумаги старопечатных книг.

Архимандрит Леонид (Л. А. Кавелин) в свое время утверждал, что одно из безвыходных изданий — широкошрифтное «Евангелие» напечатал Иван Федоров. Утверждение это ученый монах доказывал тем, что удивительно красивая заставка книги оттиснута с той же самой доски и в «Апостоле» 1564 года, на котором стоит имя первопечатника.

На первый взгляд заставки идентичны.

Антонина Сергеевна не раз рассматривала их через увеличительное стекло. И вдруг заметила, что переплетающиеся ветви, составляющие орнаментальную ткань изображения, в заставках идут в разные стороны: в одной — вправо, а в другой — влево. Значит, заставки отпечатаны с разных досок. Из этого следовал важный вывод о том, что типография, печатавшая безвыходные издания, и типография Ивана Федорова не имели общих типографских материалов. Вывод связан с другим, более значительным. А. С. Зернова высказала его в категорической форме: «Иван Федоров не был первым московским печатником».

Оба вывода в дальнейшем были оспорены.

Что касается типографских материалов первой московской типографии, печатавшей безвыходные издания, то в московских, заблудовских, львовских и острожских книгах Ивана Федорова они действительно не встречаются.

Но в 1955 году ташкентский филолог Григорий Иванович Коляда, рассматривая «Октоих», выпущенный в 1604 году в Дермани, наткнулся на оттиск затейливой концовки. Рисунок показался ему знакомым. На столе у Коляды лежал составленный А. С. Зерновой замечательный альбом «Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв.». В каталоге этом, выпущенном Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина в 1952 году, в натуральную величину воспроизведены все украшения старопечатных книг. Коляда без труда нашел в нем заинтересовавшую его гравюру. Это была буквица «Т» из широкошрифтной «Псалтыри». Типограф из Дермани положил ее на бок и использовал в качестве концовки.

Село Дермань знакомо нам; «справцей» здешнего монастыря был Иван Федоров. Только он и мог привезти сюда доску, когда-то принадлежавшую первой московской типографии. А значит, между ним и этой типографией существовали определенные связи.

Вроде бы незначительная находка. Но в истории старопечатных книг любой новый факт может повлечь за собой далеко идущие выводы.

Был ли пожар?

«С сильно бьющимся сердцем просыпается Иван Федоров. Что за диковинный сон! Да сон ли это? Он вскакивает с лавки... Вся изба полна света, свет яркий, красноватый, словно от пламени, врывается в слюдяные оконца.

Иван Федоров не может прийти в себя, не может понять, где он, что с ним, сон ли это, наяву ли? А что это за звон, звонят так часто, словно в набат.

— Горит, друкарня горит! — вдруг раздался со двора отчаянный крик Петра Мстиславца.

Иван Федоров сразу очнулся. Опрометью бросился он в сени, из сеней на двор... друкарня с двух сторон была объята пламенем.

— Бежим скорей,— шептал Петр Мстиславец,— злодеи подожгли друкарню, они убьют нас... бежим через задний двор...

Иван Федоров словно окаменел. Остановившимися глазами глядел он прямо перед собой, глядел на это яркое пламя, которое беспощадно губило труды его рук, его друкарню, его станок...

— Колдун, чернокнижник,— раздавались голоса с улицы.— Сам бог покарал тебя за ересь, сам бог погубил дьявольское дело».

Так детская писательница Е. Волкова описала пожар в типографии Ивана Федорова в историческом рассказе «Первый русский печатник», изданном впервые в 1903 году в Вятке, а затем неоднократно переиздававшемся в Петербурге.

О поджоге типографии говорили многие.

При этом обычно ссылались на англичанина Джильса Флетчера, который в 1588 году ездил в далекую Московию послом королевы Елизаветы к царю Федору Ивановичу. Вернувшись домой, Флетчер издал книгу «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Она вышла в свет в Лондоне в 1591 году. Рассказывал Флетчер и о начале книгопечатания в Москве:

«Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок, и здесь была основана типография с позволения самого царя. Но вскоре дом ночью подожгли и станок с литерами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство».

Иван Федоров, в рассказе о своих злоключениях на страницах львовского «Апостола» 1574 года, о пожаре не упоминал.

Так был ли пожар или нет?

Чтобы ответить на этот вопрос, А. С. Зернова решила проверить, действительно ли погибли шрифты, доски для заставок и инициалов московской типографии Ивана Федорова. Оказалось, что нет. Московский шрифт печатник увез в Великое княжество Литовское и использовал до конца своей жизни. Увез он и доски заставок — это легко можно определить по их оттискам в книгах.

Доски были удивительно прочными — их применяли во Львове и 200 лет спустя после смерти первопечатника. Антонина Сергеевна проследила их употребление до 1772 года. А львовский искусствовед Аким Прохорович Запаско нашел оттиски с них в изданиях начала XIX века.

Чтобы увезти шрифты, матрицы, пуансоны, доски для иллюстраций, заставок и инициалов, нужно было, не торопясь, нагрузить одну-две подводы,— рассуждала А. С. Зернова. И сделала вывод: «Разгрома типографии Ивана Федорова, подожженной враждебно настроенной толпой, грозившей убить печатника, по всей видимости не было; если и была сожжена, то анонимная типография». Та самая, в которой печатались безвыходные издания.

Может быть, именно поэтому и не сохранились типографские материалы этой друкарни? Кроме той буквицы, которая случайно оказалась у Ивана Федорова и впоследствии была использована в дерманском «Октоихе».

И еще об одной загадке, разгаданной А. С. Зерновой.

Послесловие «Острожской Библии» известно в двух вариантах. В одном из них указано, что книга вышла в свет «от воплощения господа... 1580 месяца июля 12 день». Другой вариант более обширен и напечатан на двух языках — славянском и греческом. Дата выхода здесь другая: «от воплощения господа... 1581 месяца августа 12 дня».

Давно было замечено, что и отдельные листы «Библии» не сходны один с другим, а встречаются в двух, а иногда и в большем количестве вариантов. Более того, библиограф и собиратель Вукол Михайлович Ундольский в свое время нашел несколько тетрадок «Библии» — 48 страниц, отпечатанных другим шрифтом, не тем, что в обычных экземплярах. Такие же тетрадки, вплетенные в «Библию», в дальнейшем были найдены в библиотеках Варшавского и Саратовского университетов.

Вывод из всего этого вроде бы напрашивался сам собой: Иван Федоров напечатал не одно, а два издания «Острожской Библии».

«Нет!» — сказала Антонина Сергеевна.

Рассуждала она так. Если изданий «Библии» было два, то каждому варианту послесловия должны соответствовать свои варианты набора и размещения заставок на листах. В фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина было 34 экземпляра «Острожской Библии». Постранично сверив их, А. С. Зернова установила, что варианты совершенно случайны. Появилась возможность утверждать: «Изданий «Острожской Библии» было одно, а не два!»

А. С. Зернова не знала, что еще в 1938 году английский исследователь Джон Барникот нашел в Британском музее и в старинной Бодлеянской библиотеке экземпляры «Библии» с двумя выходными листами — на одном был указан 1580 год, а на другом, вклеенном в книгу позднее,—1581-й.

Иван Федоров, видимо, готовил издание к выпуску в свет в 1580 году, но не успел. Тогда он напечатал новый лист с более поздней датой и вклеивал его в уже сброшюрованные экземпляры. Лист со старой датой осторожно вырывали.

Новый лист вклеили не во все экземпляры. А в некоторые вклеили, но забыли вырвать старый. Так пошли гулять по свету экземпляры с двумя выходными листами. Их оказалось немало — автор этих строк видел их в Киеве, во Львове, в Кракове...

В Научной библиотеке Львовского государственного университета мне показали «Библию», открыв которую я не поверил глазам.

«Напечатано мною многогрешным Иоанном Федоровым сыном з Москвы,— стояло в выходном листе,— в богохранимом граде Острозе... 1571 месяца августа 12 дня».

Выходит, еще до львовского «Апостола»! А ученые думали, что в 1571 году Иван Федоров был еще в Заблудове.

Открытие, однако, не состоялось. Присмотревшись, я увидел, что лист с датой, смутившей меня, не напечатан, а очень искусно воспроизведен от руки. Каллиграф, делавший его, ошибся и вместо «1581» написал «1571».

«Момент, в высшей степени важный для культуры»

Факты — хлеб современной науки. Но сами по себе, без рассмотрения в контексте эпохи, они ничего объяснить не могут.

Архивные документы о жизни и деятельности Ивана Федорова, новые экземпляры напечатанных им книг, владельческие записи на этих экземплярах... Факты накапливались постепенно. Необходимо было объяснить их, ввести в русло общей истории Московского государства.

Многие поколения историков, филологов, книговедов изучали вопрос о начале книгопечатания на Руси. Но лишь советская

наука нашла место этому важному событию в политической, социально-экономической и общекультурной истории Московского государства.

Старые книговеды, говоря об основании первой типографии, считали это событие результатом личных, а точнее — единоличных устремлений царя Ивана IV и митрополита Макария. Советские исследователи показали, что начало книгопечатания представляет комплекс явлений, тесно связанных с политической историей России.

В 1933 году наша страна отмечала 350-летие со дня смерти Ивана Федорова. 18 декабря состоялось торжественное заседание, которое открыл президент Академии наук СССР А. П. Карпинский.

«Такого всеобъемлющего социально-политического значения, какое имеет книгопечатание,— сказал он,—...ничто не имеет. Изобретение книгопечатания можно считать, таким образом, моментом в высшей степени важным для культуры. Перенесение книгопечатания в Москву имеет для нас особое значение. Мы должны рассматривать этот исторический момент как определенный и очень важный этап в развитии русской культуры. Заслуга Ивана Федорова лишь сейчас, когда наша страна гигантскими шагами идет по пути культуры и выходит на первое место по численности и характеру своей книжной продукции,— лишь сейчас заслуга Ивана Федорова может быть оценена в полном объеме и по достоинству».

К юбилею Институт книги, документа и письма Академии наук СССР выпустил в свет сборник «Иван Федоров первопечатник». В нем была опубликована большая статья академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) «К вопросу о начале печатания в Москве». Крупнейший специалист по истории древнерусской литературы, он всегда любил книгу и интересовался ее историей. Орлов впервые поставил основание московской типографии в один ряд с теми явлениями культурной жизни, которые служили делу укрепления и становления централизованного государства, делу уничтожения феодальной раздробленности.

Их было немало — этих мероприятий по централизации и унификации культурной жизни: создание общегосударственного летописного свода, тщательное редактирование текста богослужебных книг, приведение в порядок российского пантеона святых... Таким мероприятием было и создание первой типографии. Все эти новшества Александр Сергеевич связал с деятельностью так называемой «Избранной рады» — кружка умных и энергичных людей, имевших большое влияние на молодого царя Ивана.

«Полагаем,— писал Орлов,— что появление первопечатных книг в Москве — это была одна из идей, возникших в правительственном кружке Ивана Грозного...»

Кружок возглавляли молодой способный политик Алексей Федорович Адашев и священник придворного Благовещенского собора Сильвестр. Среди тех, кто идеологически подготовил деятельность кружка, были талантливый писатель Максим Грек и страстный публицист старец Артемий.

«Ничтоже бо с разумом родися когда,— утверждал Артемий,— но учитися всякому словеси надлежит нужа. Любовь в божественных — любовь человеческих, от учения бо разум прилагается, яко же в святых людех глаголется, еже и до смерти учитися подобает».

«До смерти учиться подобает!» — так до Артемия на Руси еще не говорил никто.

Талантливые и смелые «книжники» в страстных публицистических выступлениях доказывали, что противопоставлять рукописание книгопечатанию выгодно лишь реакционной верхушке церкви, феодалам, которые как огня боялись всего нового.

Конкретные исторические предпосылки основания первой московской типографии вскрыл известный советский историк академик Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965), который в 1940 году опубликовал в «Ученых записках» Московского университета небольшую, но очень важную для нашей темы статью «Начало московского книгопечатания». В 1958 году, когда отмечалось 375-летие со дня смерти Ивана Федорова, по инициативе М. Н. Тихомирова и крупнейшего советского книговеда члена-корреспондента Академии наук СССР Алексея Алексеевича Сидорова (1891—1978) был подготовлен сборник «У истоков русского книгопечатания». Открывался он статьей М. Н. Тихомирова, который, в частности, писал:

«Возникновение книгопечатания в России, конечно, не было делом инициативы отдельных лиц. Оно явилось прямым следствием политического и культурного развития России».

Впоследствии была выдвинута гипотеза о том, что первая московская типография, выпускавшая безвыходные издания, находилась в доме Сильвестра и, значит, была непосредственно связана с деятельностью «Избранной рады». Что же касается Ивана Федорова, то он, вне всякого сомнения, работал в этой типографии. Мы можем сохранить за ним гордое звание первопечатника.

Гипотезу предстояло доказать новыми фактами.

Красное и черное

Чувство праздничности охватывает каждого, кто открывает славянскую старопечатную книгу. Не сразу поймешь, в чем причина этого чувства. И лишь присмотревшись, войдя в «атмосферу» книги, постигаешь: истоки этого настроя — в красном цвете, взрывающем черное однообразие текстовой полосы.

Применение красного строго регламентировано. Кровавой, иногда с вишневым оттенком киноварью напечатаны заголовки разделов, указания на полях, первые буквы названий глав и зачал, индексы в левом верхнем углу оборотной стороны каждого листа... Цвет должен помочь читателю найти нужный ему материал — в этом его основная функция.

Но на страницах первых русских печатных книг можно встретить примеры и чисто декоративного использования красного цвета.

Таковы рамки — «цветки», которые ставились на полях и указывали начало разделов — «недельных чтений». Иногда их печатали черным, иногда — красным. В безвыходном узкошрифтном «Евангелии» можно встретить цветки, напечатанные киноварью, но с небольшим черным крестиком сверху. В том же издании есть гравюрка «Орудия страстей». В одном экземпляре изображение отпечатано черным, а тонкая рамка вокруг него — красным.

Как это сделано?

В технической сути способа впервые разобрался гравер Матвей Алексеевич Добров (1877—1958) — по просьбе члена-корреспондента Академии наук СССР Алексея Алексеевича Сидорова, работавшего над «Историей оформления русской книги». Первое издание труда вышло в свет в 1946 году. Здесь было рассказано об оригинальном изобретении московских первопечатников — однопрокатной двухкрасочной печати.

Красный цвет на страницы будущей книги в Москве наносили не так, как в западноевропейских типографиях. Там для каждой краски изготовляли свою печатную форму. Сначала печатали черным, а затем — красным. В первой московской типографии делали одну форму и всю ее покрывали черной краской. Затем осторожно снимали краску со слов и литер, которые на оттиске должны быть красными, и наносили на них киноварь кисточкой.

Способ этот — достаточно трудоемкий — нигде, кроме Москвы, не применялся. Так напечатаны первые безвыходные издания — узкошрифтные и среднешрифтные «Евангелия» и «Псалтыри». А в широкошрифтных изданиях была применена новая техника.

Печатались эти издания также с одной формы, но в два прогона. При наборе полосы под литеры, которые должны быть красными, подкладывали небольшие брусочки. На приподнятые литеры наносили киноварь, накладывали сверху лист бумаги и печатали оттиск — мы видим на нем лишь «красные» элементы текстовой полосы. Затем приподнятые литеры удаляли и печатали черным. Этот же способ двухкрасочной печати мы встречаем в изданиях Ивана Федорова.

Объединяет их с книгами первой московской типографии Сильвестра и своеобразный прием набора, который историки назвали «перекрещиванием строк». Прием этот позволял искусно имитировать облик рукописной книги. В зарубежных типографиях он не применялся.

Так изучение техники первопечатных книг подтвердило гипотезу исследователей о том, что Иван Федоров работал в анонимной типографии, ибо только здесь он мог познакомиться с описанными выше полиграфическими приемами.

Открытие книголюба Анушкина

Есть в Ялте небольшая улица, которая носит славное имя художника Федора Васильева. Здесь в новом пятиэтажном доме в последние годы своей жизни работал Александр Иванович Анушкин (1903—1978), старейший советский журналист, в прошлом — главный редактор газет «Красная Татария», «Советская Литва»...

Высокого худого человека в неизменном берете хорошо знали ялтинские почтальоны; чуть ли не ежедневно приносили ему письма из Львова, бандероли из Оксфорда, посылки с микрофильмами из Вроцлава...

Александр Иванович был энтузиастом-книговедом; побудительные причины его увлечения раскрывают слова, написанные им в статье «О занятиях увлекательных и плодотворных» в местной «Курортной газете»:

«Благородная страсть обуревает рыцарей книжных поисков. Главное здесь — не спортивный интерес и стремление найти и заполучить редкостное издание... Главное — духовное обогащение, расширение своего кругозора и, я бы сказал, исследовательский интерес».

В Симферопольской библиотеке имени Ивана Франко Анушкин нашел два экземпляра «Острожской Библии» с интересными, ранее неизвестными вариантами набора.

В 1970 году в Вильнюсе вышла в свет его книга «На заре книгопечатания в Литве». Написанная по-журналистски легко, она сразу привлекла внимание читателей. Вместе с тем этот труд — плод серьезной и многолетней исследовательской работы.

Одно из открытий Анушкина имеет прямое отношение к нашей теме. Перечитывал он как-то послесловие к «Евангелию», напечатанному в Вильне в 1575 году. Соратник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец, оставив Ивана Федорова в Заблудове, долго не мог решиться самостоятельно выпускать книги. В послесловии к «Евангелию» он рассказывал об охвативших его сомнениях:

«Аз же есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая; к тому же смотряя свое неприлежание, и леность, и неразумие...»

Знакомыми показались эти слова Александру Ивановичу. Где-то он уже видел их... Вспоминал, вспоминал и наконец вспомнил: в «Посланиях» старца Артемия — одного из тех, чья деятельность подготовила возникновение книгопечатания на Руси. Уникальный список посланий был найден Вуколом Михайловичем Ундольским; ныне он находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В 1878 году «Послания» были напечатаны в «Русской исторической библиотеке».

Анушкин положил рядом 4-й том этого издания и «Евангелие» 1575 года и строка за строкой сверил тексты. Оказалось, что Петр Мстиславец почти дословно воспроизвел в своем послесловии одно из посланий Артемия. А значит, наши первопечатники были знакомы с публицистическими выступлениями Артемия, охотно цитировали их. Делал это Петр Мстиславец, делал это, как выяснилось позднее, и Иван Федоров.

Говорит это о многом, и прежде всего — о близости типографов к «Избранной раде», а следовательно, и к деятельности анонимной друкарни, работавшей в доме Сильвестра.

Издавна известны книги, изготовленные в рукописной мастерской Сильвестра, которая продолжала трудиться и после основания типографии. Фолианты эти благовещенский священник часто дарил в разные монастыри и церкви — от своего имени и от имени царя Ивана. Шесть таких книг сохранились в библиотеке Соловецкого монастыря.

В одной из них — рукописном «Евангелии» — искусно сделанные заставки. В прямоугольники, заполненные широколистными травами, вписаны круги с изображениями легендарных авторов четырех «Евангелий» — апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна. В 1962 году я впервые раскрыл эту книгу в уютном читальном

А. И. Анушкин

зале Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Незадолго пред тем, за узким столом, притулившимся в прихожей знаменитого «Кабинета Фауста», где хранится собрание инкунабулов, я знакомился со всеми сохранившимися здесь экземплярами «Евангелия» 1575 года. Того самого, в послесловии которого А. И. Анушкин обнаружил цитаты из посланий Артемия. Книгу Петр Мстиславец напечатал большим тиражом — она не редка и часто встречается в различных библиотеках.

Замечательные гравюры издания все еще стояли у меня перед глазами. Поэтому я сразу обратил внимание на растительный орнамент заставок рукописного «Евангелия», 400 с лишним лет назад «сооруженного» в мастерской Сильвестра.

По моей просьбе в читальный зал Отдела рукописей принесли «Евангелие» Петра Мстиславца. Я положил книги рядом и убедился, что орнамент рукописной заставки типограф со всеми подробностями передал в гравюре, украсив им подножие одной из колонн, обрамлявших портрет апостола. А значит, у Мстиславца было это рукописное «Евангелие» из мастерской Сильвестра.

Так нашлось еще одно звено цепочки, связывающей первопечатников с руководителем «Избранной рады».

Впоследствии было установлено, что к Сильвестру ведут многие записи на безвыходных изданиях: они называют имена лиц, с которыми на своем жизненном пути встречался благовещенский священник.

В конце 50-х годов XVI века власть «Избранной рады» пришла к концу. Сильвестра сослали в Соловки, где он и умер. Печатная и рукописная мастерские, которые на первых порах поддерживал сын Сильвестра Анфим, захирели.

Проводимая Иваном IV политика централизации власти настоятельно требовала создания государственного книгопечатания. Была основана новая большая типография, во главе которой поставили наиболее талантливого и способного мастера — Ивана Федорова. 19 апреля 1563 года он начал печатать хорошо знакомый нам «Апостол».

В послесловии этой книги одно и то же событие — начало книгопечатания на Руси — как будто бы датировано и 1553 и 1563 годом. Теперь мы догадываемся, в чем дело. У Ивана Федорова, после падения «Избранной рады», были веские основания не упоминать о первой московской типографии, основанной Сильвестром. Но он оказался достаточно мужественным, чтобы сказать о людях, с которыми он и сам начинал свой путь,— сказать, правда, в завуалированной форме.

Письмо из Львова

Во Львове, в Научной библиотеке Государственного университета имени Ивана Франко работал замечательный человек. За долгую жизнь Федор Филиппович Максименко (1897—1983) накопил в памяти великое множество имен, фактов и дат, связанных с историей Украины, ее городов и сел, ее богатой культуры. Человек бескорыстный, Максименко открывал сокровищницу памяти для каждого, кто в этом нуждается.

Более двадцати лет Федор Филиппович делился со мной сведениями об Иване Федорове. В 1963 году, когда я работал над диссертацией «Источниковедение и историография русского первопечатания», обязательный Федор Филиппович прислал мне длинный список публикаций с деликатным примечанием:

«Я позволю себе указать некоторые статьи, какие, возможно, остались вне поля Вашего зрения».

Во Львове, в 1930 году, рассказывал Максименко, издавалась газета «Неделя», в № 45 которой на четвертой странице напечатана статья Александра Новитного «Острожская Библия. В связи с 350-летием ее издания в Остроге».

«Автор, между прочим, говорит,— писал Федор Филиппович,— что очень ценным материалом для изучения жизни и деятельности Ивана Федорова должна быть переписка князя К. К. Острожского с Львовским братством и с Иваном Федоровым, хранившаяся в архиве князей Сангушко в Славуте, большая часть которого погибла в 1920 году. Новитный будто бы видел несколько копий писем князя Константина Острожского и письма Ивана Федорова к нему, а также переписку первопечатника со Ставропигийским братством во Львове».

Повествовательная невозмутимость Ф. Ф. Максименко явно не вяжется с сенсационным характером сообщаемых им фактов. Ведь ни одной строчки, самолично написанной Иваном Федоровым, к тому времени найдено не было. А тут целая переписка!

В письме Федора Филипповича были и другие удивительнейшие сведения, почерпнутые им из статьи Александра Новитного. Оказывается, существуют две гравюры, напечатанные «ин фолио» («в лист») и изображающие друкарню Ивана Федорова в Остроге. Гравюры воспроизведены в «Истории типографского искусства» Рехбандера, изданной в Вене в 1775 году.

Более того, в статье Новитного говорилось о том, что мысль об издании «Библии» возникла еще в 1574 году во Львове, что «Библию» печатал сам Иван Федоров, что его ученик Гринь Иванович был родом из Галича. Сообщалось еще много интересных подробностей относительно организации работы в Остроге.

Некоторое время спустя Максименко прислал мне фотокопию статьи Новитного, так как газету «Неделя» я ни в одной из московских библиотек отыскать не смог. Писал Федор Филиппович и о том, что Новитный был журналистом, в 30-х годах печатавшим статьи в львовских газетах на разные темы. Что с ним сталось дальше, Максименко не знал.

Прежде всего надо было разузнать о князьях Сангушко и их архиве.

Сангушки состояли в близком родстве с Острожскими, Вишневецкими, Замойскими и многими другими волынскими магнатами. Их огромный архив хранился в родовом имении Славуте, стоявшем над быстрой речкой Горынь. Архив содержался в порядке; еще в 1864 году Ян Стецкий составил список рукописей Славутской библиотеки. Бронислав Горчак в 1902 году писал архив. В описи

под № 55 упомянуты «привилегии и письма князей Острожских». Дело содержало 44 листа, написанных в 1556—1620 годах. Не здесь ли хранилась переписка Ивана Федорова? Ответа на этот вопрос в описи не было.

В 1887 году Сангушки начали издавать материалы своего архива. До 1910 года во Львове вышли в свет 7 объемистых томов, содержавших интересные материалы по истории Украины, Литвы и Польши. Но затем, в годы первой мировой войны, издание прекратилось. Публикация документов была доведена лишь до середины XVI века.

1 ноября 1917 года дворец Сангушков разгромили гайдамаки. Они убили 85-летнего князя Романа Сангушко. Старые книги и рукописи вытащили во двор и сложили из них костер, который, говорят, горел несколько дней.

Но большую часть архива задолго пред этим вывезли в глубь России. Впоследствии архив был передан Польше.

Выясняя судьбу архива, я одновременно пытался найти те две гравюры, которые, по словам Новитного, изображали Острожскую типографию.

Есть превосходный двухтомный указатель старой литературы о книгопечатании, составленный в 1880—1886 годах английскими учеными Э. Бигмором и К. Вайманом. К великому удивлению, «Истории типографского искусства» Рехбандера, в которой, как утверждал Новитный, воспроизведены гравюры, изображающие типографию Ивана Федорова, я в этом капитальном справочнике не нашел.

Имени Рехбандера не оказалось и в 4-томном «Всеобщем книжном словаре, или Полном алфавитном перечне с 1700 до конца 1810 года вышедших книг, которые напечатаны в Германии и родственных ей по языку и литературе странах». Этот указатель, составленный библиографом В. Гайнзиусом, впоследствии был продолжен до 1894 года. Не помянут Рехбандер и в 20-томном «Полном книжном словаре, содержащем все книги, выпущенные с 1750 года...» К. Г. Кайзера.

Тогда я понял: не было такого писателя и никакая «История типографского искусства» в 1775 году в Вене не издавалась! Александр Новитный сам придумал и Рехбандера и гравюры с видом Острожской типографии! Если же он погрешил в одном, мог соврать и в другом!

...И все же я немного волновался, когда поздней осенью 1973 года по скользким плитам спуска к Каноничей улице, мимо конного памятника Тадеушу Костюшко, впервые поднялся на Вавельский холм и вошел в помещение Исторического архива Краковского воеводства. Здесь, как мне сказали, находился архив Сангушков.

Вскоре я изучал дело, которое содержало привилегии и переписку князей Острожских.

Никаких материалов об Иване Федорове в нем не оказалось. Автограф первопечатника нашли совсем в другом архиве...

Как «Черногория» превратилась в «Чернигов»

Пусть не удивляет читателя выдумка Александра Новитного. Историк должен быть готов к встрече с легендами, порожденными некритическим отношением к источникам, людским легковерием, а иногда и легкомыслием. В историографии славянского и русского книгопечатания таких легенд немало.

Иногда у их истоков лежат ошибки.

В статье К. Я. Тромонина «О начале книгопечатания в России», опубликованной в 1845 году в сборнике «Достопамятности Москвы», можно найти упоминание о каких-то типографских опытах, проводившихся в Москве будто бы еще в 1440 году. Одним словом, одновременно с началом книгопечатания в Европе. Приведя это известие, Тромонин сослался на писателя XVIII века Ивана Васильевича Нехачина (1771—1811).

Нехачин был плодовитым литератором, сочинившим несколько книг, среди них своеобразную детскую энциклопедию — «Новое краткое понятие о всех науках» и объемистый труд с длинным названием: «Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц, в котором описаны их деяния, кончина, места погребения, имена их супруг и детей, с приложениями двух родословных с княжескими гербами, из коих первая начинается от Рюрика, первого российского князя, и оканчивается чрез 21 степень детьми царя Иоанна Васильевича Грозного; вторая, от въехавшего в Россию литовского князя Гландала, то есть от предка царя Михаила Федоровича Романова и до ныне благополучно царствующей императрицы Екатерины II Великия и пресветлейшия ея фамилии».

Вслед за этим названием на титуле книги указывалось, что собрана она «из разных российских бытописаний», а издана в 1793 году «иждивением московского купца Семена Никифорова».

На одной из страниц «Исторического словаря», где речь идет о московском великом князе Василии Темном, утверждается, что «он завел в России в 1440 году первое книгопечатание».

Из каких «российских бытописаний» почерпнул это сенсационное известие Иван Нехачин?

Историографы утверждают, что одним из источников «Исторического словаря» был едва ли не первый в новой литературе опыт общей русской истории — книга «Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих...». Книга была издана в Москве в 1770 году, но, как установили историки, написал ее около 1715 года совсем не Хилков, а его секретарь Алексей Ильич Манкиев.

Рассказывая о княжении Василия Темного, автор упоминает и о начале книгопечатания,— но не в Московском государстве, как это делает Иван Нехачин, а в Германии, в Майнце. Вот это сообщение — первое известное нам в русской литературе упоминание об одном из величайших событий в истории культуры:

«Во время княжения сего Василия московского великого князя, около 1440 году от Рождества Христова, великое некое и воистинну божие благодеяние послано всей вселенной, от Иоанна Гутенберга Аргентинца новым письма родом изобретено. Тот первый художество типографическое, сиречь книги печатать выдумал и приобрел в городе Аргентине, оттуда в Могунцию пришед, тож художество щастливо (но с великим иждивением) совершил...»

Чтобы читателю было ясно, почему Манкиев именует Гутенберга «аргентинцем», поясним, что «Аргентина» — латинское название Страсбурга. «Могунция» же — это современный Майнц.

И. В. Нехачин не вник в смысл сообщения Хилкова — Манкиева, прочитал его бегло и положил начало заблуждению, отзвуки которого сказывались и полстолетия спустя — в середине XIX века.

Вот еще один аналогичный случай.

В начале нынешнего столетия в Германии издавался журнал для любителей книги — «Цайтшрифт фюр Бюхерфройнде». Превосходно оформленный, с большим количеством иллюстраций, содержащий познавательный, а иногда и весьма занимательный материал — журнал по сей день ценится библиофилами.

В № 9 за 1909 год помещено сообщение об открытии в Москве памятника Ивану Федорову. Автор заметки удивляется, что в России этого человека считают первым типографом.

«Первым русским печатником,— утверждает он,— был Георг Черновиц, который уже в 1493 году в Чернигове на реке Десне напечатал на иллирийском наречии кирилловским шрифтом «Октоих» Иоанна Дамаскина».

Известие о черниговской типографии 1493 года по сей день можно встретить на страницах трудов по истории книгопечатания, выходящих в Англии, ФРГ, Франции, США...

Впервые об этой типографии упомянул один из ранних теоретиков книговедения Михаэль Денис (1729—1800), поэт и библиограф, в дополнениях к каталогу инкунабулов, изданных в 1779 году. Ошибку заметил классик славяноведения чешский ученый Йосеф Добровский. В письме 1814 года к австрийскому славяноведу Бартоломею Копитару он рассказал о том, как появилась эта ошибка. Его друг словацкий книголюб Иржи Рыбай нашел в одной из библиотек Офена неизвестное в то время издание — «Октоих» 1493 года, напечатанный священноиноком Макарием «от Црнийе Гори» (то есть из Черногории). О находке Рыбай сообщил Фортунату Дуриху, автору изданной в 1795 году в Вене книги «Славянская библиотека». Он-то и написал об этом Михаэлю Денису.

Одно плохо — Дурих неправильно прочитал слово «Черногория» в письме Рыбая («Tzernogaviae» вместо «Tzernogorae»). М. Денис внес свои коррективы в орфографию слова. В его книге мы находим следующий текст:

«Октоих» Иоанна Дамаскина, напечатанный на славянском языке кирилловским шрифтом в 1493 г. в Черногавии Георгием Черноевиком».

Так «Черногория» превратилась в «Чернигов»!

Речь шла о невольных ошибках. Хуже, когда их делают сознательно.

Был ли переплетчиком Ганс Переплетчик?

С первых же шагов Ивана Федорова по невозделанной еще ниве отечественной историографии ему начали приписывать иностранных учителей. Такова была инерция мышления у иных наших предков, высшим авторитетом для которых был «французик из Бордо».

В. С. Сопиков, зарегистрировав «Апостол» 1564 года в своем «Опыте российской библиографии», написал, что книга «напечатана под смотрением книгопечатного дела мастера датчанина Ганса». С тех пор и гуляет датчанин по страницам трудов, посвященных истории книги.

Перед нами монография «Пять столетий книгопечатания» С. Х. Штайнберга (1899—1969); последнее издание ее вышло в Лондоне в 1979 году. На одной из страниц читаем:

«Великий царь Иван IV Грозный (имя которого у нас неправильно переводят как «Ужасный») в конечном счете ввел в России книгопечатание. По его просьбе Кристиан III Датский в 1552 году послал копенгагенского печатника Ганса Миссенгейма в Москву, где он научил Ивана Федорова, русского первотипографа, искусству книгопечатания».

В 1822 году Петр Иванович Кеппен указал на источник этих сведений — послание Кристиана III к Ивану Грозному, которое за шесть лет пред тем — в 1816 году — было опубликовано в «Теологической библиотеке», издававшейся в Копенгагене. Писал Кеппен и о «типографщике Иване Богбиндере», «под надзором коего гостунский диакон Иоанн Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец напечатали первую в России книгу».

Восемнадцать лет спустя, в 1840 году, посланием Кристиана III заинтересовался историк, профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев (1792—1868). Он имел познания в самых различных областях российской и зарубежной словесности. Занимался Снегирев и историей книгопечатания — в 1830 году опубликовал в «Вестнике Европы» статью «О первой Псалтыри, напечатанной Невежею Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче», то есть о той самой «Псалтыри» 1568 года, на страницах которой, как помнит читатель, утверждалось, что именно Невежа и Никифор первыми устроили в Москве «штанбу, сиречь дело печатных книг». В послесловии «Псалтыри» «типографщик Иван Богбиндер», конечно, не упоминался. Никогда не называл его имени и Иван Федоров.

И. М. Снегирев решил разобраться в этом и написал письмо в Копенгаген — в Королевское общество северных древностей. Через несколько месяцев неспешная почта принесла ему копию публикаций «Теологической библиотеки».

В 1840 году И. М. Снегирев напечатал в «Русском историческом сборнике» перевод послания Кристиана III на русский язык; в оригинале оно было написано по-латыни. Перевод московский профессор снабдил комментариями.

О чем шла речь в этом письме?

Кристиан III задумал склонить московского государя к переходу в лютеранство, дабы «рассеять тьму папежскую (то есть католическую.— *Е. Н.*), коею долгое время омрачены были страны наши». «На это дело,— писал датский король Ивану Васильевичу Грозному,— вызывали мы прочих государей и князей... и при том

не без успеха; по наследственному же нашему расположению и усердию к возлюбленному брату нашему, к его народу и подданным, руководствуясь примером предков и предшественников наших, мы осмеливаемся склонить к тому же и тебя, возлюбленнейший брат».

Для пропаганды лютеранства Кристиан III считал необходимым организовать в Москве типографию и наладить печатание религиозной литературы.

«С такой целью,— сообщал он Ивану IV,— посылаем к тебе искренно нами любимого слугу и подданного нашего Ганса Мейссенгейма с Библией и двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, митрополитом, патриархами, епископами и прочим духовенством сие наше предложение и две книги вместе с Библией, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык...»

Иван Михайлович Снегирев обратил внимание, что П. И. Кеппен писал об «Иване Богбиндере», В. С. Сопиков — о «датчанине Гансе», а в послании Кристиана III шла речь о «Гансе Мейссенгейме». Видимо, это один и тот же человек,— предположил ученый. И. М. Снегиреву было известно, что еще в 1595 году датский историк Арильд Витфельд писал в своей «Истории Дании» о послании, с которым Иван Грозный будто бы обратился к королю Кристиану в 1550 году, прося его направить в Москву различных ремесленников. Инициатива в этом случае приписывалась московскому государю. Приглашение, по словам Витфельда, принял «один человек из Копенгагена по имени Ганс Богбиндер». Однако, утверждал датский историк, «в то время было очень мало людей, которые захотели бы поехать в варварскую страну. Ганс Богбиндер также отказался от своих намерений».

«Слово Богбиндер,— комментировал И. М. Снегирев,— должно быть не родовое имя, но название ремесла, тогда значительного в Европе, ибо Bockbinder то же, что Buchbinder, то есть переплетчик».

Более ста с лишним лет после публикации И. М. Снегирева никто не интересовался Гансом Богбиндером. Был ли он в нашей стране? Учился ли у него Иван Федоров? Да и кем, собственно, был этот переплетчик?

Ответ отыскался в третьем томе «Датского биографического словаря», вышедшем в свет в 1934 году в Копенгагене. Здесь были опубликованы статьи о нескольких Мейссенгеймах Богбиндерах. Первый из них — Ганс Мейссенгейм Богбиндер-старший — был бургомистром Копенгагена. Умер он в 1515 году, оставив

двух сыновей — Амброзия и Ганса. Амброзий пошел по стопам отца: стал бургомистром нынешней датской столицы, активно поддерживал короля Кристиана II в его борьбе за абсолютизм против своеволия феодалов-аристократов.

В 1523 году Кристиан II был свергнут с престола и изгнан в Нидерланды. Королем стал Кристиан III — тот самый, который в мае 1552 года писал Ивану Васильевичу Грозному.

Свергнутый король, однако, не прекращал борьбы за датский престол. В 1553 году его сторонники во главе с Амброзием Богбиндером подняли восстание, которое длилось три года, но в конце концов было подавлено. Амброзия вскоре обвинили в убийстве. Предвидя арест и неизбежную расправу, бургомистр отравился.

Преданным сторонником свергнутого короля был и младший брат Ганс Мейссенгейм Богбиндер. Он последовал в изгнание и стал личным секретарем Кристиана II. Спустя много лет изгнанный Кристиан II умер. В 1550 году Кристиан III разрешил Гансу вернуться на родину. А два года спустя было написано уже известное нам послание Ивану IV Васильевичу.

Сопоставляя факты, можно предположить, что король рассматривал посольство Богбиндера в далекую Московию как своеобразную почетную ссылку.

Таким образом, никто из Богбиндеров ни типографом, ни переплетчиком не был. На вопрос, вынесенный в название этой главы, можно ответить определенно: Ганс Переплетчик не имел решительно никакого отношения ни к типографскому, ни к переплетному мастерству. Стало быть, «русским Гутенбергом», как его нередко именуют зарубежные авторы, именитый датский придворный быть не может. Да и посольство его в Московию не состоялось. Материалы датских архивов свидетельствуют, что с 1554 года Ганс Богбиндер безвыездно жил в Копенгагене. В 1564 году, когда вышел в свет московский «Апостол», Ганса уже не было в живых.

Обо всем этом шла речь в статье, которую автор этих строк в 1962 году опубликовал в сборнике «Книга. Исследования и материалы». В 1970 году ее перепечатали в Дании под характерным названием «Был ли Ганс Богбиндер русским Гутенбергом?»

Вопрос этот как будто решен окончательно.

Впрочем, «датчанин Ганс», как впоследствии стало известно, не был единственным зарубежным претендентом на роль «российского Гутенберга».

Похождения немецкого авантюриста

Библиотекарь Петербургской Академии наук Иван Григорьевич Бакмейстер (ум. 1788 г.) составил и в 1776 году выпустил в свет описание академической библиотеки и приданного ей кабинета редкостей. Рассказывая о хранящихся в библиотеке старопечатных книгах, он уделил внимание истории отечественного книгопечатания. Говоря об основании первой типографии в Москве, Бакмейстер писал:

«Сие достохвальное предприятие исполнил царь единственно своими русскими людьми, которых имена достойны перейти в потомство».

И Бакмейстер называл Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца.

Впрочем, он тут же сообщил, что еще в 1547 году Иван IV отправил некоего Шлитте «искать в Германии художников для книжного дела». По мнению Бакмейстера, миссия эта окончилась неудачей.

Н. М. Карамзин оспаривал это мнение. «Царь Иоанн в 1547 году искал в Германии художников для книжного дела,— писал он в «Истории Государства Российского»,— и, как вероятно, нашел их для образования наших собственных, ибо в 1553 году он приказал устроить особенный дом книгопечатания».

Документация, в которой упоминается имя Шлитте, хранится во многих городах Европы. Ловкий, хотя и не во всем удачливый авантюрист сумел вызвать интерес к своему предприятию чуть ли не у большинства коронованных особ Европы.

Ганс Шлитте происходил из саксонского города Гослара. Немецкий историк Карл Фабер, писавший о Шлитте в 1810 году, утверждал, что саксонец «еще в ранней юности, стремясь изучить далекие страны, отправился путешествовать». Надо думать, что руководили им мотивы, далекие от чистой любознательности. Практическая жилка бьется во всех его дальнейших предприятиях.

Фабер сообщал, что, попав в Москву, Шлитте «изучил язык и обычаи страны и приобрел особую благосклонность царя».

Ловкому иностранцу удалось повидать Ивана IV и получить от него грамоту, немецкий перевод которой сохранился в прусском архиве и был опубликован Фабером. Царь удостоверял, что он поручил Шлитте «привезти в наше государство... мастеров

и докторов, которые умеют ходить за больными и лечить их, книжных людей, понимающих латинскую и немецкую грамоту, мастеров, умеющих изготовлять броню и панцири, горных мастеров, знающих методы обработки золотой, серебряной, оловянной и свинцовой руды...»

Список достаточно длинен, но печатники в нем не упоминаются.

Ганс Шлитте добрался до Аугсбурга и явился в заседание рейхстага, когда там присутствовал император Карл V. Оборотистый саксонец вручил императору грамоту и, кроме того, на словах рассказал об обещанных — в случае успеха миссии — царских щедротах. Именем Ивана IV Шлитте обещал Карлу ссудить Римской империи ни больше ни меньше, как 74 бочки золота. Предлагался также союз против турок, который Московское государство подкрепляло 30 тысячами всадников. Шлитте говорил и о желании царя присоединить русскую церковь к католической.

Карл V нашел доводы вескими и 31 января 1548 года передал Шлитте послание к царю и охранную грамоту, предписывающую всем властям Римской империи оказывать агенту Москвы содействие в исполнении его миссии. Саксонец навербовал различных специалистов — 123 мастера. Среди них упомянут и типограф.

19 июля 1548 года Ревельский магистрат обратился к своим любекским коллегам с письмом, в котором просил сделать все возможное, чтобы не пропустить Шлитте и его спутников в Москву. По дороге к границам Московской Руси, в Любеке, саксонца задержали и посадили в тюрьму. Причина нам ясна. Ливонский орден и балтийские города, связанные с Любеком соглашениями, опасались, что набранные Шлитте мастера усилят военный потенциал Русского государства.

Между тем Шлитте, действуя подкупами и посулами, бежал из тюрьмы. Однако пока он в ней сидел, ремесленники разбежались. Император Карл V, узнав о судьбе саксонца, пришел в ярость. Но блестящие годы Карла были уже позади. Император стар и тяжело болен. Священную Римскую империю раздирали междоусобицы.

Оценив политическую обстановку, Шлитте меняет ориентацию. В 1555 году мы встречаем его в Париже, где он вскоре проникает к королю Генриху II Валуа, которому обещает поддержку Москвы в коалиции Франции, Швеции и Турции.

Шлитте делает и другой ловкий ход. Он объявляет австрийского дворянина Иоганна Штейнберга «московским канцлером» и отправляет его в Рим к папе Юлию III с сенсационным предложением о воссоединении католической и православной церквей

под эгидой римского папы. В Риме новоявленного канцлера встречают с великим почетом.

Польский посол в Ватикане сообщает об этом своему правительству. Король Сигизмунд Август бьет тревогу — сближение Москвы с Римом не обещает ничего хорошего. Срочно снаряжаются два посольства; одно из них следует в Рим, другое — в Вену. В грамотах, данных послам, Сигизмунд Август предупреждает папу и императора о неизменной враждебности Москвы к римской курии. Из многочисленных примеров, приведенных в грамотах, наше внимание привлечет один, в котором рассказывается, что в годы правления Сигизмунда I его подданный, издатель «Священного писания, напечатанного на русском языке», ездил в Москву, но потерпел здесь неудачу. Книги, привезенные им, были публично сожжены.

Сигизмунд I правил с 1505 по 1548 год. В это время в Праге, а позднее — в Вильне печатал славянские книги прославленный белорусский просветитель Франциск Скорина.

В 1963 году некий Сымон Брага выпустил в Нью-Йорке и Мюнхене книгу «Франциск Скорина в Москве». Отталкиваясь от упомянутого сообщения в грамоте Сигизмунда Августа, он посчитал возможным утверждать, что «издателем Священного писания», ездившим в Москву, был Скорина, что ездил он туда не один, а с помощниками-типографами, что он возил в Москву не только книги, а всю свою типографию с шрифтами и оборудованием. Скорину, по словам Браги, в Москве едва не казнили. Его же шрифты и оборудование впоследствии использовали при создании первой московской типографии.

Для всех этих, мягко говоря, измышлений никаких оснований нет. Шрифты первых московских книг не имеют ничего общего со шрифтами белорусского просветителя. Поездка в Москву действительно состоялась, но ездил не сам Скорина, а его финансист и покровитель Богдан Онков, виленский купец. На пути в Москву его ограбили. Сохранился список вещей, отнятых у Онкова «на лутцкой дорозе». Типографское оборудование и книги в нем не упоминаются.

Таким образом, мы с полным основанием можем считать, что ни Ганс Богбиндер, ни ремесленники, набранные Шлитте, ни Богдан Онков учителями наших первопечатников не были.

В богатой и противоречивой литературе о начале русского и славянского книгопечатания есть и другие упоминания о типографиях, будто бы работавших на территории нашей страны еще в XV— начале XVI века.

Придумщики и фальсификаторы

В 1965 году во многих газетах была опубликована заметка журналиста Л. Рогачевского «Сюрпризы Мукачевского монастыря». В ней шла речь о находках закарпатского краеведа И. Л. Хоменко, обнаружившего в библиотеке Мукачевского монастыря «первопечатные, написанные кирилловским алфавитом древнерусские и румынские книги, изданные Швайпольтом Фиолем в Грушевском монастыре».

Если типография в закарпатском Грушевском монастыре действительно существовала, начало книгопечатания на территории нашей страны можно было бы отодвинуть на конец XV— начало XVI столетия.

Прочитав заметку Л. Рогачевского, я готов был тут же отправиться в Мукачево, чтобы на месте познакомиться с находками. Но подумав, решил предварительно написать И. Л. Хоменко.

«Прошу Вас сообщить,— писал я,— что за книги найдены Вами. Есть ли в них выходные сведения? На каком основании базируются утверждения о Грушевском монастыре? Есть ли в книгах упоминания о Фиоле?»

Ответ меня разочаровал.

«Фраза о грушевских изданиях не точна,— сообщал И. Л. Хоменко.— В своем разговоре с Л. Рогачевским я обмолвился, что в Мукачевском монастыре, по-видимому, должны быть и книги из типографии в Грушевском монастыре, основанной Фиолем (отметим в скобках, что о такой типографии никаких достоверных известий нет.— *Е. Н.*). Я оговорился, что, по-видимому, писать об этом рано, но скоро этот вопрос разрешится. В этом и была моя оплошность, из-за которой я попал в глупую сенсацию».

На этом можно было бы кончить, если бы известие о находке не перекочевало бы из газет на страницы научной периодики. О книгах, напечатанных Швайпольтом Фиолем в Грушевском монастыре, в 1966 году в разделе хроники сообщил журнал «История СССР».

Печатное слово обладает любопытной особенностью. Своим авторитетом оно делает достоверными те факты, о которых сообщает. Мы верим книге, журналу, газете — и это хорошо. Читательское доверие обязывает авторов, да и редакторов десятки раз проверять и перепроверять факты, прежде чем делать их достоянием общественности.

Писатель и ученый должны чувствовать ответственность перед современниками, а еще больше — перед грядущими поколениями.

Мы часто говорим о праве писателя на художественный вымысел. Но вымысел должен оставаться в границах исторической достоверности.

В 1973 году издательство «Советская Россия» выпустило в свет «Исторические повести» Веры Жаковой, умершей в 1936 году, 22 лет от роду. Секрет завидной долговечности повестей, рассказов и очерков Жаковой — в свежести литературного мышления, в незаурядности таланта этой «премудрой, уважаемой и нелепой девушки в очках», как называл ее Максим Горький. Есть в книге рассказ «О черном человеке Федоре Коне», который впервые опубликован в горьковском альманахе «Год семнадцатый» в 1934 году. Жакова приводит челобитную Федора Коня царю Ивану Грозному, письмо мастера Ивана Фрязина и другие «исторические документы», сочиненные ею самой. Имитировать документацию XVI века Жакова умела блестяще. «Государев мастер» Федор Конь, построивший Белый город Москвы и Смоленский кремль, действительно существовал. Но подробности его жизни — поездка в Германию и Италию, обвинение в ереси, ссылка в Соловки — все это придумано Жаковой. Отталкиваясь от ее биографических построений, поэт Дмитрий Кедрин написал превосходную поэму «Конь».

Во всем этом греха не было. Хуже, когда сочиненные Жаковой «документы» стали цитировать историки архитектуры. «Подвели» их литературный талант Веры Жаковой и авторитет печатного слова.

Недавно архитектор Юрий Шумей опубликовал в львовской газете статью «Тайна Онуфриевского монастыря». Статья была перепечатана в Горьком под детективным названием «Преступление во Львове». Шумей утверждал, что первопечатника Ивана Федорова... отравили иезуиты. В подтверждение цитировались письма иезуита Петра Скарги и католического епископа Владислава Суликовского. Был приведен и протокол секретного совещания, созванного папским нунцием Антонио Поссевино.

Нунций, пишет Шумей, «дал на этом совещании указание применить к Ивану Федорову «экстерминацию», то есть физически уничтожить его. Более того, Антонио якобы распорядился сделать так, чтобы от Ивана Федорова не осталось «ни следов, ни памяти».

Факты, даты, цитаты...

Все это впечатляет неискушенного читателя, который не знает, что «исторические документы» придуманы.

В 1970 году переслали мне из «Литературной газеты» письмо из Днепропетровска. Автор его прочитал в одном журнале сообще-

ние о том, что «первопечатником был вовсе не Иван Федоров, а другие люди — Степан Дропан, печатавший книги в 1460 году, а вторым после него Святополк Фиола, печатавший в 1490 году». И тут же сделал категорический вывод: «Ивана Федорова возвели в первопечатники буржуазные русские историки без основания».

А затем внес предложение — незамедлительно изменить надпись на памятнике Ивана Федорова в Москве — указать, что Иван Федоров «возобновил печатание книг, начатое Степаном Дропаном и Святополком Фиолой».

Иоганн Гутенберг или Степан Дропан?

Кто же они такие, эти люди, о которых пишет придирчивый читатель из Днепропетровска?

Начнем со Степана Дропана.

В далеком 1791 году между монахами львовского монастыря св. Онуфрия и Ставропигийским братством возникла свара. Монахи предъявили братству ряд претензий — на земли в Билогощи, на крупные денежные суммы, а заодно и на типографию, которую братство в свое время выкупило у заимодавцев Ивана Федорова. Типографию, утверждали монахи, подарил монастырю еще в 1460 году львовский горожанин Степан Дропан, причем дар был якобы подтвержден королем Польши Казимиром Ягеллончиком в 1469 году.

Степан Дропан — личность реальная. Существовала привилегия 1460 года, данная Дропаном Онуфриевскому монастырю. Она упоминается в рукописных хрониках монастыря.

Хроники говорят о том, что Дропан пожертвовал монастырю земли, денежные суммы, но ни словом не упоминают о какой-либо типографии. Сама привилегия была потеряна еще в XVI веке, об этом есть сведения в описях монастыря.

Все это не помешало одному львовскому археографу, нашедшему в Центральном государственном историческом архиве УССР жалобу онуфриевских монахов от 23 июля 1791 года, утверждать, что украинское книгопечатание началось в 1460 году.

Ни в одном другом документе типография не упоминалась. Так можно ли говорить о достоверности факта на основании одного только сообщения, сделанного 230 лет спустя?

Пусть читатель представит, что какой-либо недалекий, если не сказать больше, графоман напишет в «Краткую литературную энциклопедию» письмо с требованием внести соответствующие коррективы в статью «Пушкин Александр Сергеевич». По сведениям, имеющимся у графомана, роман «Евгений Онегин» написал не упомянутый выше поэт, а известный литератор Фаддей Венедиктович Булгарин!

А теперь нужно предположить, что лет через сто кто-нибудь отыщет в архиве письмо графомана и только на этом основании будет отстаивать авторство Булгарина.

Ситуация неправдоподобная!

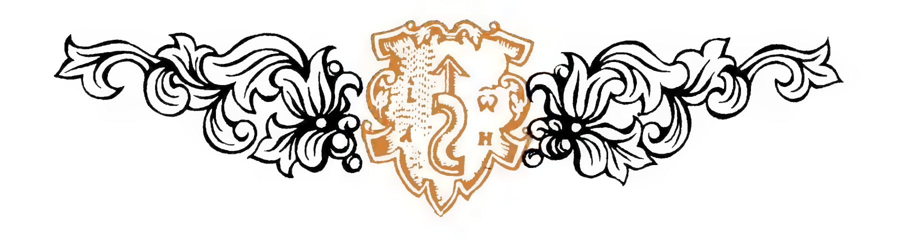
В случае с Дропаном ситуация аналогичная. И тем не менее журнал «Архивы Украины» в 1968 году напечатал статью «Было ли книгопечатание на Украине до Ивана Федорова?», в которой вопрос о существовании типографии Степана Дропана решался однозначно.

А ведь достаточно было обратиться к любому учебнику истории, чтобы установить: в 1460 году типографий не было ни в одном европейском городе, кроме Майнца. Если до 1460 года во Львове печатали книги, то основать типографию здесь мог лишь изобретатель книгопечатания Иоганн Гутенберг.

В письме читателя «Литературной газеты» названо еще одно имя — Святополк Фиола. Это не кто иной, как типограф Швайпольт Фиоль, напечатавший в 1491—1493 годах в Кракове 4 книги кирилловского шрифта. Мы говорили о нем в связи с сообщением о находке, будто бы сделанной в Мукачевском монастыре.

В 1967 году в Лодзи, в периодическом издании «Русский голос» была опубликована статья, автор которой Пантелеймон Юрьев переименовал краковского печатника в Святополка Фиолу и объявил, что он был «по своему происхождению лемок, потомок бело-хорватских русинов, вероисповедания восточного». Утверждение совершенно голословное. Еще в 20-х годах текущего столетия польский историк Ян Птасьник нашел в краковских архивах и опубликовал завещание Фиоля, из которого следовало, что типограф был по национальности немцем и происходил из франконского города Нойштадта на Айше.

Не нужно вносить изменения в надпись на памятнике Ивану Федорову! Не нужно переименовывать институты и корабли, носящие славное имя первопечатника! Великий человек, заложивший постоянное книгопечатание в России, Белоруссии и на Украине, достоин того, чтобы мы вечно чтили его память! Что же до придумщиков и фальсификаторов, то лучшее оружие против них — объективное и точное знание.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Пиршество глаза и ума

Рамка «Апостола Луки»

Прототипы

Из рукописных книг — в печатные

Музицирующие ангелы

Буквицы Израэля ван Мекенема

Первая русская гравюра

Феодосий Изограф

В поисках оттисков

Резчик Власий

Пиршество глаза и ума

«Книга — пиршество глаза и ума,— говорил прославленный советский книговед Алексей Алексеевич Сидоров.— И поскольку ко всему внутреннему человеку приходит она только через эти ворота — изучение ее, как объекта зрительного восприятия, с точки зрения проблем ее видимой формы, является основной нашей — забытой — обязанностью по отношению к лучшей и бескорыстнейшей из подруг человечества».

Пиршество глаза и ума! Это определение как нельзя лучше подходит к книгам, напечатанным Иваном Федоровым.

Все в этих книгах прекрасно и гармонично. Превосходно читаемый шрифт создан рукой уверенного в себе каллиграфа. Замысловатое узорочье декоративной киноварной вязи членит книги на разделы. Иллюстраций немного, но они весомы и значительны. Нарядные заставки, гравированные на дереве, придают книге праздничность. Пропорции текстовой полосы и обрамляющих ее полей близки к образцам, которые в типографском искусстве считаются классическими.

Книги Ивана Федорова издавна изучают, говоря словами А. А. Сидорова, как «произведение волнующего искусства».

В 1974 году во Львове был издан альбом «Художественное наследие Ивана Федорова». Составил его известный украинский искусствовед Аким Прохорович Запаско. На страницах альбома воспроизведены — в натуральную величину —388 элементов художественного убранства из книг первопечатника.

Не один год работал А. П. Запаско, чтобы установить, что в «Острожской Библии» 1581 года 3 240 000 печатных знаков, 81 заставка, 68 концовок, 78 строк вязи, 1384 инициала. Более того, он указал, на каком из 628 листов книги воспроизведен тот или иной инициал, выявив попутно мельчайшие варианты оттисков.

С такой же тщательностью изучены им шрифты и гравюры и других изданий Ивана Федорова.

Альбом А. П. Запаско закономерно завершил многолетние труды исследователей, изучавших искусство первопечатных книг. Путь к постижению истины не был ни простым, ни прямым. На этом пути искусствоведов ждали сенсационные находки и непредвиденные просчеты, волнующие озарения и досадные ошибки...

Рамка «Апостола Луки»

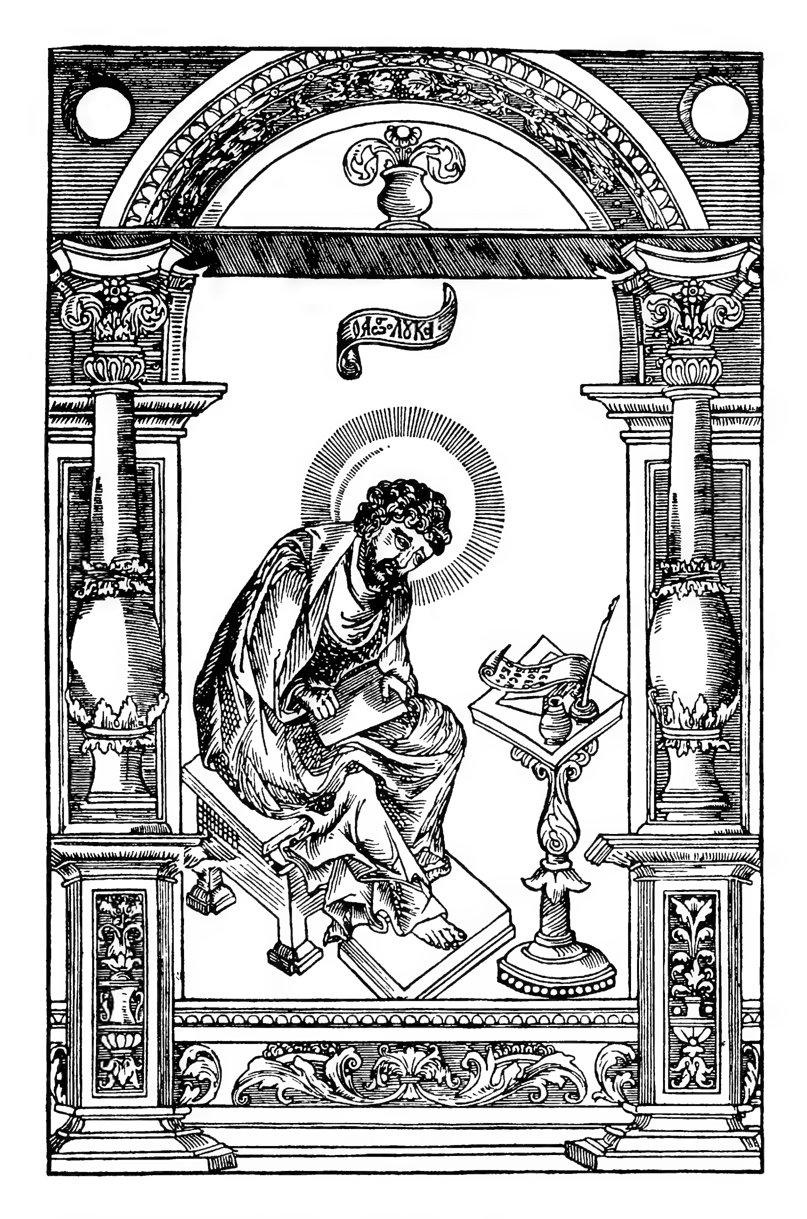
Раскроем «Апостол» 1564 года. Первые семь листов занимают всевозможные предисловия и оглавления. Переворачиваем восьмой лист — и перед нами гравированный на дереве фронтиспис, предпосланный основному тексту книги.

Гравюра эта — портрет автора «Апостола» — евангелиста Луки. Первая в истории нашего искусства фигурная гравюра, композиционным центром которой служит изображение человека.

Лука сидит на низкой скамеечке с массивными ножками. Голова апостола наклонена вперед, фигура сгорблена. На коленях у него книга. Лука поддерживает ее руками. Босые ноги покоятся на подушечке. Рядом подставка — горка для письма, на которой лежит раскрытый свиток. Написанные им строки можно прочитать; апостол только что кончил писать: «Первее бе слово». На горке стоят также чернильница с гусиным пером и песочница. Песком припорашивали свеженаписанный текст, чтобы он не смазывался.

Изображение заключено в рамку. Это — триумфальная арка с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием. Свод поддерживают колонны с пышными капителями и обильно декорированным цоколем.

О фронтисписе «Апостола» 1564 года писали многие — знаменитый русский критик В. В. Стасов, изучатели старой гравюры Д. А. Ровинский, В. Е. Румянцев... Особенно подробно исследовал эту гравюру Алексей Иванович Некрасов (1885—1950). Художественное убранство рукописей и древних печатных книг заинтересовали его еще в ту пору, когда он учился в Московском университете и посещал семинарий приват-доцента А. С. Орлова. Впоследствии приват-доцент стал академиком. В 1935 году под редакцией А. С. Орлова был издан сборник «Иван Федоров первопечатник». Сам Александр Сергеевич опубликовал на его страницах не только статью «К вопросу о начале печатания в Москве», о которой мы рассказывали выше, но и «Воспоминания о диспуте проф. А. И. Некрасова». О них-то и пойдет у нас речь.

Апостол Лука. Фронтиспис «Апостола» 1564 г.

Александр Сергеевич вспомнил о событии, случившемся 20 апреля 1921 года. В старом актовом зале Московского университета Алексей Иванович Некрасов защищал диссертацию «Ксилографический орнамент первопечатных московских книг». А. С. Орлов присутствовал на защите и вечером, вернувшись домой, составил для себя сжатый конспект дискуссии, как обычно делал во время различных конференций и научных сессий.

Через 15 лет Орлов посчитал целесообразным опубликовать этот конспект. Он предпослал публикации краткое вступление; в нем он просил А. И. Некрасова извинить ему возможные неточности, которые неминуемо окажутся «в этом конспекте данных, усвоенных лишь по слуху»...

Искусствоведы, собравшиеся на защиту, с интересом поглядывали на горку старых книг, лежавших перед диссертантом. Алексей Иванович раскрыл одну из них и показал присутствующим гравюру, многим хорошо знакомую. Это был фронтиспис «Апостола» 1564 года.

— Сравните изображение с этой гравюрой,— сказал А. И. Некрасов и раскрыл другую книгу.

В гравюрах ничего общего не было. На второй из них был изображен рыцарь в тяжелых доспехах, сидящий на камне.

— Обратите внимание на рамку,— подсказал Алексей Иванович.

Рамки, действительно, были очень похожи. И тут и там триумфальная арка с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием, на котором стоит ваза с цветами. Те же пышные капители бочкообразных колонн. Тот же орнамент на обильно декорированном цоколе.

Но были и различия. На гравюре с рыцарем над капителями были изображены шары, на которых сидели голенькие ангелочки, поддерживающие вьющуюся растительную гирлянду. На подножии рамки обнаженная сирена держала в руках два рога изобилия. Эти традиционные мотивы западноевропейского искусства в московской богослужебной книге были, конечно, неуместны. Иван Федоров «выбросил» ангелочков, а попутно — гирлянду с шарами. Место по бокам арки он занял привычными для русского иконописания цилиндрическими отверстиями — «окнами». Поясное изображение обнаженной сирены русский мастер заменил пучком трав, перехваченных ремешком. В целом композиция была сохранена прежней. Иван Федоров, работая над фронтисписом, вне всякого сомнения, держал перед собой книгу, которую сейчас демонстрировал аудитории А. И. Некрасов.

— Гравюра эта,— сказал Алексей Иванович,— называется «Иисус Навин». Исполнил ее немецкий гравер Эргард Шен

(ок. 1491—1542), ученик великого Дюрера. Помещена она в «Ветхом завете», изданном в 1524 году в Нюрнберге.

Впоследствии Алексей Алексеевич Сидоров установил, что Иван Федоров мог заимствовать композицию и из других книг, ибо та же гравюра Шена воспроизведена в чешской «Библии» 1540 года.

Рамка «Апостола Луки» очень нравилась первопечатнику. Он выпилил из гравюры изображение евангелиста и неоднократно использовал рамку в других книгах. В львовском «Апостоле» 1574 года он поместил в нее новое изображение Луки, в «Острожской Библии» 1581 года — текст титульного листа.

Понравилась рамка и другим типографам. Книговед из Вильнюса Лев Иванович Владимиров еще в 40-х годах нашего столетия установил, что рамку скопировали и широко использовали литовские типографы. Один из них — Ян Карцан — поместил в рамку титул «Постиллы» Григория с Жарновца, выпущенной двумя изданиями в 1597 и 1605 годах. Другой виленский типограф — Якуб Моркунас использовал тот же рисунок для «Постиллы Литовской», напечатанной в 1600 году.

Виленские типографы Мамоничи целиком скопировали фронтиспис московского «Апостола» для своих изданий той же книги, которые они выпускали в 80—90-х годах XVI столетия.

Виленские «Апостолы» так похожи на московский, что во многих библиотеках их путают. Различить их можно по характерной форме нимба — сияния вокруг головы евангелиста Луки. В московском издании нимб расходится лучиками, а в виленском выполнен в виде двух концентричных окружностей.

Прототипы

Иван Федоров скопировал для своего фронтисписа рамку немецкого или чешского издания первой половины XVI века. Многое он исправил и переработал в соответствии с московскими традициями. Но сам факт от этого не меняется.

Иному читателю покажется предосудительным свободное использование тем, образов и мотивов. Но понятия XVI века о плагиате сильно отличались от наших. Не только заимствование, но и дословное копирование в ту пору были делом обычным.

Сам Дюрер, великий Альбрехт Дюрер, брал у предшественников сюжеты и основы композиции своих гравюр.

Жемчужина художественного убранства «Апостола» 1564 года — это заставки. Их в книге 48, но некоторые повторяются. Исполнены заставки в технике ксилографии или гравюры на дереве. Чтобы воспроизвести их, Иван Федоров изготовил 20 досок различных рисунков.

Говоря об украшениях «Апостола», Алексей Иванович Некрасов в одной из своих статей утверждал: «Их описывать невозможно, а следует просто насладиться непосредственным зрелищем».

Все заставки — удлиненные прямоугольники с узорным навершием в центре и боковыми украшениями — акротериями. На черном поле — праздник буйной, причудливо изгибающейся листвы. Реалистичны и убедительны сучковатые ветви. Что-то знакомое — маковки, цветы гвоздики, шишки — проглядывает в завершающих ветви «плодах». Но листва откровенно фантастична. Дать ей четкую ботаническую привязку просто невозможно.

Заставки — элемент оформления, характерный для древнерусской книги. На Западе они встречаются редко. Тем не менее искусствоведы искали прототипы заставок Ивана Федорова и в итальянских архитектурных барельефах, и в орнаментации византийских шелков, и в готическом обрамлении западноевропейских рукописей...

Сотрудник Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Николай Федорович Гарелин (1883—1928), просматривая в начале 20-х годов альбом с гравюрами из старых немецких книг, обратил внимание на инициалы, в которых определенно виделись отдельные элементы заставок «Апостола» — такие же шишки и цветки. Своими наблюдениями он поделился с Николаем Петровичем Киселевым (1884—1965), лучшим у нас знатоком западноевропейской книги.

Эрудиция Киселева была фантастической. По небольшому фрагменту латинского текста, напечатанного трудно читаемой текстурой, он тотчас определял, что текст взят из учебника латинской этимологии Элия Доната, что набран он шрифтом, известным в книговедении под наименованием «B^{42}», что этим шрифтом Иоганн Гутенберг напечатал знаменитую «42-строчную Библию» и что наш фрагмент скорее всего вышел из типографии Петера Шеффера, ученика Гутенберга.

Киселеву и посчастливилось раскрыть секрет заставок Ивана Федорова.

На первых порах разыскания завели Николая Петровича в тупик. Не в том смысле, что он не смог найти похожие рисунки. Совсем наоборот. Он нашел их слишком много...

Гравированные инициалы с отдельными элементами, впоследствии использованными Иваном Федоровым, Н. П. Киселев

обнаружил в изданиях нюрнбергских типографов Петера Вагнера и Конрада Ценингера, работавших в 80—90-х годах XV столетия — прославленного века инкунабулов. А затем — в книгах лейпцигского печатника Мартина Ландсберга и магдебургского — Морица Брандиса. В испанском городе Бургосе такие инициалы использовал Фридрих Биль, а в Лиссабоне — Валентин Фернандес.

Надо сказать, что ни одного из перечисленных изданий Николай Петрович не видел — все они очень редки и в московских библиотеках их не было. Киселев пользовался альбомами гравюр и старопечатной орнаментики, которые во множестве издавались в первые десятилетия XX века.

Результаты поисков были столь обильны и разнообразны, что Киселев не решился делать из них какие-либо выводы. О поисках рассказала впервые Антонина Сергеевна Зернова на страницах монографии «Начало книгопечатания в Москве и на Украине», вышедшей в 1947 году.

«Если Иван Федоров видел одно из этих изданий и с него заимствовал рисунок своего орнамента,— писала она,— то скорее это было какое-нибудь немецкое, лейпцигское или магдебургское, чем испанское. Отсюда он мог взять элементы своих заставок: шишки, перевитые конусы и пр., а главное, черный фон».

У Алексея Ивановича Некрасова было иное мнение. В статье «Первопечатная русская гравюра», опубликованной еще в 1935 году в сборнике «Иван Федоров первопечатник», он утверждал, что истоки орнаментики «Апостола» 1564 года следует искать в русских рукописях. Он даже назвал в каких — в «Евангелии» 1507 года, выполненном в Москве Феодосием, сыном Дионисия, в «Евангелии» 1531 года мастера Исаака Бирева и в так называемом «Филаретовском Евангелии» 1537 года.

Что же касается растительных мотивов изданий Ивана Федорова, то, по мнению А. И. Некрасова, они типичны для «итальянизирующих орнаменталистов вроде Израэля ван Мекенема».

Из рукописных книг — в печатные

В 1958 году, когда отмечалось 375-летие со дня смерти Ивана Федорова, Отделение исторических наук Академии наук СССР выпустило сборник «У истоков русского книгопечатания»; мы говорили о нем в связи со статьей академика М. Н. Тихомирова.

Сейчас наше внимание привлечет работа старейшей сотрудницы Государственного Исторического музея Елены Владимировны Зацепиной с «академическим» названием — «К вопросу о происхождении старопечатного орнамента». Статья эта — одна из самых интересных в сборнике.

Е. В. Зацепина подробно описала 10 рукописей конца XV — первой половины XVI столетия. Среди них были и те, о которых упоминал Алексей Иванович Некрасов. В художественном убранстве всех этих рукописей использованы мотивы западноевропейской орнаментики. Русские мастера смело вводили эти мотивы — буйную, прихотливо изломанную листву, бутоны, остроконечные травы — в ткань узорных заставок, элементы которых восходили еще к византийской книге.

На рубеже двух столетий происходила смена стилей художественного убранства древнерусских рукописей, и Е. В. Зацепина хорошо показала это.

Одной из рукописей было «Евангелие» 20-х годов XVI века, которое издавна хранилось в так называемом Музейском собрании Государственного Исторического музея под № 3443.

Черно-белые репродукции, приложенные к статье Е. В. Зацепиной, не давали представления о цветовом решении орнаментики. Необходимо было посмотреть ее в оригинале.

Толстый тяжелый том лежал на пюпитре. Деревянные доски переплета — в синей камке — были украшены серебряными жуковинами. Я отстегнул серебряные застежки и открыл рукопись.

Вот уж, действительно, пиршество красок!

Казалось, что рукопись никто до тебя не открывал. И что краски, яркие и свежие, были наложены лишь вчера.

Старые мастера владели секретом бессмертия. Не личного, нет, ибо их собственные имена, чаще всего не обозначенные на страницах рукописей, забылись. Но дело их рук поистине вечно!

В «Евангелии» Музейского собрания есть две заставки того стиля, который палеографы называют старопечатным. Одна из них почти без всяких изменений была воспроизведена в технике гравюры на дереве Иваном Федоровым в «Апостоле» 1564 года, а вторая — его учеником Андроником Тимофеевым Невежей в «Триоди постной» 1589 года.

В рукописи черно-белая сердцевина заставки заключена в узорные рамки, прописанные разноцветными красками. Этого, конечно, у типографов не было. Но рисунок сердцевины, «клейма», повторялся почти без изменений.

Сборник «У истоков русского книгопечатания» со статьей Е. В. Зацепиной вышел в свет в 1959 году. Год спустя появился 22-й выпуск «Записок Отдела рукописей» Государственной

библиотеки СССР имени В. И. Ленина, полностью посвященный художественному убранству и переплетам рукописей из библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Сотрудница отдела Татьяна Борисовна Ухова систематизировала миниатюры, заставки и инициалы рукописных книг, составила превосходный альбом типовых схем заставок и их репродукций.

Оказалось, что многие заставки, воспроизведенные в печатных книгах, многократно повторялись в рукописях первой половины XVI века. Ту заставку, которую мы видели в «Евангелии» Музейского собрания, Иван Федоров мог скопировать не из этой книги, а, допустим, из «Евангелия» 1531 года или «Апостола» 1540-х годов, которые издавна находились в библиотеке Троице-Сергиева монастыря. Особенно много заставок, которые могли послужить прототипом для первопечатника, в последней рукописи.

Работы Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой внесли ясность в спорный вопрос: «Где впервые появилась старопечатная орнаментика — в рукописях или в печатных книгах?», доказали, что заставки Ивана Федорова и других первопечатников воспроизводили орнаментику русских рукописных книг первой половины XVI столетия.

Открытым оставался вопрос о том, откуда эти мотивы пришли в рукописную книжность.

Музицирующие ангелы

Одной из рукописей, описанных Е. В. Зацепиной, была «Книга пророков», которая когда-то принадлежала Троице-Сергиеву монастырю. Рукопись давно известна исследователям. Искусствоведы много писали о замечательных миниатюрах, изображающих библейских пророков. Утверждали, что они принадлежат кисти прославленного художника конца XV века Дионисия.

На обороте первого листа — надпись: «В лето 6998 декабря 25 написаны сиа божественыа пророческиа книги в преименитом и славном граде Москве...» Далее текст тщательно вытерт.

6998 год «от сотворения мира» — это 1489 год по новому летосчислению.

Впоследствии искусствоведы В. А. Кучкин и Г. В. Попов, используя методы криминалистической экспертизы, восстановили стертую часть записи и узнали имя человека, для которого была сделана рукопись. Им оказался дьяк Василий Мамырев, один из приближенных великого князя Ивана III. Был он человеком книжным. Именно к нему заморские «гости» привезли рукопись «Хождения за три моря» прославленного землепроходца Афанасия Никитина.

Старопечатных заставок в рукописи нет. Однако Е. В. Зацепина в некоторых украшениях нашла элементы западного влияния, «фрязи». Такова заставка, на которой изображены ангелы в коричневых рясах. Один ангел играет на лютне, другой — на виоле. Пространство между ними художник заполнил буйными цветами и травами, нарисовал также большую синюю птицу с распластанными крыльями.

Говоря о музицирующих ангелах, искусствовед А. Н. Свирин, автор вышедшей в 1950 году книги «Древнерусская миниатюра», отмечал: «Их лица не имеют ничего общего с изображениями ангелов в русской иконографии. Коричневые одежды, головные повязки, форма и трактовка крыльев напоминают изображения западного книжного искусства».

Примерно то же утверждала Е. В. Зацепина: «Для древней Руси изображения эти прямо недопустимы с точки зрения православия, они явно указывают на западный образец».

Итак — западный образец. Но какой? Когда и какими судьбами он попал на Русь?

Прототип заставки с музицирующими ангелами можно искать в западноевропейских печатных книгах. Книгопечатание к тому времени существовало уже более 40 лет. К концу XV века печатные станки работали в 260 городах Европы и напечатали около 40 тысяч книг. Попадали эти книги и в далекую Московию.

Есть замечательный справочник «Иллюстрации ранних печатных изданий». Составил его немецкий искусствовед Альберт Шрамм, который на протяжении многих десятилетий тщательно изучал инкунабулы — печатные книги XV века. Свой труд Шрамм, к сожалению, не окончил. Но и то, что он успел сделать —23 тома, изданных Германским музеем книги и шрифта в 1920—1943 годах,— колоссальное подспорье для исследователя. Каждый том посвящен какой-либо одной типографии, и в нем воспроизведены все гравюры из книг, выпущенных этой типографией.

В читальном зале Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина я просмотрел все 23 тома, но прототип заставки с музицирующими ангелами так и не нашел.

А что, если поискать этот сюжет в западноевропейской гравюре? Листы, оттиснутые с гравированных деревянных досок или с медных пластин, были широко распространены в ту пору. Изображали они сцены из «Библии», невиданных заморских зверей и птиц, а иногда и бытовые картинки. Очень рано — возможно, в начале XV столетия — таким образом стали печатать игральные карты.

В Библиотеке имени В. И. Ленина есть книга немецкого искусствоведа Макса Гайсберга «Начало немецкой гравюры на меди и мастер «ES». На одной из репродукций — а их в книге было много — я увидел фрагмент гравюры с оборванным краем. Первое, что бросалось в глаза,— изображение Мадонны с молитвенно сложенными руками. Я хотел уже перевернуть страницу, но тут заметил по углам листа хорошо знакомых мне музицирующих ангелов. Одного — с лютней, другого — с виолой. А затем и птицу. Правда, крылья у нее были не распластаны, а сложены.

Ни Мадонны, ни такой птицы на заставке из «Книги пророков» не было. Но музицирующие ангелы — бесспорно те же самые.

Мастер, оформлявший древнерусскую рукопись, с завидной точностью перенес на свою заставку изображения ангелов и орнаментику с гравюры немецкого художника второй половины XV века. Гравюра сохранилась в единственном экземпляре. Фрагмент находится в Дрезденской картинной галерее.

У меня возникла мысль, что один из оттисков гравюры в 80-х годах XV века попал в Москву и здесь был использован художником рукописной книги.

Имя гравера, который выполнил «Фрагмент с Мадонной», неизвестно. Искусствоведы атрибутировали ему несколько гравюр и по названию одной из них стали именовать его «Мастером берлинских страстей». Работал он в нидерландском городе Бохольте примерно в 50—60-х годах XV столетия.

По технике гравирования к нему очень близок другой мастер, также работавший в Бохольте, но несколько позднее. Некоторые искусствоведы считают его сыном и преемником «Мастера берлинских страстей». Известно около 600 листов, подписанных его монограммой. А иногда и полным именем.

Звали гравера Израэль ван Мекенем.

Выше мы рассказывали о мнении Алексея Ивановича Некрасова, полагавшего, что растительные мотивы орнаментики Ивана Федорова типичны «для итальянизирующих орнаменталистов вроде Израэля ван Мекенема».

Буквицы Израэля ван Мекенема

Есть прекрасное издание, подобное альбомам Альберта Шрамма, но посвященное листовой гравюре на меди. Называется оно «История и критический каталог немецкой, нидерландской и французской гравюры на меди XV столетия». Составил его австрийский искусствовед Макс Лерз. Каталог гравюр Израэля ван Мекенема и воспроизведение некоторых из них приведены в 9-м томе, изданном в 1934 году.

«Игра в карты», «Танец влюбленных», «Дуэт» — на листах ван Мекенема изображена повседневная жизнь небольшого нидерландского городка. Гравер был превосходным орнаменталистом. Он делал рисунки для ваз, архитектурные украшения... А вот и алфавиты — большие декоративные буквицы, заполненные цветами и травами.

Да ведь некоторые из этих буквиц воспроизведены в книге А. С. Зерновой «Начало книгопечатания в Москве и на Украине»! Для Антонины Сергеевны буквицы отыскал Н. П. Киселев; они взяты из книги «Обозрение тела, души, чести и блага», напечатанной в Нюрнберге в 1489 году.

Так вот где исток тех многочисленных инициалов, которые Николай Петрович обнаружил в книгах немецких, испанских, португальских типографов!

Серия гравюр Израэля ван Мекенема называлась «Большой прописной алфавит». Состояла она из шести листов, на которых было изображено 24 знака. По стволам — штамбам — литер гравер пустил вьюнок из широколопастных листьев растения, которое искусствоведы называют акантом. Мотивы акантовой листвы очень популярны в готической орнаментации рукописных книг XIV—XV веков. В промежутках между штамбами ван Мекенем поместил причудливые шишки, цветки, бутоны, маковые головки.

Книгопечатникам понравился алфавит Мекенема. В самых различных уголках Европы — в Нюрнберге, Антверпене, Лиссабоне, Мадриде — типографы изготовляли ксилографические копии буквиц и украшали ими свои книги.

В конце XV века кто-то из русских, ездивших в германские земли, а может быть, какой-нибудь зарубежный путешественник привез в Москву листы первых нидерландских и немецких граверов по металлу.

Среди листов была гравюра с Мадонной и музицирующими ангелами. Был и «Большой прописной алфавит» Израэля ван Мекенема.

Н. П. Киселев

Листы ван Мекенема своеобразно использовали в Москве. Основным элементом художественного убранства западноевропейской книги был инициал. Русские мастера, напротив, больше внимания уделяли заставкам. Они внесли орнаментику инициалов ван Мекенема в заставку, используя буквицу в качестве своеобразного круглого или прямоугольного «клейма».

В буквицах ван Мекенема удалось отыскать прототипы почти всех заставок из рукописных книг, которые были описаны Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой. А значит — и заставок Ивана Федорова, ибо многие из них копировали рукописные.

О своей находке я решил рассказать Николаю Петровичу Киселеву, который еще в 20-х годах разыскал ксилографические копии инициалов Израэля ван Мекенема.

Раз в месяц я встречался с Николаем Петровичем в секции книги Московского Дома ученых, куда только-только начинал ходить. Мы сидели под картиной фламандского художника Франса Снайдерса, по которой в живописном беспорядке разгуливали и летали всевозможные птицы.

— Я знаю об инициалах ван Мекенема,— улыбнулся Николай Петрович.— Более того, написал статью о происхождении московского старопечатного орнамента. Она должна быть опубликована в сборнике, который готовит к печати одно московское издательство. Да и в Доме ученых я говорил об этом.

Сборник, о котором он говорил, так и не вышел. Статья увидела свет лишь в 1965 году, уже после смерти Николая Петровича, скончавшегося 17 апреля 1965 года, 80 лет от роду.

Н. П. Киселев был во многих отношениях замечательный человек. «Когда вспоминаешь о нем,— писал в свое время крупнейший московский книголюб, действительный член Академии педагогических наук Алексей Иванович Маркушевич (1908—1979),— о его неутомимой деятельности, вновь перечитываешь его немногочисленные, но удивительно наполненные, проникновенные работы, то хочется печатать его скромные звания — Библиолог, Библиотекарь, Библиограф, Библиофил — с самой большой буквы, какая только найдется в типографской кассе!»

Первая русская гравюра

Изучателям древнерусского рукописания хорошо знакома коллекция Алексея Сергеевича Уварова, вобравшая в себя ряд первоклассных собраний и, прежде всего, библиотеку московского купца Ивана Никитича Царского. Коллекция хранилась в имении Поречье в Можайском уезде, где заботами вдовы Уварова Прасковьи Сергеевны был создан настоящий музей. Все свои коллекции Уваров завещал московскому Историческому музею, одним из основателей которого он был. Завещание было исполнено в 1917 году.

Лев Александрович Кавелин составил в последние годы своей жизни систематическое описание собрания Уварова, рассказав с великой обстоятельностью о 2243 рукописях, об их содержании и оформлении.

В архивных поисках есть нечто мистическое. Бывает, только откроешь том, и сразу чувствуешь — здесь тебя ждет находка.

В читальном зале Исторического музея я попросил принести мне «Евангелие» середины XVI века, описанное Л. А. Кавелиным под № 77. Ученый монах утверждал, что в этой рукописи наиболее замечательны миниатюры «по золотому полю красками весьма изящной работы».

В напрестольных «Евангелиях» помещали изображения четырех евангелистов, легендарных авторов книги — апостолов Матфея, Луки, Марка и Иоанна. Изображения делали от руки, а с возникно-

вением книгопечатания воспроизводили методом ксилографии — гравюры на дереве.

Были изображения евангелистов и в книге, которая сейчас лежала передо мной на невысоком складном пюпитре. Но не миниатюры, нет! Л. А. Кавелин ошибся. Он принял за миниатюры гравюры, отпечатанные с досок, которые впервые были использованы в 1627 году в «Евангелии» московского мастера Кондрата Иванова. Эти ксилографии неоднократно оттискивались с тех же самых досок на протяжении почти всего XVII столетия.

Кто-то из стародавних владельцев рукописи вырезал гравюры из печатной книги и вклеил в толстый том, предварительно расцветив их красками и золотом.

А заставки? Большинство из них было довольно грубой работы. Лишь две заставки — с элементами старопечатного орнамента — поражали своим мастерством. Воспроизведенный, как я поначалу решил, тончайшим пером узор изображал сучковатый ствол, раздваивающийся на ветви, которые переплетались и расходились в разные стороны, образуя почти правильные круги. Общий рисунок был подобен лежащей восьмерке. Ветви оторочены листьями. В верхней центральной части заставки изгибы листьев образуют характерный рисунок — некоторое подобие креста с утолщенной перекладиной.

Обе заставки были совершенно одинаковыми.

Поразила меня точность, с которой художник дважды начертал один и тот же рисунок. Ни один штришок не был забыт. Такой точности можно достичь лишь с помощью печатного процесса. Но ксилография не в силах передать столь тончайшей штриховки. Да и легкий коричневатый оттенок никогда не встречается в ксилографии, а разве лишь в офорте.

Бог ты мой, да ведь это и есть гравюра на металле!

Я вооружился увеличительным стеклом и тщательно рассмотрел оттиски. Сомнения быть не могло. В той же технике гравюры на металле были выполнены и три «цветка», украшавших поля рукописи.

Рукопись написана в середине XVI века; об этом говорили водяные знаки бумаги и характерный московский полуустав.

Между тем первой в России гравюрой на меди считался офорт знаменитого русского живописца XVII века Симона Ушакова. Называется он «Семь смертных грехов» и снабжен надписью: «Сию дщицу начертал зограф Пимен Федоров сын зовомый Симон Ушаков лета 7173». 7173 год «от сотворения мира» означает 1665 год по современному летосчислению. Поясним, что «зографами» или «изографами» в Древней Руси именовали художников. Не всех, а главным образом тех, кто работал в книге.

Феодосий Изограф

В «Евангелии» № 77 из Уваровского собрания никаких указаний на место и время изготовления рукописи не было. Установить дату помогли водяные знаки. В листах книги на просвет хорошо видна филигрань — кораблик с раздвоенным флагом на мачте.

Достаточно раскрыть замечательный труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», чтобы установить: аналогичные филиграни знаменитый палеограф встречал в рукописях 60-х годов XVI века. Примерно к этому времени и относится «Евангелие» из Уваровского собрания.

Но гравированные заставки и «цветки» могли наклеить на страницы рукописи и позднее, например во второй половине XVII века. В этом случае у меня нет оснований утверждать, что я открыл первую русскую гравюру на меди.

Кроме гравюр, в рукописи имелись еще десять заставок и один цветок, воспроизведенные от руки. Характер орнаментики убедительно указывал на первую половину XVI века. Если гравюры были вклеены в книгу позднее, под ними должны находиться старые рукописные украшения. Я тщательно просмотрел листы на просвет. Поля под гравюрами были чистыми.

Было еще одно доказательство того, что гравюры делались в первой половине XVI столетия. Я нашел в печатных книгах XVI века ксилографические копии заставки из Уваровского «Евангелия». Их изготовил ученик Ивана Федорова Андроник Тимофеев Невежа и использовал дважды — в «Псалтырях» 1577 и 1602 годов.

Но, быть может, так взволновавшие нас гравюры совсем не русского происхождения? Какой-либо москвич или новгородец в далеком XVI веке вырезал их из альбома орнаментальных украшений и наклеил на страницы рукописи. Таких альбомов было много на Западе, и их, конечно, привозили в Россию.

Оставалось доказать русское происхождение гравюр.

В средней части заставки за сучковатым стволом гравер разместил гербовый щит и на нем — в промежутках между переплетением ветвей — вывел надпись: «Изограф Феодосие».

Найти имя автора на гравированной заставке — исключительная удача. В истории русской первопечатной орнаментики можно назвать лишь один аналогичный случай — буквы «ПАНМ» на заставке из «Триоди цветной» 1591 года. Буквы означают: «Печатный — Андроник Невежа — мастер».

Если бы на заставках не стояло имя мастера, говорить об их русском происхождении можно было лишь предположительно. Сейчас это стало бесспорным.

Наш гравер еще не вполне уверенно владеет резцом. Но композиция заставки обнаруживает талантливого художника, много работавшего в области книжной орнаментики. Кем был он, этот Феодосий, которому мы с полным правом можем присвоить звание первого русского гравера?

То же имя можно найти на страницах одной из наиболее прославленных русских рукописных книг — «Евангелия» 1507 года, в послесловии которой читаем: «А евангелисты писал Феодосие Зограф, сын Дионисиев Зографов». То же самое сочетание слов, то же написание имени.

Феодосий Изограф — сын Дионисия, с которым связана целая эпоха в истории древнерусской живописи. Был он настолько знаменит, что ему, как и Андрею Рублеву, приписывали иконы и фрески во многих городах России.

Имя Феодосия впервые упоминается в 1486 году, когда он под руководством отца вместе с другими мастерами расписывал соборную церковь Успения Божией матери в Иосифо-Волоколамском монастыре. Рассказывая об этой росписи, автор жития Иосифа Волоцкого — известного церковного деятеля и писателя конца XV — начала XVI века — называет мастеров «изящными и хитрыми в Русской земли иконописцы, паче же рещи живописцы». Феодосий был близок к Иосифу Волоцкому; он в своих «Посланиях» рассказывает о беседах с художником, о богатых подарках, которые тот делал монастырю.

В 1500—1502 годах иконописная артель Дионисия — Феодосия расписала церковь Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре. Это единственные фрески художников, которые почти нетронутыми сохранились до наших дней. Вскоре после завершения их Дионисий умер. Во главе артели становится Феодосий. В 1508 году он, как о том свидетельствует летопись, выполнил фрески Благовещенского собора в Московском Кремле.

Посетители Ферапонтова монастыря и Благовещенского собора редко обращают внимание на «полотенца», ограничивающие фрески снизу. На «полотенцах» — круги, а в них — орнамент. Такой же орнамент встречается в заставках рукописных книг XV—XVI веков.

Феодосий был близок к книжному искусству. Отсюда и прозвище его — «Изограф».

«Книги изограф нарочитый и живописец изящный во иконописцех» — так Епифаний Премудрый именовал прославленного Феофана Грека, четко разделяя два мастерства — иконопись и искусство книги.

Имя Феодосия на страницах рукописей встречается лишь в «Евангелии» 1507 года и на найденной автором этих строк гравюре. Но древнерусские художники вообще редко оставляли свое имя на созданных ими произведениях.

Со временем удалось выделить группу рукописей, характерной особенностью которых было использование в орнаментике мотивов листовой гравюры на меди немецких и нидерландских мастеров. С некоторыми из этих книг читатель знаком. Листы зарубежных мастеров были первопричиной, побудительным толчком, привлекшим внимание Феодосия к гравюре. Научить его техническим приемам резьбы они, естественно, не могли.

Дело в том, что гравирование по металлу издавна бытовало на Руси. Гравированной резьбой русские мастера украшали кубки, подносы, кресты, панагии... Гравированные медные и серебряные доски служили окладами богослужебных книг.

Но никто еще не пробовал у нас забить резьбу краской и приложить к ней чистый лист бумаги.

Первым сделал это Феодосий Изограф.

Когда 14 февраля 1962 года я высказал эту мысль в Московском Доме ученых в докладе «Новое о начале глубокой печати в России», оппоненты мои — а в них недостатка не было — заявили:

— Если так, то должны сохраниться и другие оттиски заставки. Вам же пока известен только один — на страницах уваровского «Евангелия».

Возразить на это я не мог.

В поисках оттисков

Впоследствии я нашел немало ксилографий и гравюр на меди, наклеенных на страницы рукописных книг. Прием, использованный в уваровском «Евангелии», оказался совсем не редким. Но все эти гравюры были поздними — в основном XVII века.

Заставки Феодосия Изографа не было.

Нашлась она, на первый взгляд, случайно.

Летом 1964 года я путешествовал по Волге. На стоянках, которые продолжались три-четыре часа, спешил в местный архив или библиотеку, чтобы в самых общих чертах познакомиться с собранием старопечатных книг. В Ярославле же пошел в Спасо-

Преображенский монастырь, где в ту пору был размещен художественный отдел Государственного Ярославо-Ростовского музея-заповедника.

Там-то в одной из витрин увидел раскрытую древнерусскую рукопись. В верхней части страницы, над узорной вязью, была наклеена заставка Феодосия Изографа.

Книга оказалась «Толковым Апостолом» середины XVI века. Позднее я узнал, что еще в 1958 году ее описал известный ярославский краевед и знаток старой русской письменности В. В. Лукьянов.

«На листе 1,— утверждал Лукьянов,— наклеена цветная заставка «фляжского стиля» с подписью «Изограф Феодосие».

Он не заметил, что заставка выполнена в технике гравюры на меди и раскрашена.

На страницах книги была запись, сделанная в 1593 году. Псковитянин Иван Яковлевич Лаптев рассказывал о том, что он подарил книгу Ярославскому Спасскому монастырю. С того времени рукопись и находилась в Ярославле. Значит, и заставка была наклеена на страницы книги в ту пору, когда она изготовлялась,— во второй половине XVI столетия.

Несколько месяцев спустя я нашел еще один оттиск той же заставки — на этот раз в «Евангелии» начала XVI века из собрания Кирилло-Белозерского монастыря, которое ныне находится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Печатного каталога собрание это, к великому сожалению, по сей день не имеет. Но есть рукописный каталог. Составитель его, как и В. В. Лукьянов, посчитал, что заставка выполнена от руки. «Перед евангелиями,— писал он,— заставки и инициалы, писанные красками и золотом, сложного художественного рисунка». Между тем заставка была отпечатана с той самой доски, что и в уваровском «Евангелии» и в «Толковом Апостоле» из Ярославля.

Теперь было выявлено четыре оттиска одной и той же гравированной на меди заставки, причем все они были наклеены на страницы рукописных книг XVI века. Всюду они прописаны сверху золотом и краской. Оформление рукописей разностильно, приписать их одной и той же мастерской не было никакой возможности.

Видимо, оттиски заставок находились в свободной продаже и специально предназначались для наклеивания на страницы рукописей и последующей раскраски.

В Древней Руси бытовали своеобразные руководства для иконописцев, которые назывались «Подлинниками». Помещали в них разные технические советы — «указ, как по голому дереву золотить», «указ, како олифа составливать», «указ, клей варить»... В «Подлинниках» были подробные указания о том, как писать

того или иного святого. Помещали в них и изображения святых, которыми должны были руководствоваться иконописцы.

Не исключено, что кроме иконописного «Подлинника» существовал и орнаментальный. Часть его могла быть гравирована на меди с целью более или менее широкого распространения копий.

Если это так, должны существовать и другие гравированные заставки, кроме той, на которой оставил подпись Феодосий Изограф. Такую заставку я нашел в том же самом «Евангелии» из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, в котором отыскался четвертый по счету оттиск гравюры Феодосия. Старопечатное клеймо заставки варьировало мотивы буквицы «Д» «Большого прописного алфавита» Израэля ван Мекенема. Заставка была выполнена в технике гравюры на меди, раскрашена и наклеена на страницы книги.

Если и эту гравюру выполнил Феодосий, значит, первый русский гравер стоит у истоков замечательного явления русского прикладного искусства — старопечатного орнамента.

Быть может, и Иван Федоров, создавая свои замечательные заставки, держал перед собой не рукописную книгу, а орнаментальный «Подлинник», гравированный на меди Феодосием Изографом?!

Резчик Власий

Среди многих исследователей, которые в последние годы изучали жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова, прежде всего необходимо назвать львовского ученого, доктора исторических наук Ярослава Дмитриевича Исаевича. В 1975 году он выпустил в свет монографию «Первопечатник Иван Федоров и возникновение книгопечатания на Украине», написанную во всеоружии превосходного знания материалов. В селах Западной Украины Исаевич нашел несколько новых экземпляров изданий первопечатника. Обстоятельно изучены им украинские издания Ивана Федорова, особенно же — львовский «Апостол» 1574 года.

Весной 1979 года Ярослав Дмитриевич посетил Люблин. Здесь когда-то бывал сын первопечатника Иван Переплетчик. Да и сам Иван Федоров поддерживал связь с Мартином Сенником, краковским врачом, через некоего пана Томаша из Люблина. Быть может, в местном архиве отложились какие-то документы о прославленном типографе.

Находка, сделанная Исаевичем, превзошла все ожидания. В одной из книг, где записывались судебные дела, он нашел сведения о том, что 3 июня 1578 года в здание люблинской ратуши явился

горожанин Вроцлава гравер Власий Эбиш из Шнееберга. При свидетелях он заявил, что обещает выполнить заказ «Ивана Федоровича, проживающего в Остроге типографа ясновельможного господина Константина, воеводы Киевского — вырезать... как можно лучше на медных пластинах 150 картинок библейской истории». Плата за эту работу была назначена очень высокая — 700 золотых. Задаток в 100 золотых Иван Федоров должен был передать 15 августа 1578 года на ярмарке в Ярославе люблинскому торговцу железом Элиасу Рейбеницу.

Речь, вне всякого сомнения, шла об иллюстрациях к «Острожской Библии».

Гравюры на меди нельзя печатать одновременно с текстом, который воспроизводится с наборной формы. Делают это обычно в два прогона. Полиграфические трудности, наверно, и заставили Ивана Федорова отказаться от своей задумки. Князь Константин Острожский торопил его; нужно было спешить.

Вспомним о письме Мартина Сенника. В нем говорилось о деньгах, которые Иван Федоров должен был послать в Краков. Не связано ли это письмо с обязательствами перед резчиком Власием?

«Острожская Библия» была издана без иллюстраций. Но для нас важно, что Иван Федоров хотел воспроизвести их в технике гравюры на меди — так, как выполнены заставки и «цветки» Феодосия Изографа.

Первопечатник был хорошо знаком и с русской рукописной книгой, и с западноевропейской печатной книгой. Знал он и листовую гравюру на меди. Об этом говорят многочисленные параллели, обнаруженные Алексеем Ивановичем Некрасовым, Алексеем Алексеевичем Сидоровым, Николаем Петровичем Киселевым, Акимом Прохоровичем Запаско...

ЧАСТЬ
ШЕСТАЯ

Книги первопечатника

Римская находка Сергея Дягилева

Первая «Азбука»

Новые открытия археографов

Приключения Томаса Хотри

В замке Фриденштайн

40 «Апостолов» за 80 золотых

В поисках автографа

В обители Раванице в земле Сербской

Друг русской книги

Происки Антонио Поссевино

Герб первопечатника

В Краковском университете

Музей Ивана Федорова

Дружное племя федорововедов

Книги первопечатника

Становление художественного убранства первых печатных книг — лишь один из аспектов того явления, которое мы называем возникновением книгопечатания на Руси. Аспектов этих — великое множество. Чтобы представить себе их разнообразие, лучше всего обратиться к указателю литературы об Иване Федорове. Первый из них был опубликован в 1935 году на страницах сборника «Иван Федоров первопечатник». Составила его Александра Петровна Лебедянская (1889—1965), которая в течение многих лет работала в Государственном историческом артиллерийском музее в Ленинграде, изучала историю Пушкарского приказа, труды и дни замечательных мастеров, работавших здесь.

К сожалению, большинство работ А. П. Лебедянской остались в рукописи. Среди них — исследования о мастерах Пушкарского приказа Андрее Чохове и Анисиме Михайлове Радишевском. Анисим Михайлов пришел в Москву с Волыни, он учился в Острожской типографии Ивана Федорова. Может, именно поэтому Александра Петровна заинтересовалась первопечатником.

А. П. Лебедянская описала 523 книги и статьи, посвященные первопечатнику. Где только не публиковались они — в Москве и Киеве, в Варшаве и Праге, в Париже и Берлине...

Открывался указатель разделом, в котором описаны предисловия и послесловия к книгам, напечатанным Иваном Федоровым. Всего названо 7 изданий: московский «Апостол» 1564 года, московский же «Часовник» 1565 года, заблудовское «Учительное Евангелие» 1569 года, заблудовский же «Псалтырь с Часословцем» 1570 года, львовский «Апостол» 1574 года, острожский «Новый завет с Псалтырью» 1580 года и прославленная «Острожская Библия» 1581 года.

К семи изданиям, названным А. П. Лебедянской, надо добавить еще два. Она знала эти книги, но не упомянула, ибо в них не было послесловий. Это «Книжка собрание вещей нужнейших» 1580 года и «Хронология» Андрея Рымши 1581 года; оба издания напечатаны в Остроге.

Вот и все, что было известно к 1935 году, когда вышел в свет сборник «Иван Федоров первопечатник».

Последней найденной книгой Ивана Федорова было первое издание московского «Часовника», обнаруженное в Королевской библиотеке Брюсселя и описанное в марте 1903 года бельгийским библиографом А. Тибергеном.

После «Часовника» новых книг первопечатника долгое время не находили. Историки решили, что все издания найдены и новых открытий не будет.

Со временем выяснилось, что историки ошибались.

Римская находка Сергея Дягилева

В 1975 году, 28 ноября, в Монте-Карло открылся аукцион, на который съехались любители книги буквально со всего света. Продавалась библиотека Дягилева-Лифаря. Фирма «Сотби», проводившая аукцион, выпустила превосходно иллюстрированный каталог, в котором описаны 826 книг и рукописей.

Каких только редкостей здесь не было! Первые издания «Бориса Годунова», «Графа Нулина», «Полтавы» А. С. Пушкина, один из томов собрания сочинений И. С. Тургенева с его автографом.

За 12 листов нотной рукописи И. Стравинского заплатили самую высокую цену —97 000 франков. Вторым по стоимости — 62 000 франков — был «Апостол» 1564 года Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Этот хорошо сохранившийся экземпляр С. П. Дягилев нашел в Риме в 1926 году.

На аукционе присутствовал представитель нашей страны — доктор искусствоведения Илья Самойлович Зильберштейн. Он привез в Москву отдельное издание пятой главы «Евгения Онегина» с дарственной надписью великого поэта. Привез и другие интересные книги.

К сожалению, на аукционе не было, пожалуй, самой редкой книги из собрания Дягилева...

Расскажем сначала о владельце библиотеки.

Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) был одним из организаторов и руководителей группы художников и искусствоведов, которые в конце XIX века объединились вокруг журнала «Мир искусства». Журнал выходил под его редакцией в 1899—1904 годах. Человек увлекающийся, широко образованный и обладавший практической хваткой, Дягилев в 1909 году организовал гастроли русского балета в Париже. Собранная им труппа, в которую входили А. Павлова, Т. Карсавина, В. Нижинский, М. Фокин, С. Лифарь, во многом способствовала всемирной славе русского балетного искусства.

Октябрьской революции С. П. Дягилев не понял и не принял. Он остался за рубежом и умер в Венеции в 1929 году. За три года до кончины увлекся коллекционированием редких русских книг. В короткий срок он собрал свыше 1000 томов.

В сентябре 1927 года Сергей Павлович посетил Рим — для того, чтобы пополнить свою библиотеку. «В Риме все было удачно...— писал он некоторое время спустя, уже из Флоренции, своему другу, танцовщику Сергею Михайловичу Лифарю.— Нашел чудную, потрясающую русскую книгу и кое-что еще».

Книгой этой было издание Ивана Федорова, о котором ранее никто не знал. Можно представить себе, как волновался Дягилев, когда он, на лотке уличного римского букиниста, раскрыл небольшую книжку и прочитал на последней странице:

«Выдруковано во Львове, року 1574».

Выше были отпечатаны две гравюрки: герб Львова и хорошо известная типографская марка Ивана Федорова.

В 1939 году в Париже, а год спустя — и в Нью-Йорке вышли в свет мемуары С. М. Лифаря «Сергей Дягилев и с Дягилевым». На одной из страниц мимоходом упомянута римская находка. Историки книги этой публикации не заметили. Шла вторая мировая война; людям было не до старопечатных редкостей.

Большая часть библиотеки Дягилева перешла к С. М. Лифарю. 135 книг и несколько автографов взял себе секретарь Дягилева Б. Е. Кохно — человек малообразованный, меньше всего думавший о культурной ценности попавших к нему книжных сокровищ.

Неизвестное издание Ивана Федорова оказалось у Кохно. Он долго пытался сбыть книжку в Париже, но никто здесь не заинтересовался ею. Наконец книгу приобрел швейцарский букинист и вскоре, за мизерную цену в 300 долларов, перепродал ее американскому коллекционеру Баярду Килгуру.

После войны собрание Килгура поступило в библиотеку Гарвардского университета.

Первая «Азбука»

Поступившим в библиотеку Гарвардского университета неизвестным изданием Ивана Федорова заинтересовался профессор университета Р. О. Якобсон (1896—1982). Это был начальный учебник грамоты — «Азбука».

До того времени считалось, что первая русская «Азбука» напечатана в 1634 году в Москве типографом Василием Федоровичем Бурцовым.

Р. О. Якобсон тщательно изучил «Азбуку» Ивана Федорова и в 1955 году опубликовал в «Бюллетене Гарвардской библиотеки» хорошо документированную статью, к которой было приложено полное — страница за страницей — факсимиле замечательного львовского издания 1574 года.

Труд Якобсона сразу же был замечен в нашей стране. На страницах «Советской культуры» находку прокомментировал член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Алексеевич Сидоров. В 1956 году в майском номере журнала «Новый мир» была опубликована большая рецензия на работу Р. О. Якобсона. Написал ее академик Михаил Николаевич Тихомиров. «Факсимильное воспроизведение букваря,— писал он,— впервые вводит в научный оборот памятник, крайне интересный и замечательный. Это большой и ценный вклад в историческую науку, обогащающий наши познания в области истории культуры СССР и мировой культуры».

В дальнейшем первому русскому учебнику было посвящено немало работ; о нем писали такие известные советские книговеды, как Т. А. Быкова, В. И. Лукьяненко, Г. И. Коляда, В. С. Люблинский, Я. Д. Исаевич, А. П. Запаско...

«Азбуку» Ивана Федорова поставили на полки своих личных библиотек многие советские любители книги. Читатель понимает, что речь идет о факсимильных изданиях, во всем похожих на оригинал. Киевское издательство «Дніпро» выпускало «Азбуку» дважды — в 1964 году тиражом в 1500 экземпляров и в 1974 году — тиражом в 15 000 экземпляров. Разошлись они моментально. А московское издательство «Просвещение» выпустило два сувенирных — с большим уменьшением — издания «Азбуки» — в 1974 и 1977 годах.

В 1974 году в нашей стране было торжественно отмечено 400-летие первого русского учебника.

Познакомившись с львовской «Азбукой», ученые с полным основанием стали утверждать, что Иван Федоров был не только

Іс Ха да естъ блндетъ ·
Възлюбленыи чтныи
хрістіаньскіи рускіи на
роде, греческаго закона.
сія же писахъ вам, не
ѿсебе, но ѿбжтвеных
аплъ нбгоносны стыхъ
оцъ ученія, и преподо
бного оца нашего іоанна
дамаскина, ѿграмати
кіи, мало нѣчто. ради
скораго младенъческаго
научения. въмале съ
кратив сложих. и аще
сіи труды моя благоуго
дны будутъ вашеи лю
бви. пріимѣте сія слю
бовію. а я иныхъ пи
саніих благоугодных съ
вожделѣніе потрудити
ся хощу. аще благоволи
бгъ, вашими стыми
молитвами
аминь ·

Выдруковано во Львовѣ,
року, ҂а, ѱод.

«Азбука» 1574 г. Разворот с гербом города Львова и типографским знаком Ивана Федорова

типографом, не только издателем и редактором, но и талантливейшим педагогом. Последовательно, шаг за шагом, вводил он ребенка в величественный храм древнего и могучего языка, познание которого делает человека счастливым.

Книга открывается 45 буквами кирилловского алфавита. На обороте листа буквы перечислены в обратном порядке — от «ижицы» до «аз», а затем даны вразброд. Мы можем представить сейчас, как ученики древней школы водили пальцами по строкам и произносили сначала «двуписьменные слоги» — «ба», «ва», «га», а затем уж «триписьменные» — «бра», «вра», «гра»... Дальше — сложнее. Ученик знакомился с примерами спряжения глаголов, с премудрой системой ударений и «придыханий», со склонением существительных и прилагательных.

Заключала книгу краткая хрестоматия — тексты для закрепления и развития навыков чтения и письма. Взятые из «Библии», они были подобраны таким образом, что создавали нечто вроде

свода этических норм и правил: «Не сотвори насилия убогому», «Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай», «Послушая отца твоего, иже тя родил».

Фразой «К вам же отцы и учители тако глаголет» Иван Федоров предваряет советы родителям и учителям. В полном согласии с духом времени рекомендуется строго наказывать детей: «аще ли накажеши его жезлом, не умрет от того», «аще ты в юности накажеши его, а он успокоит тебе на старость твою». Однако тут же дается совет: «Отцы, не раздражайте чад своих!»

Заканчивается «Азбука» послесловием, которое мы приведем полностью:

«Возлюбленный честный христианский русский народе, греческого закона! Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечто. Ради скорого младенческого научения вмале сократив, сложих. И аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, приимите сия с любовию. А я и о иных писаниях благоугодных с вожделением потрудитися хощу, аще благоволит бог, вашими святыми молитвами. Аминь».

Новые открытия археографов

Рецензия Михаила Николаевича Тихомирова в «Новом мире» заканчивалась следующими словами: «Залежи печатных книг лежат в провинциальных музеях и архивах, и никто ими не занимается, никто их даже на разбирает. А ведь букварь 1574 года, наверное, не был издан в единственном экземпляре. Не следует ли его поискать в наших библиотеках».

С того времени, как были написаны приведенные выше слова М. Н. Тихомирова, прошло четверть века. В нашей стране принят Закон об охране и использовании памятников истории и культуры. Провинциальные фонды ныне в большинстве своем разобраны. Старопечатные славянские книги в настоящее время бережно хранят и тщательно изучают. Только в последние годы выпущены описания книг кирилловской печати Вологодской областной библиотеки, Горьковского историко-литературного музея-заповедника, Загорского историко-художественного музея-заповедника,

Государственной Публичной библиотеки Киргизской ССР, Тюменского областного музея, Псковского музея-заповедника и многих других хранилищ. В Пскове нашлось безвыходное широкошрифтное «Евангелие» и «Новый завет» 1580 года, в Загорске — широкошрифтное «Евангелие», в Тюмени — «Новый завет» 1580 года и «Острожская Библия», во Фрунзе — «Апостол» 1564 года, «Новый завет» 1580 года и «Острожская Библия», в Брянске — «Апостолы» 1564 и 1574 годов. Число известных нам экземпляров книг, напечатанных Иваном Федоровым, за последние 20 лет примерно удвоилось.

В 1950-х годах по инициативе Михаила Николаевича Тихомирова и Владимира Ивановича Малышева возобновились археографические экспедиции. Молодые археографы, которые, по примеру К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, посещали затерянные среди лесов и болот деревушки, извлекали из подвалов и с чердаков позабытые их владельцами книжные сокровища. В личных, преимущественно крестьянских, библиотеках отыскались издания Ивана Федорова.

Владимир Иванович Малышев создал собрание древнерусских рукописей и старопечатных книг Пушкинского дома Академии наук СССР. Первые 32 книги он привез в 1949 году из Усть-Цилемского района Коми АССР, а затем каждым летом уезжал на север — на Пижму, Керженец, Пинегу, в Причудье. За 15 лет руководимые им экспедиции привезли в Ленинград 1194 рукописи. Старопечатные книги на первых порах не брали, но потом поняли и их непреходящую ценность. Нашли безвыходную «Триодь постную» и две книги Ивана Федорова — «Учительное Евангелие» 1569 года и «Апостол» 1574 года.

С лета 1963 года в археографических экспедициях Пушкинского дома активно участвует Научная библиотека Ленинградского государственного университета. Организатором этой работы в университете стал заведующий Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки Александр Хаимович Горфункель. Один из участников экспедиций А. М. Панченко в 1967 году в гор. Кимры Калининской области отыскал первую русскую печатную книгу — безвыходное узкошрифтное «Евангелие». На следующий год поехали в Усть-Цильму. Здесь нашли три издания Ивана Федорова — «Учительное Евангелие» 1569 года, «Апостол» 1574 года и фрагмент острожского «Нового завета». На страницах «Апостола» была запись: «Лета 7110 (т. е. 1602 г.) апреля в 30 день сию книгу глаголемую Апостол положил на Усть-Вым в дом Благовещения святые Богородицы и Стефану Пермскому чудотворцу... крестьянин Михайло Иванов сын Торлопов».

Самой интересной находкой ленинградцев стал «Часовник» 1565 года. Это — второй экземпляр в нашей стране. Первый, как помнят читатели, бы куплен Михаилом Петровичем Погодиным на Нижегородской ярмарке.

Летом 1980 года группа студенток Ленинградского университета в деревне на среднем течении Северной Двины нашла еще один фрагмент «Нового завета» 1580 года.

В 1966 году к археографической работе присоединился Московский университет. Экспедиции, которыми руководила Ирина Васильевна Поздеева, на первых порах обследовали небольшие города неподалеку от Москвы — Ржев, Городец. Затем география поисков расширилась. В 1966—1980 годах археографы привезли в Москву и передали в Научную библиотеку Московского университета 1221 рукопись и 858 старопечатных книг. Среди них — 5 изданий Анонимной типографии и 9 изданий Ивана Федорова. В Волгограде приобрели «Учительное Евангелие» 1569 года, в деревне Привалово Горьковской области — два экземпляра львовского «Апостола» 1574 года, в селе Тюпино Горьковской области — «Острожскую Библию» 1581 года.

В 70-х годах примеру ленинградцев и москвичей последовали археографы многих других городов. В 1977 году Владимир Николаевич Алексеев, заведующий сектором истории книги Государственной публичной научно-технической библиотеки в Новосибирске, нашел экземпляр московского «Апостола» 1564 года. Комментируя находку в интервью газете «Вечерний Новосибирск», Алексеев сказал: «Самое важное — это то, что впервые на территории Сибири найдена первая русская печатная книга. Мы можем гордиться нашими предками. Заселяя Сибирь с невероятными трудностями, они везли с собой книгу. А ведь это были небогатые купцы, мелкие промышленники, а главное — крестьяне...»

В 1974 году археографическую работу начали и свердловчане. И в уральских деревнях удалось отыскать первые русские печатные книги. А. А. Калугина из деревни Кондрашино Нижнетагильского района передала археографам безвыходное среднешрифтное «Евангелие». Книга эта много путешествовала. В 1577 году она, как свидетельствует запись на ее полях, была в Москве — Микула Иванов сын Серков подарил ее храму св. Фрола в Мясниках. В 1613 году книга находилась в верховьях Волги — в Старицком монастыре. Какими судьбами она попала отсюда на Урал, сказать трудно.

У В. Е. Мезенина из села Илим-Мартьянова Шалинского района Свердловской области приобрели московский «Апостол» 1564 года, а у И. Н. Мартынова из небольшого городка той же области — безвыходную «Триодь постную».

О находках свердловских археографов много писали. Одну из таких статей — в журнале «Человек и закон» — прочитал Василий Иванович Бурундасов, живший в старом уральском заводском поселке. Прочитал и вспомнил о сундучке с книгами, доставшемся ему по наследству от бабушки. Написал письмо в Свердловск. Приехали археографы и нашли в сундучке «Острожскую Библию» Ивана Федорова...

В 1980 году экспедиция Владимиро-Суздальского музея-заповедника отыскала в селе Митино на Владимирщине «Учительное Евангелие» 1569 года.

А теперь — некоторые статистические сведения. По последним подсчетам, в настоящее время известно 60 экземпляров «Апостола» 1564 года, 6 — «Часовника» 1565 года, 44 — «Учительного Евангелия» 1569 года, 3 — «Псалтыри с Часословцем» 1570 года, 93 — «Апостола» 1574 года, около 70 экземпляров «Нового завета» 1580 года и не менее 300 — «Острожской Библии» 1580 года.

Нашли много! Но дягилевский экземпляр «Азбуки» 1574 года, к великому сожалению, так и остался единственным.

Правда, со временем были найдены и другие «Азбуки».

Приключения Томаса Хотри

Корабль английского мореплавателя Ричарда Ченслера «Эдуард — Благое Предприятие» 24 августа 1553 года бросил якорь в устье Северной Двины у монастыря святого Николая. Англичане искали северо-восточный путь в Индию, а заплыли в Белое море. В ноябре, когда установился санный путь, мореплаватели отправились в Москву, где их радушно принял царь Иван IV.

Два года спустя корабли Ченслера снова появились в устье Северной Двины. На этот раз путешественник представлял торговую «Московскую компанию», созданную в Англии в феврале 1555 года. Среди купцов, отправившихся в Москву, был человек по имени Томас Хотри. Он остался в России и пробыл здесь до 1568 года.

Английские библиографы Джон Барникот и Джон Симмонс нашли подпись Хотри на русской «Азбуке», которая еще в 1592 году поступила в библиотеку колледжа «Тринити» в Кембридже. Ни времени, ни места издания в книге обозначено не было. Но так как

к 1570 году Хотри был уже в Англии, библиографы рассудили, что получить русскую книгу после этого времени он вроде бы и не мог.

На чистом листе в конце книги библиографы заметили список английских книг, которые Хотри оставил в Москве некоему Вильяму Смиту. Этот моряк вместе с Хотри упомянут в одном из документов 1568 года. Вел он беспокойную жизнь. В 1565—1566 годах путешествовал в Персию, в 1572 году торговал в Ярославле. В июне 1573 года корабль Смита потопили казаки на Каспийском море. Но моряк уцелел и впоследствии стал капитаном судна «Габриель». На этом корабле он и погиб 30 августа 1577 года.

Джон Барникот и Джон Симмонс предположили, что кембриджский экземпляр «Азбуки» был напечатан до 1568 года, когда Хотри оставил Россию, или по крайней мере, до 1577 года, когда погиб Смит. До 1568 года в Москве работали лишь анонимная типография, напечатавшая 7 безвыходных изданий, и типография Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. В любом случае, речь шла о первом русском учебнике, напечатанном еще до «Азбуки» 1574 года.

Состав этих двух учебников одинаков. Правомерно предположить, что и кембриджский экземпляр печатал Иван Федоров — печатал еще в Москве.

Антонина Сергеевна Зернова с этим выводом не согласилась. «Не доказано, что Хотри не ездил в Россию после 1568 года,— утверждала она.— Не указано, совпадает ли почерк, которым написана фамилия Хотри, и список книг. Почему не допустить, что книга была подарена Хотри каким-нибудь другим путешественником, ездившим в Россию позднее?»

В 1958 году А. С. Зернова опубликовала статью «Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии», где доказывала, что кембриджская «Азбука» напечатана не в Москве, а в Остроге и не Иваном Федоровым, а кем-то из его учеников. На это, по ее мнению, указывали заставка «острожского стиля», помещенная в книге, и неискусный набор, выдававший неумелого наборщика.

Издание можно было бы датировать по водяным знакам. Но бумага, на которой напечатан кембриджский экземпляр, по сей день сколько-нибудь подробно не изучена. Так что вопрос о происхождении книги остается открытым.

В той же самой статье А. С. Зернова рассказала и о другом экземпляре. О нем стало известно в 1956 году со слов датских библиотекарей, посетивших Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Экземпляр этот хранился в Королевской библиотеке в Копенгагене. Вскоре в Москву прислали его микрофильм.

По сравнению с «Азбукой» 1574 года, в копенгагенском экземпляре было важное дополнение — сказание черноризца Храбра об изобретении славянского алфавита великими болгарскими просветителями Кириллом и Мефодием. Выходные сведения в книге не сохранились. Ознакомившись со шрифтом и орнаментикой книги, А. С. Зернова предположила, что «Азбука» напечатана русским первопечатником в Остроге в 1580—1581 годах, вскоре после «Нового завета с Псалтырью» 1580 года, который считался первой острожской книгой. «Второе издание Букваря Ивана Федорова» — так назывался ее доклад, прочитанный в декабре 1958 года на заседании Ученого совета Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, посвященном 375-летию со дня смерти первопечатника. «Второе» после львовской «Азбуки» 1574 года.

Датируя копенгагенский экземпляр, Антонина Сергеевна ошиблась всего на два года. Это показала находка, сделанная в Германской Демократической Республике три года спустя.

В замке Фриденштайн

Куда только не раскидала судьба книги, которым дал жизнь великий русский первопечатник. Чтобы познакомиться с одной из них, я в 1968 году поехал в ГДР — в старинный город Гота, торговый центр тюрингских ландграфов.

В центре города, посредине большого парка с вековыми дубами и кленами, стоит замок Фриденштайн, построенный в XVII веке для герцога Эрнста Благочестивого. В одном крыле замка — прославленная библиотека, в которой 9000 рукописей и свыше 1000 инкунабулов.

Меня встретил доктор Гельмут Клаус, прекрасно знающий русский язык. Еще в начале 60-х годов он обнаружил в библиотеке никому ранее не известное издание Ивана Федорова.

Небольшой томик был одет в переплет из тонких досок, скрепленных кожаным корешком. Текст титульного листа, заключенного в рамку из наборного орнамента, гласил:

«Всесильною десницею вышняго бога, умышлением и промышлением благочестивого князя Константина Константиновича княжати Острозского, воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимерского повелевшу ему устроити дом на дело книг печатных. К тому же еще дом и детем к научению

в своем отчизном и славном граде Острозе, еже есть лежащий в Земли Волынстей. И избравши мужей в божественном писании искусных, в греческом языце и в латинском, паче же в русском, и пристави их детищному училищу. И сея ради вины напечатана сия книжка по греческия «Альфа вита», а по русскии «Аз буки» первого ради научения детского многогрешным Иоанном Феодоровичем».

На обороте титула был изображен герб Константина Острожского. Выше стояла дата: «в лето от создания миру 6086, а от воплощения господа нашего Иисуса Христа 1578 месяца июня, 18 дня».

Это — первое острожское издание «Азбуки», напечатанное за два года перед «Новым заветом», который сам Иван Федоров почему-то называл «первым овощем» Острожской типографии.

Я держал в руках книгу, выпущенную почти 400 лет назад, а думал об «информационном взрыве», порожденном научно-технической революцией. Количество научных публикаций сейчас столь велико, что специалисты утверждают: проще начать исследование с «азов», чем искать опубликованную по этому вопросу литературу.

Не так уж много людей занимается историей славянского книгопечатания, особенно за пределами нашей страны. Некоторых я знаю лично — Петра Атанасова из Болгарии, Лазара Чурчича из Югославии, Джона Симона Габриэля Симмонса из Великобритании, Людовика Демени из Румынии, Эстер Ойтози из Венгрии, Франтишку Соколову из Чехословакии... Мы регулярно переписываемся, сообщаем друг другу новости.

И надо же так случиться, что никто не заметил публикацию Гельмута Клауса, сделанную еще в 1961 году. Он составил каталог славянских книг библиотеки города Готы. На одной из страниц была кратко описана «Азбука» 1578 года. В приложении воспроизведен титульный лист книги.

Отшумел в 1964 году юбилей 400-летия русского книгопечатания, когда, казалось бы, были подведены итоги всему тому, что писалось и говорилось об Иване Федорове на протяжении столетий. Вышли в свет популярные брошюры и капитальные монографии. В Москве и во Львове состоялись многолюдные научные конференции. Общее число публикаций об Иване Федорове в юбилейном году приблизилось к цифре 400.

Но ни один человек в том памятном году не назвал «Азбуку» 1578 года, сведения о которой были опубликованы за три года до юбилея.

Лишь в 1968 году на страницах берлинского журнала «Цайтшрифт фюр Славистик» появилась статья немецкого филолога

Г. Грассхофа и английского библиографа Дж. Симмонса с предварительным описанием никому не известного издания Ивана Федорова. Год спустя Германская Академия наук факсимильно воспроизвела «Азбуку», сопроводив публикацию комментарием Г. Грассхофа, Дж. Симмонса и Г. Клауса.

На первых листах книги, вслед за титулом, помещены параллельные греко-славянские тексты — пособие для учеников, приступающих к изучению греческого языка. Со 2-й тетради начиналась славянская азбука, полностью идентичная той, которая была найдена в Королевской библиотеке Копенгагена и которую Антонина Сергеевна Зернова датировала 1580—1581 годами.

На одном из листов «Азбуки» 1578 года Г. Клаус нашел владельческую запись Элиаса Хуттера (1553— ок. 1606), сделанную в 1583 году. Это был известный востоковед и полиглот; говорят, он знал чуть ли не все языки мира. В 1583 году Хуттер жил в Дрездене при дворе саксонского курфюрста Августа, которому преподавал древнееврейский язык.

Клаус разыскал письмо словенского просветителя Адама Богорича к Хуттеру, датированное 31 июля 1583 года. Из письма следовало, что у Хуттера в ту пору уже была «русская или московитская «Библия», которой очень интересовался Богорич. Это могла быть лишь «Острожская Библия» русского первопечатника.

Каким образом издания Ивана Федорова попали к Элиасу Хуттеру, Гельмут Клаус ответить не мог. Но он установил дальнейшую судьбу «Азбуки» 1578 года. В Нюрнберге, куда впоследствии перебрался Хуттер, у него брал уроки арабского, еврейского и халдейского языков Даниэль Швентер (1585—1636), впоследствии известный филолог и математик. Он-то и стал вторым владельцем «Азбуки». От него книга перешла к профессору Иоганну Эрнсту Герхарду (1621—1668), личную библиотеку которого приобрел Фридрих I, герцог Заксен-Гота-Альтенбургский, владелец замка Фриденштайн в Готе.

После «Азбуки» 1578 года новых изданий Ивана Федорова не находили. Кто знает, ждут ли нас еще новые открытия?

40 «Апостолов» за 80 золотых

Я люблю бродить по незнакомым городам...

Идешь по улицам с ожиданием чуда, которое скрывается где-то за поворотом. Таким чудом был для меня — да и остается — старый Львов.

Я впервые попал в этот город ранней осенью 1958 года. Желтизна только-только тронула каштаны. Солнце сияло над городом; осень здесь лучшее время года. Я взобрался на Замковую гору и с упоением дышал вечерней прохладой, в которой чудился горький привкус старины. Силуэт города разворачивался вокруг башни Латинского собора, который стоял и при Иване Федорове. А вот башню Корнякта — колокольню Успенской церкви — в те годы только начинали строить на улице, которая и теперь называется Русской.

Прямо под горой — Онуфриевский монастырь, где был похоронен первопечатник. Дверь в проеме надвратной церкви была забита. Я пробирался во двор монастыря кружным путем. Ходил вокруг церкви, рассматривал надгробные плиты, вмурованные в стены.

На другой день с раннего утра я отправился в архив. Я не обольщал себя надеждой найти новые документы об Иване Федорове. До меня здесь работали мастера своего дела — Станислав Львович Пташицкий, Фердинанд Бостель, Иван Петрович Крипъякевич...

И все же мне повезло. Я нашел запись о сходке львовских мещан, которые в мае 1579 года пришли в монастырь святого Онуфрия, чтобы сделать ревизию церковного имущества. Вещи показывал «отец Леонтий, служитель церкви святого Онуфрия». Здесь же была составлена их подробная опись. Кроме крестов и кадильниц, риз и епитрахилей перечислено и 30 книг. Одна из них привлекла мое внимание.

Запись гласила: «Учительных евангелий двое, едино писаное старое, а другое друкованное новое».

Единственным печатным «Учительным Евангелием» в 1579 году было заблудовское издание Ивана Федорова, напечатанное за 10 лет пред тем. Не сам ли первопечатник подарил его Онуфриевскому монастырю?

Кроме различной утвари и книг, отец Леонтий в 1579 году показал прихожанам и деньги — 80 золотых. О судьбе денег рассказывал другой документ. Он был составлен 10 августа 1588 года, когда прихожане снова собрались в монастырь. «А была того причина,— сообщает документ,— отец Леонтий занедужил». В связи с этим прихожане решили проверить, в сохранности ли «монастырский скарб... и книги». Все оказалось в целости. Отсутствовали лишь 80 золотых. Деньги, сообщил Леонтий, он дал в долг Ивану Федорову. Когда это случилось, в документе не сказано. Можно лишь утверждать, что после 1579 года, когда составлялась первая опись, и до 1583 года, когда Иван Федоров умер. «И по смерти

Ивана Друкаря,— свидетельствует акт 1588 года,— узял отец Леонтий 40 «Апостолов» за тыи осемьдесят золотых и показал их нам у закрестий».

В поисках автографа

Заслуги Ивана Федорова перед русской словесностью неоспоримы. Человек, подаривший нашей стране книгопечатание, сделал обыденным и привычным тот факт, что любое произведение письменности может быть размножено и распространено во многих тысячах экземпляров.

Мне всегда казалось странным и несправедливым, что ни одной строки, написанной этим замечательным человеком, не сохранилось. Редактор, издатель и типограф первых русских печатных книг не оставил потомству автографа, словно он был неграмотным. Может быть, отсюда и родилась версия, популярная в старом книгознании,— будто Иван Федоров был лишь ремесленником, техническим исполнителем идей то ли митрополита Макария, то ли Ивана Васильевича Грозного.

Советская наука отказалась от этой точки зрения.

Академик М. Н. Тихомиров показал, что Иван Федоров был общественным деятелем, чутко улавливавшим веяния и запросы эпохи. Известный наш искусствовед А. А. Сидоров выявил прекрасное мастерство первопечатника в области художественного оформления книги. Ташкентский филолог Г. И. Коляда установил, что Иван Федоров тщательно редактировал свои издания.

И все же автографа не было...

Казалось, что искать его надо во Львове. Здесь в архивных книгах сохранились многочисленные записи, сделанные в присутствии первопечатника,— торговые сделки, доверенности, векселя... Увы, подписи Ивана Федорова на них не было.

А если поискать книги, подаренные типографом монастырям и церквам? На таких экземплярах должны были сохраниться вкладные — дарственные — записи.

«Надо отыскать «Учительное Евангелие», упомянутое в описи 1579 года, составленной в присутствии отца Леонтия,— решил я.— Книгу эту, возможно, подарил монастырю Иван Федоров».

Библиотека Онуфриевского монастыря частично находится в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника Академии наук УССР. Отделом редких книг библиотеки тогда руководил мягкий и доброжелательный человек Роман Ярославович Луцык.

Я написал Луцыку: «Буду крайне обязан, если сообщите, откуда поступили те экземпляры заблудовского «Учительного Евангелия» 1569 года, которые у Вас имеются?»

Роман Ярославович ответил мне обстоятельным письмом. «История нашего экземпляра заблудовского «Евангелия» следующая,— писал он.— Первым известным владельцем книги был Степан Лаврисевич, или Лавришевич, состоятельный львовский мещанин, принадлежавший к семье, которая сыграла в истории нашего города некоторую роль. Отец или брат Степана — Павел, член и старейшина Ставропигийского братства, был в составе делегации, высланной магистратом города Львова к Богдану Хмельницкому для переговоров во время осады Львова казаками в 1648 году. Сам Степан, тоже член и старейшина Ставропигийского братства, сыграл определенную роль в истории Львова несколько позже. Когда в 1672 году турки осадили Львов и потребовали контрибуции в сумме 80 000 талеров, то магистрат города, не имея возможности такой большой суммы заплатить, принужден был дать победителям заложников. Одним из заложников был Степан Лаврисевич. Он пробыл в турецком плену около восьми лет и только тогда был выкуплен. Когда «Учительное Евангелие» было собственностью Лаврисевича, точно неизвестно. Впоследствии книга переходила из рук в руки. Владельцами ее были священник села Желтанцы Иван, священник села Неслухова возле Львова Михаил, иеромонах монастыря «Прекрасная пустыня» в селе Горпине возле Львова Гедеон Левицкий. Далее книга попала в библиотеку Онуфриевского монастыря, а вместе с этой библиотекой — в Львовскую библиотеку Академии наук УССР».

О многом могут рассказать старопечатные книги!

Я с большим интересом прочитал письмо Р. Я. Луцыка, хотя рассказывалось в нем совсем не о том экземпляре «Учительного Евангелия», который я искал. В описи 1579 года был упомянут другой экземпляр. Сохранился ли он, и если да, то где он находится сейчас?

В обители Раванице в земле Сербской

Еще Станислав Львович Пташицкий в 80-х годах прошлого века нашел в львовских архивах загадочный документ. 22 октября 1579 года «сербин» Иван из Сочавы, явившись в львовский суд, заявил, что он не имеет никаких претензий к Ивану Федорову

в связи со спорами и денежными взаимоотношениями, которые у них были «в Валахии и в турецких землях».

Отталкиваясь от этого документа, книговеды посчитали возможным предположить, что в 1578—1579 годах Иван Федоров путешествовал по Молдавскому княжеству и по Сербии, которая в ту пору находилась под турецким владычеством.

Стародавнее поверие гласит, что 1 апреля — в традиционный день веселых обманов и розыгрышей — подчас случаются необыкновенные происшествия.

1 апреля 1979 года югославские историки книги Властимир Ерчич и Лазар Чурчич возили меня по монастырям Фрушкой горы. Обители этой невысокой горы, неподалеку от Нови-Сада, издавна славились своими библиотеками, которые — увы! — сильно пострадали в годы последней войны. В Крушедоле мне показали нарядный иконостас XVIII века, в Хопово — превосходные древние фрески. В Гргетеге мы возложили цветы на могилу известного ученого Иллариона Рувараца, который много работал и в области истории книги.

Но вот мы по Врднике, где, как помнилось Лазару Чурчичу, он видел «Острожскую Библию». Монастырь называют еще Раваницей — по имени известной сербской обители, стоявшей на реке Мораве и разрушенной в конце XVII века. Монахи тайно перенесли во Врдник драгоценности монастыря, и прежде всего останки прославленного военачальника, князя Лазаря, взятого в плен турками в 1389 году во время трагической битвы на Косовом поле и тогда же зверски убитого.

В библиотеке монастыря действительно нашлась «Острожская Библия». Я раскрыл ее и увидел, что первых листов с предисловиями и вступительными статьями в ней не было. По нижнему краю листов узорной киноварной скорописью вилась надпись. Начало ее, к сожалению, не сохранилось. Запись читалась легко:

«В лето 6092 месяца декамбриа 1-го». Дальше лист был оборван, после чего сразу же шла дата по новому летосчислению — «от Рождества Христова» — «1583 г.». Дальше опять оборвано. Наконец я с волнением читаю слова: «...слуга его милости преславного и православного христолюбца князя Константина Константиновича нареченного Василия князя Острожского, воеводы Киевского, маршалка или старосты Волынского придах сию Библию... обители пречистого храма Вознесения господня монастыря, прозываемого Раваница, в земли Сербской близ града Смедерево на реке Мораве близ Дунава».

Имя человека, подарившего книгу монастырю Раваница, не названо. Но слугой или «служебником» князя Острожско-

го архивные документы неоднократно называют Ивана Федорова.

Быть может, книга подарена самим первопечатником в бытность его в Сербии!

Но запись сделана 1 декабря 1583 года. Пять дней спустя Иван Федоров скончался во Львове.

Можно, однако, предположить, что в пору своей предсмертной болезни Иван Федоров решил подарить книги в монастыри, в которых он побывал и которые были ему особенно памятны. «Острожскую Библию» мог отвезти в Раваницу Иван из Сочавы. Если это так, то запись на книге может быть и автографом.

Категорически утверждать это мы, конечно, не решаемся. И все же находка очень важна, ибо она свидетельствует о прямых связях между острожской типографией Ивана Федорова и сербскими землями.

Друг русской книги

Так называлась статья советского историка книги и библиофила Олега Григорьевича Ласунского, опубликованная 30 мая 1975 года в газете «Книжное обозрение». Статья была приурочена к 60-летию Джона Симона Габриэля Симмонса.

Имя это знакомо читателю. Мы упоминали его в связи с недатированной «Азбукой», найденной в Кембридже, и в связи с «Азбукой» 1578 года, напечатанной Иваном Федоровым в Остроге. Одним из публикаторов и комментаторов острожской «Азбуки» был Джон Симмонс. В течение многих лет он исследует славянские фонды западноевропейских библиотек.

Фонды эти изучены плохо. В западноевропейских библиотеках нет специалистов по старославянской книжности. Поэтому-то многие книги и остаются неопознанными.

В августе 1959 года Джон Симмонс посетил Дублин, столицу Ирландии, и конечно же побывал в Библиотеке архиепископа Марша. Нарцисс Марш (1638—1713) был сыном мелкого фермера. Он окончил Оксфордский университет, стал священником и в дальнейшем не раз занимал высокие церковные должности. Круг

интересов его был чрезвычайно широк. Марш занимался естественными науками, был неплохим математиком, работал в области востоковедения. В начале XVII века он построил для своей обширной библиотеки красивое здание в центре Дублина, неподалеку от собора святого Патрика, а вскоре открыл это книгохранилище для публики.

В Библиотеке архиепископа Марша Джон Симмонс отыскал 6 славянских старопечатных книг, которые, как он писал впоследствии, никто ни разу не снимал с полок с тех пор, как они были поставлены туда в начале XVII столетия. Три из них были изданиями Ивана Федорова — «Апостол» 1564 года, «Учительное Евангелие» 1569 года и «Новый завет» 1580 года. Как эти книги попали к архиепископу Маршу, к сожалению, неизвестно.

А вот о происхождении экземпляра «Апостола» 1574 года, найденного Джоном Симмонсом в Королевском колледже Кембриджа, можно дать точные сведения. На страницах книги есть запись о том, что она была приобретена в Москве в 1575 году, через год после выхода в свет, сэром Джеромом Горсеем, неоднократно бывавшим в столице Русского государства в 1573—1591 годах. Он встречался с Иваном Грозным, и царь подарил ему «Острожскую Библию». Этот экземпляр также сохранился; сегодня с ним можно познакомиться в Библиотеке Британского музея. Шесть других экземпляров «Острожской Библии» Симмонс отыскал в Кембридже и Оксфорде, еще один — в библиотеке университета Сент-Эндрю в Шотландии.

В Лондоне и Нью-Йорке Симмонс обнаружил экземпляры широкошрифтного «Евангелия» — одной из первых московских печатных книг. В библиотеках «Корпус Кристи колледж» (Кембридж) и «Сион колледж» (Лондон) он нашел экземпляры второго издания «Часовника», напечатанного Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем в Москве в 1565 году. Читатель помнит, что книга эта очень редка.

Летом 1968 года Симмонс проводил отпуск на острове Мальта и нашел здесь — в Королевской библиотеке — острожский «Новый завет» Ивана Федорова.

«Псалтырь с Часословцем», напечатанная Иваном Федоровым в 1570 году в Заблудове, была известна в двух экземплярах — один находился во Львове, другой — в Ленинграде. Самый полный из них — львовский — содержит 316 листов. В лондонской библиотеке «Ламбет Пэлис» Джон Симмонс увидел третий экземпляр, в котором было 370 листов.

Джон Симмонс много и плодотворно занимается историей русской литературы, на протяжении двух десятилетий рецензи-

рует советские труды по истории книги и книжного дела на страницах английских журналов.

Этот маленький, очень подвижный человек с усиками и проникновенным взглядом поверх приспущенных очков неоднократно бывал в Москве. Выступая в 1964 году на торжественном заседании Академии наук СССР по случаю 400-летия русского книгопечатания, Дж. С.-Г. Симмонс говорил:

«При чествовании Ивана Федорова и Петра Мстиславца в связи с их книгой — «Апостолом» 1564 года, уместно сказать в Москве несколько слов и по-английски. Это ведь был родной язык тех английских моряков и купцов, которые после опасного плавания по северным морям осели в Москве как раз вовремя, чтобы не только быть свидетелями появления на свет «Апостола», но и знать — к нашей зависти,— где и кем все эти таинственные анонимные издания были напечатаны. Это также был язык и тех моряков, которые, во время второй мировой войны, идя по следам своих предков шестнадцатого века, по тем же опасным рейсам, жертвовали своей жизнью, чтобы доставить припасы и помочь своим советским союзникам... Есть и другая причина,— продолжал он,— почему британский библиограф и любитель книги может чувствовать себя как дома на этом чествовании. Английские купцы шестнадцатого века опровергают ходячую легенду об одноязычном англичанине: ведь многие из них изучали русский язык и, несомненно, хорошо на нем говорили и писали. По возвращении домой они дарили свои буквари и книги библиотекам, и, благодаря заботам библиотекарей, эти книги сохранились, в то время как те, которые были на родине, часто зачитывались до дыр».

Это очень точное объяснение тому, почему «Азбуки» Ивана Федорова так и не удалось отыскать в наших библиотеках. Книги попадали в детские руки. А дети во все времена были неаккуратными читателями. С другой стороны, именно эти малого объема издания проще было вывезти за границу любопытствующим путешественникам.

О. Г. Ласунский свою статью о Джоне Симмонсе закончил следующими словами: «Приятно сознавать, что на Британских островах есть человек, которого можно с полным правом назвать другом русской книги. Джон Симмонс в основание своей неутомимой деятельности положил благородный принцип: через книгу — к дружбе между людьми и народами. Принцип, достойный всяческой поддержки!»

Происки Антонио Поссевино

Как-то пришел ко мне очередной пакет от Джона Симмонса. Я вскрыл его и обнаружил ксерокопию статьи из ватиканского журнала. Автор трактовал свою версию об отношениях князя Константина Острожского — покровителя Ивана Федорова — с римской курией.

Старые русские историки изображали князя Константина «ревнителем православия и защитником русской народности». Между тем деятельность князя не была однозначной. Он переписывался с Иваном Грозным и в то же самое время воевал против России. Именно в его замке был заключен брачный союз между Дмитрием Самозванцем и Мариной Мнишек.

Сам князь был православным, поддерживал Ивана Федорова, дал средства на издание «Острожской Библии». Но сын его, Януш, был воспитан в католической вере. Одна дочь Константина Острожского вышла замуж за Криштофа Радзивилла, кальвиниста, а другая — за Яна Кишку, покровителя «еретиков» — социниан.

С римской курией князь поддерживал наилучшие отношения. Он переписывался с папой Григорием XIII и с его доверенным послом — «легатом» Антонио Поссевино (1534—1611).

Поссевино был высокообразованным и несомненно талантливым человеком, сочетавшим широкую эрудицию, любовь к литературному труду с дипломатической деятельностью авантюристического толка. Уроженец Мантуи, он в 60-х годах XVI века преследует кальвинистов во Франции, затем мы встречаем его в Швеции, в Баварии, в Вене и, наконец, в Кракове. Мелькают города и страны, но цель остается прежней — упрочение власти римской курии, борьба с лютеранством, с другими «ересями».

Григорий XIII вызывает Поссевино в Рим и поручает ему нелегкую миссию — подготовить перемирие между Москвой и Польшей. В 1581 году легат едет в Москву. 15 января 1582 года было подписано десятилетнее перемирие. Второй раз Поссевино побывал в Москве год спустя. Но здесь его замыслы потерпели неудачу. Иван Васильевич Грозный категорически отказался признать главенство папы над русской церковью.

О своих путешествиях Поссевино написал книжку. Она была издана в Вильне в 1586 году. Сочинение имело успех. В 1587 году его выпустили в Антверпене и Кельне, в 1596 году — в Мантуе. Были и другие издания.

Поссевино описал свой долгий путь в Москву — через глухие лесные края со множеством озер и болот. Столица Ивана Грозного его поразила. Это был большой город. Чтобы пройти его из конца в конец, нужно было сделать 9000 шагов. Легат рассказывал о Кремле и о Китай-городе, о многочисленных лавках, стоявших здесь. Упомянул он и о типографии, работавшей в ту пору в Александровой слободе.

К типографиям у Поссевино был интерес особый. Он был убежден в необходимости проповедовать католицизм средствами печатного слова, для которого не существует ни границ, ни расстояний... Поссевино решил основать в Кракове типографию, которая бы печатала, как он писал, «книги на немецком языке для Пруссии, Ливонии, Трансильвании, на шведском — для Шведского королевства... на венгерском языке — для Венгрии и Трансильвании, а также на русском языке — для всей Руси и всей Московии».

13 января 1583 года Поссевино просил кардинала Птоломео Галли прислать в Краков славянский шрифт, отлитый в Риме несколько лет назад искусным французским мастером Робером Гранжоном. Пока неспешная почта несла письма из Кракова в Рим и обратно, Поссевино познакомился с «Острожской Библией» Ивана Федорова, которую ему прислал князь Константин. Он сравнил шрифты замечательной книги и напечатанного в Риме катехизиса,— грубые, латинизированные — и понял, что русские, украинцы и белорусы книг, напечатанных римским шрифтом, не примут. Книги эти всегда будут для них чуждыми.

Поссевино решил обратиться за консультацией к князю Острожскому. Константин Константинович не замедлил с ответом. В июле 1583 года он предложил Поссевино отправить в Рим специалиста-печатника и рисовальщика шрифтов, чтобы на месте помочь ватиканским мастерам создать новый славянский шрифт. О том же князь написал папскому послу в Польше Альберто Болоньетти.

В статье, которую прислал мне Джон Симмонс, цитировалось письмо Болоньетти от 20 июля 1583 года кардиналу Птоломео Галли.

«Шесть дней назад,— писал посол,— с одним итальянцем, который поехал в Венецию, я послал Вашему Преосвященству русскую «Библию», которую мне передал князь Константин Острожский. Князь просил меня дать знать монсеньору его мнение о том, что буквы русского шрифта этой книги сильно отличаются от обычно употребляемых в Риме. Князь предоставил в распоряжение Его Святейшества своего очень знающего типографа, чтобы оказать ему в этом деле посильную помощь... Преподобный отец Поссевино, который в этом частном деле, как и во всей своей

деятельности по обращению схизматиков, проявил величайшую проницательность, сказал мне, что был бы рад узнать, кто именно этот типограф, которого князь предоставил в распоряжение папы».

Последняя фраза говорит о том, что Поссевино на этот раз обошли — Болоньетти перехватил инициативу.

Кто был тот типограф, которого князь Острожский направил в Рим? В письме идет речь об «очень знающем» типографе. Так можно было сказать лишь об Иване Федорове.

В июле 1583 года, когда Болоньетти писал письмо в Рим, первопечатник находился в Вене, на полдороге между Краковом и «вечным городом».

Узнали об этом совсем недавно.

Зимой 1968 года я получил письмо из Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Меня просили написать рецензию на статью «Иван Федоров — пушечный мастер», которую прислал Влодимеж Губицкий, профессор кафедры неорганической химии Университета имени М. Склодовской-Кюри в Люблине.

О том, что Иван Федоров лил пушки, было известно давно. Еще в 1881 году польский археограф А. Павиньский опубликовал так называемые «подскарбинские книги», в которых тщательно регистрировались малейшие расходы польского короля Стефана Батория. В одной из записей шла речь о том, что «Ивану Федоровичу, печатнику Москвитину» было выплачено сначала 45 золотых, а затем 70 золотых и 50 денаров на литье малой пушки по образцам, которые имелись у львовского старосты. Было это в январе 1583 года.

Прочитав название статьи В. Губицкого, я решил, что речь в ней пойдет об этом незначительном эпизоде жизни и деятельности русского первопечатника. Но из пакета выпали фотографии... Латынь. Четкий уверенный почерк. В конце документа подпись: «Ioannes Fedorowicz Moschus typographus Graecus et Sclavonicus» — то есть: «Иван Федорович Москвитин, типограф греческий и славянский».

Вот он, наконец, долгожданный автограф первопечатника!

Из статьи я узнал, что ее автор В. Губицкий в 1964 году работал в Дрездене, в бывшем тайном архиве саксонских курфюрстов. Здесь-то он и обнаружил совершенно случайно письмо Ивана Федорова, которое было написано в Вене 23 июля 1583 года.

В письме идет речь об изобретенной Иваном Федоровым пушке с взаимозаменяемыми частями.

Побывал ли Иван Федоров в Дрездене или нет, в архиве никаких сведений об этом нет. Но вспомним об «Азбуке» 1578 года и об «Острожской Библии»; эти издания 1583 года попали к вос-

токоведу Элиасу Хуттеру, который жил в Дрездене при дворе курфюрста.

Не Иван ли Федоров подарил свои книги Хуттеру?

Здесь самое время вспомнить о переписке князя Константина Константиновича Острожского с Поссевино и Болоньетти.

Иван Федоров не мог одобрить заигрывания князя, на службе которого он состоял, с римским папой Григорием XIII. Патриот родного языка — первопечатник не стал бы поддерживать затею, целью которой были в конечном счете борьба с гуманизмом и просвещением, полонизация украинцев и белорусов, подчинение православной церкви Ватикану.

Герб первопечатника

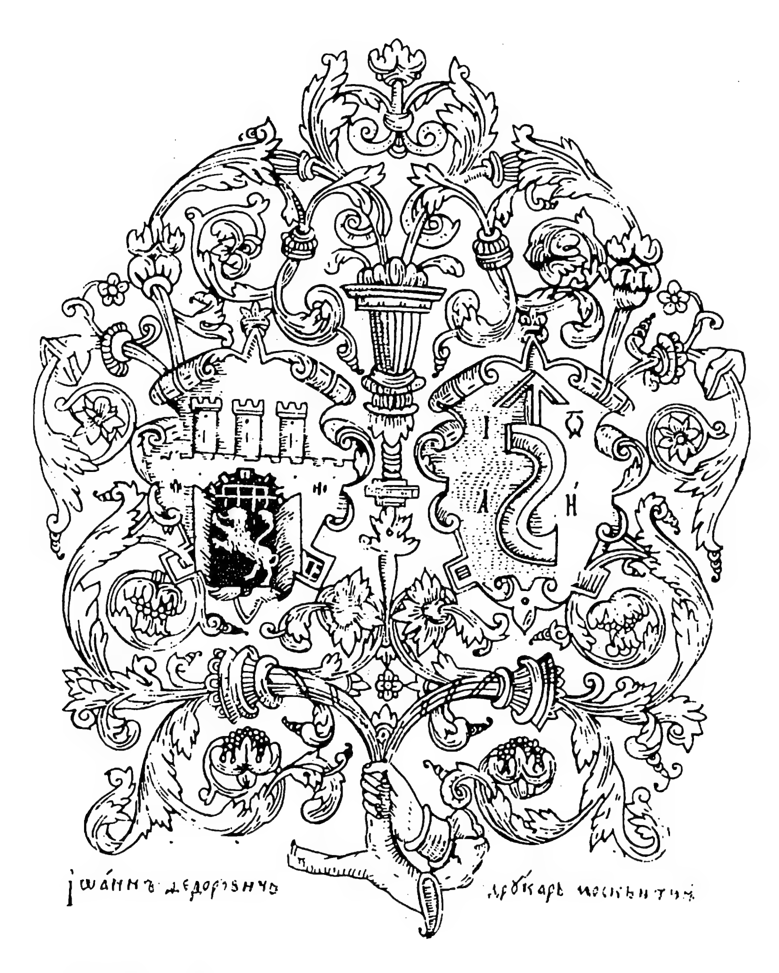
Узнав о письме Ивана Федорова, я не мог удержаться от соблазна увидеть его собственными глазами.

Летом 1968 года я поехал в Дрезден. Я перешел по мосту на северный берег Эльбы, где тогда еще были развалины. Вдали блестел на солнце «Золотой всадник» — конный памятник курфюрсту Августу Сильному — тому самому, с которым встречался Петр I; встреча колоритно описана А. Н. Толстым. Посреди развалин одиноко высилось чудом уцелевшее здание архива.

Письмо первопечатника было сложено в несколько сгибов и припечатано — конвертов в ту пору не существовало. Печать сохранилась плохо, но я разобрал на ней знакомые очертания типографского знака Ивана Федорова. Знак был помещен под короной. Следовательно, это вовсе не марка, а герб...

Типографский знак впервые появился в львовских изданиях первопечатника. Мы видим его в «Апостоле» 1574 года, где вместе с гербом города Львова он составляет сложную геральдическую композицию. Знак воспроизведен также в «Азбуке» 1574 года и в острожских изданиях — «Азбуке» 1578 года, «Псалтыри и Новом завете» 1580 года и «Библии» 1581 года. Он был высечен и на могильной плите первопечатника.

На гербовом щите изображена лента, изогнутая в форме зеркального латинского «S». Лента рельефна, выпукла, о чем говорит штриховка у одного из ее краев, а также «гребень» рельефа, намеченный изогнутой линией. Сверху из ленты исходит стрела,

«Апостол» 1574 г.
Типографская марка Ивана Федорова
и герб города Львова в геральдической композиции

наконечник которой составлен из разных по длине отрезков. На поле размещены буквы. В одном из вариантов герба — «IѡАН» — имя первопечатника, а в другом — «IѲ» — его инициалы.

Как только не толковали историки это изображение! Одни видели в нем параллели с известным издательским знаком венецианского типографа Альда Пия Мануция, на котором изображен якорь с обвивающим его дельфином. О знаке мог рассказать

Ивану Федорову Максим Грек, который в молодости встречался с Альдом.

Другие, вспомнив крылатую фразу древнерусского книжника — «книги суть реки, напояющие вселенную», утверждали, что знак Ивана Федорова символизирует этот афоризм. Лента — это река, а помещенная сверху стрела символизирует просветительскую роль книги.

Некоторые говорили, что стрела вовсе не стрела, а типографский угольник, инструмент наборщика.

Основательно типографским знаком Ивана Федорова занялся лишь специалист по геральдике — В. К. Лукомский; в 1935 году он опубликовал статью «К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова». Вывод его был неожиданным: типографский знак — это шляхетский герб белорусского рода Рагоза. Объяснить, почему первопечатник взял этот герб, Лукомский не смог.

«Против этой гипотезы о принадлежности Ивана Федорова к роду Рагоза или Рагозиных,— писал он,— можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение — это указание на полное и непонятное отсутствие упоминания им самим о своем родовом прозвании на всем протяжении своей жизни».

Была еще одна версия, выдвинутая Лукомским. В Польско-Литовском государстве до 1601 года магнаты могли «приписать» к своему роду человека, если они были чем-то обязаны ему или хотели наградить его. Этот акт получил название адаптации.

Но кто и когда применил его к Ивану Федорову?

У его покровителей гетмана Григория Александровича Ходкевича и князя Константина Константиновича Острожского были совсем другие гербы.

В Краковском университете

Трудами советских ученых канула в небытие версия о трудолюбивом, но простоватом дьяконе, который, по указу царя Ивана IV и при содействии митрополита Макария, основал первую типографию в Москве. Со временем выяснилось, что дьякон был высокообразован, знал греческий язык и латынь. Он был прекрасно знаком с западноевропейской книгой и гравюрой своего времени и черпал оттуда приемы художественного убранства. Он тщательно

редактировал книги, которые готовил к печати, и при этом использовал греческие, латинские, немецкие, чешские тексты. Он свободно путешествовал по Европе: побывал в Вене, Кракове, возможно — и в Дрездене, посещал сербские монастыри. Он, наконец, переписывался с владетельными особами. Польский король Сигизмунд Август принимал Ивана Федорова «со всеми панами рады своея». Первопечатник встречался с императором Священной Римской империи Рудольфом, с польским королем Стефаном Баторием, писал саксонскому курфюрсту Августу... Да и наиболее образованные люди эпохи — Симон Будный, Элиас Хуттер — знали его.

Не так уж прост был этот дьякон!

В 1968 году, работая над книгой о начале славянского книгопечатания, я пытался доказать, что первые книги кирилловского шрифта, вышедшие из типографии Швайпольта Фиоля в Кракове, порождение гуманистической атмосферы польского Возрождения. Для этого нужно было выявить связи между Фиолем и гуманистами. С этой целью я просматривал так называемые «промоционные книги» Краковского университета. В них записывали имена лиц, удостоенных ученых степеней бакалавра или магистра. В 1849 году эти книги издал польский историк Юзеф Мучковский.

На страницах «промоционных книг» встречалось много имен, так или иначе связанных с деятельностью Швайпольта Фиоля. Но вот мелькнуло знакомое сочетание слов: «Ioannes Theodorus Moscus». Иван Федоров Москвитин! Почти так же первопечатник подписался под письмом к саксонскому курфюрсту Августу.

Запись свидетельствовала о том, что в 1532 году, когда деканом был магистр Ян из Пиотркова, степени бакалавра в Кракове был удостоен Иван Федоров Москвитин.

Если это первопечатник, то сколько же ему лет было в те годы?

Молодые люди записывались в университет 15—18 лет от роду. Николай Коперник, например, стал студентом в 18 лет. Чтобы получить степень бакалавра, требовалось 2—3 года.

Значит, бакалавр Краковского университета Иван Федоров Москвитин мог родиться около 1510 года.

Первопечатник Иван Федоров умер 5 декабря 1583 года.

Если допустить, что именно он учился в Кракове, в момент кончины ему было семьдесят с небольшим лет. Допущение вполне вероятное.

Однако голыми арифметическими прикидками в нашем случае ограничиться нельзя. Сложность состояла в том, что в публикации «промоционной книги» вслед за именем Ивана Федорова Москвитина в скобках было указано «каноник из Красностава».

Красностав — небольшой городок на реке Вепш, ныне находящийся в Люблинском воеводстве Польской Народной Республики. В 1490 году сюда была перенесена резиденция Хелмского католического епископа. При епископе был капитул, членом которого состоял бакалавр Иван Федоров Москвитин.

Если это так, то это совсем не наш Иван Федоров! Ведь не мог же католический каноник стать впоследствии дьяконом церкви Николы Гостунского в Московском Кремле.

В «промоционных книгах» нашлось имя одного из покровителей Швайпольта Фиоля — Яна Турзо. Вслед за записью о присвоении ему степени бакалавра в 1484 году указано, что он был гнезненским схоластиком, каноником и епископом Вроцлава. Все эти звания известный гуманист приобрел значительно позднее. Кафедру епископа Вроцлава он получил лишь в 1506 году, через 22 года после внесения записи в «промоционные книги».

Значит, и приписки о дальнейшей судьбе воспитанников Краковского университета делались много позднее первоначальных записей. А в этом случае легко ошибиться!

Предположение подтвердилось. Статью мою «Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете», опубликованную в 1969 году в журнале «Советское славяноведение», я послал Анне Левицкой-Каминьской, известному польскому историку книги, которая в ту пору заведовала Отделом инкунабулов Ягеллонской библиотеки в Кракове. В этой библиотеке хранились оригиналы «промоционных книг».

Вскоре пришел ответ.

«Приписка «каноник из Красностава»,— писала Левицкая-Каминьская,— дописана значительно позднее и, как это пан и сам предполагал, не имеет никакой связи с первой записью. К открытию пана можно прибавить еще одно — новое. В «Альбуме Студиозорум» в томе 2-м на странице 245 под годом 1529-м друкарь Иван фигурирует как «Иван Федоров из Питковичей».

«Альбум Студиозорум»— это книга, в которую записывались имена студентов при их поступлении в университет.

Правда, и в этом случае была сделана ошибка. Вслед за записью об Иване Федорове указано, что таинственные Питковичи находятся в Краковской епископии.

«Приписка эта позднейшая и снова ошибочная,— писала Левицкая-Каминьская,— так как в Краковской епископии нет и не было такого населенного пункта».

Я порадовался письму, а затем обложился географическими справочниками и стал искать Питковичи. Нашел три белорусские деревни с таким названием. Первая стояла в Вилейском повете на старой большой дороге из Минска в Вильну в 8-ми верстах

от Радошковичей и в 57-ми верстах от Вилейки. Вторые Питковичи отыскались на реке Усе в Минском повете в безлесной холмистой местности близ местечка Койданова. Неподалеку — и третьи Питковичи — в Новогрудском повете на берегу реки Ишкольд.

Из тех же самых мест происходила шляхетская семья Рагозиных, пользовавшаяся гербом «Шренява».

Круг вроде бы замкнулся.

Но я, как в свое время В. К. Лукомский, могу сказать: «Против моей гипотезы можно сделать, в сущности говоря, только одно, но и самое веское возражение. Это — указание самого Ивана Федорова в рассказе о своем переезде в Литву — «Сия убо нас от земля и отчества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели».

Если Иван Федоров родился в Белоруссии и учился в Краковском университете, могли ли Великое княжество Литовское и Польша быть для него «незнаемыми странами»? Да и уход из Москвы он трактует, как изгнание «от земли и отчества и от рода нашего»!

Правильность или ошибочность гипотезы предстоит доказать будущим историкам.

По следам первопечатника, вне всякого сомнения, пойдут еще многие и многие ученые.

Музей Ивана Федорова

На Киевском шоссе, в 72-х километрах от Львова, на высоком зеленом холме возвышаются стены Олесского замка. Он был сооружен ещё в XIV столетии. В своих покоях он видел Богдана Хмельницкого и польского короля Яна III Собеского. Со временем замок обветшал; перекрытия обвалились, окна и двери были заложены.

Воссоздал его коллектив Львовской картинной галереи.

Сейчас здесь музей, в котором собрано около 500 произведений живописи, скульптуры, прикладного искусства X—XVIII столетий.

Это один из многих новых музеев, появившихся в последние годы во Львове и его окрестностях. Говоря о них, нужно назвать имя Бориса Григорьевича Возницкого, директора Львовской картинной галереи. О его энтузиазме, о тысячах спасенных им памятников культуры рассказывают легенды.

Не раз и не два проходил Б. Г. Возницкий по улице Богдана Хмельницкого мимо заброшенного здания Онуфриевского монастыря. И каждый раз думал о том, что пора уже городу позаботиться об увековечении памяти русского и украинского первопечатника, умершего здесь.

Идея была поддержана обкомом Коммунистической партии Украины. Нашлись и энтузиасты-помощники, и среди них первая — Мария Борисовна Выдашенко. Ученые — Аким Прохорович Запаско, Ярослав Дмитриевич Исаевич, Федор Филиппович Максименко помогли разработать экспозицию. Под руководством доктора исторических наук И. К. Свешникова организовали раскопки в здании монастыря. Надеялись отыскать надгробную плиту Ивана Федорова, но, к сожалению, не нашли. Стала собираться вокруг будущего музея молодежь — Игорь Мыцко, Софья Малец, Вера Фрис... Начали ездить в археографические экспедиции, нашли в окрестных селах немало древних книг, и среди них даже узкошрифтное «Евангелие» — первую московскую печатную книгу.

В декабре 1977 года Музей Ивана Федорова — первый в стране — был торжественно открыт.

Если будете во Львове, обязательно побывайте в нем. Вы подниметесь с улицы Богдана Хмельницкого по небольшой лестнице к проему надвратной церкви-колокольни и вскоре попадете во двор, мощенный плитами. Слева от вас, на фоне Подзамчья, возвышается фигура первопечатника — центр скульптурной композиции Анатолия Галяна «Иван Федоров со своими помощниками».

Перед скульптурой — надгробный камень со знакомой надписью «Друкарь книг пред тым невиданных». Посетители музея приносят к камню цветы.

Ступени ведут в храм, фасад которого прорезан окнами с полукруглыми сводами. В стены церкви вмурованы древние надгробные плиты. На одной из них, найденной недавно, можно прочитать имя молдавского господаря Стефана Томши, казненного в 1564 году во Львове. Плита эта была здесь и при Иване Федорове.

Внутреннее убранство скромно и лаконично. Экспозиция размещена в боковых притворах, центральная часть отведена под сменные тематические выставки. Древний печатный станок и пресс для бумаги помогают воссоздать типографию Ивана Федорова.

В отдельных витринах — «Федоровиана», многочисленные труды советских ученых, посвященные жизни и деятельности русского и украинского первопечатника. Труды эти — закономерный результат тех поисков и находок вдохновенных исследователей, о которых шла речь на страницах нашей книги.

Дружное племя федорововедов

Слово «федорововед» звучит странно. Другое дело — «пушкинист» или «шекспировед», к которым мы привыкли. И все же слово это имеет право на существование.

В последнее время изучение первых шагов печатного станка в России, на Украине и в Белоруссии стало важной отраслью отечественной историко-книговедческой науки.

Успехи советского федорововедения огромны и очевидны.

В 1975 году Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина выпустила в свет указатель литературы «Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова». В нем описаны 1754 книги и статьи, посвященные первопечатнику. 1164 из них опубликованы после Великой Октябрьской социалистической революции.

Торжественно отмечались юбилеи — 350-летие (1933 г.) и 375-летие (1958 г.) со дня смерти Ивана Федорова, 400-летие начала книгопечатания в Москве (1964 г.) и на Украине (1974 г.), 400-летие первой русской «Азбуки» (1974 г.) и замечательного памятника культуры восточнославянских народов — «Острожской Библии» (1981 г.).

В декабре 1958 года, выступая на расширенном заседании Ученого совета Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров предложил ежегодно, в середине декабря, отмечая память первопечатника, проводить «Федоровские чтения». Первые Чтения состоялись 22 декабря 1959 года; с 1973 года они проводятся ежегодно. Каждый год в феврале Музей Ивана Федорова во Львове проводит «Федоровский семинар», на который съезжаются исследователи со всего Советского Союза.

Юбилейная литература подчас глубиной не отличается. К историографии первопечатания это утверждение не относится. Коллективные труды «Иван Федоров первопечатник» (М.— Л., 1935), «У истоков русского книгопечатания» (М., 1959) и «400 лет русского книгопечатания» (М., 1964) знаменовали важные этапы становления советского книговедения.

Научный совет по истории мировой культуры Академии наук СССР и Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина с 1976 года выпускают ежегодник «Федоровские чтения», на страницах которого публикуются труды по истории книги, работы о жизни и деятельности первопечатника.

Изданы капитальные монографии о начале книгопечатания в Москве и на Украине, о деятельности Ивана Федорова в Белоруссии.

Будущим биографам Ивана Федорова работать будет значительно легче, чем первопроходцам, о которых мы рассказывали. В их распоряжении — капитальные своды источников. Среди них — сборник документов «Первопечатник Иван Федоров и его последователи на Украине» (Киев, 1975). Здесь собраны акты, разысканные в архивах С. Л. Пташицким, И. И. Малышевским, Ф. Бостелем, В. Романовским. Здесь и документы, публикуемые впервые. Разыскали их львовские ученые Ярослав Дмитриевич Исаевич, Орест Ярославович Мацюк, Эдуард Иосифович Ружицкий...

Аким Прохорович Запаско в прекрасно изданном альбоме «Художественное наследие Ивана Федорова» воспроизвел все иллюстрации, заставки, концовки, инициалы из книг первопечатника, указал, где и когда они использовались.

Орест Ярославович Мацюк тщательно изучил бумагу изданий Ивана Федорова. Его труд «Бумага и филиграни на украинских землях» (Киев, 1974) — значительный вклад в мировую филигранологию. Для белорусских изданий первопечатника то же сделал Эдмундас Тациенович Лауцявичюс (1906—1973).

Читатель знаком с работами К. Ф. Калайдовича, А. Е. Викторова, Л. А. Кавелина, А. А. Гераклитова, А. С. Зерновой, А. И. Некрасова, Н. П. Киселева, А. С. Орлова, М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова и некоторых других ученых, изучавших жизнь и деятельность Ивана Федорова, возникновение и первые шаги книгопечатания на Руси. Назовем еще несколько имен.

Татьяна Николаевна Протасьева. Сотрудница Государственного Исторического музея в Москве. В 1955 году выпустила книгу «Первые издания московской печати в собрании Государственного Исторического музея». Здесь тщательнейшим образом изучены и воспроизведены водяные знаки бумаги, на которой напечатаны безвыходные издания.

Иван Петрович Крипъякевич. Действительный член Академии наук УССР, известный украинский историк. В 1953 году в книге «Связи Западной Украины с Россией до середины XVII века» он рассказал о жизни Ивана Федорова во Львове, показал окружение первопечатника.

Григорий Иванович Коляда. Профессор Ташкентского государственного университета. В 1961 году защитил докторскую диссертацию «Иван Федоров — первопечатник», где проследил факты лингвистической истории первых русских и украинских книг, выявил примеры редакторской деятельности Ивана Федорова. «Иван Федоров — редактор первопечатного «Апостола» — так

называлась его статья, опубликованная в 1963 году в «Славянском сборнике», вышедшем в Самарканде.

Евгения Ивановна Кацпржак. Старейший сотрудник Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, автор широко известной «Истории книги» (М., 1964). Ее научно-популярная книга «Первопечатник Иван Федоров» (М., 1964) познакомила широкие читательские круги с трудами и днями незаурядного человека.

Вера Ильинична Лукьяненко. Сотрудник Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Досконально изучила «Псалтырь» — одно из первых безвыходных изданий. На страницах печатного «Каталога белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв.» (Л., 1973) подробно описала «Новый завет» Василия Тяпинского, заблудовские издания Ивана Федорова. Писала она и о первой русской «Азбуке».

Николай Павлович Ковальский. Заведующий кафедрой Днепропетровского государственного университета. В 1972 году выпустил книжку, скромно именуемую в подзаголовке «пособием для студентов»; это тщательно разработанная и обильно документированная монография «Источники о начальном этапе книгопечатания на Украине».

Петр Атанасов. Старейший болгарский историк книги. Он разыскал и подробно описал находящиеся в Болгарии книги Ивана Федорова. Описана им и анонимная «Азбука», обнаруженная в Народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия в Софии. Состав ее идентичен учебникам первопечатника. Быть может, и печатал ее кто-то из его учеников.

Клаус Аппель. Молодой западногерманский исследователь. Его работа «Начало книгопечатания в Московской Руси», опубликованная в 1969 году, познакомила зарубежных читателей с современным состоянием работ в этой области.

Норберт Ангерман. Западногерманский искусствовед. Продолжая работы Н. П. Киселева, он выявил ряд новых примеров взаимосвязей немецко-нидерландской гравюры на металле и русской рукописной орнаментики.

Из года в год наука накапливала материалы, наблюдения, факты. Таинственный, размытый временем образ первопечатника приобретал все более определенные очертания.

Ныне мы хорошо представляем себе человека, подарившего нашей стране книгопечатание. Патриот, гуманист, просветитель, ученый и педагог — таким был Иван Федоров!

Примечания

Книга, с которой читатель только что познакомился, носит научно-художественный характер. Это — очерки, рассказывающие о жизни и деятельности первопечатника Ивана Федорова, а также об ученых — отечественных и зарубежных,— изучавших старопечатные издания, искавших и находивших в архивах документы о нелегкой судьбе великого русского просветителя. В наших очерках нет места вымыслу. Каждая фраза в них может быть подтверждена ссылками на источники — как печатные, так и архивные. Но очерки эти рассчитаны на читателей-неспециалистов. Поэтому мы решили не перегружать их библиографическими описаниями книг, статей и документов. Весь научный аппарат вынесен в конец книги. Отсылки даны к конкретным данным. Они помогут читателям, в случае необходимости, найти тот или иной источник.

Но прежде назовем монографии, указатели литературы, сборники документов, относящиеся к интересующему нас вопросу в целом. Читатель, который хочет узнать о жизни и деятельности Ивана Федорова, об обстоятельствах возникновения первых типографий в Москве и на Украине, может обратиться к монографиям: Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине, М., 1947; Запаско Я. П. Першодрукар Іван Федоров. Нарис. Львів, 1964; Кацпржак Е. И. Первопечатник Иван Федоров. М., 1964; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964; Он же. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974; Он же. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979; Ісаевич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні, Львів, 1975.

Документы о жизни и деятельности Ивана Федорова опубликованы в кн.: Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні. Зб. документів. Київ, 1975. Типографские материалы Ивана Федорова — иллюстрации, заставки, инициалы, шрифты — воспроизведены в альбоме: Запаско А. П. Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974. Список литературы об Иване Федорове превышает 1700 названий. См: Немиров-

ский Е. Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова.— Указ. лит. М., 1975.

ЧАСТЬ I

К главе «Какой-то друкарь московитский...».— Литография Е. Л. Кульчицкой воспроизведена в альбоме: Иван Федоров: Альбом рисунков, посвященный 375-летию со дня выхода первой печатной книги на Украине в г. Львове. Львов, 1949. Послесловие «Псалтыри» 1568 г. цит. по: Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Спб., 1878. Вып. 1, с. 140—141. «Сказание известно о воображении книг печатного дела» опубликовано Т. Н. Протасьевой и М. В. Щепкиной в оригинале и в переводе на современный русский язык в книге: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 198—214. Хроника Г. Попеля цит. по: Скр. Й. Монастирськi записки про надгробний камiнь I. Федорова.— Записки чина св. Василия Великого. Жовква, 1925, т. 1. Вып. 2—3, с. 379.

К главе «Первого издания печатным тиснением».— О судьбе экземпляра первой русской, точно датированной печатной книги, побывавшего в руках Петра I, см.: Долгова С. Р. Уникальный экземпляр Апостола 1564 г.— Книга: Исслед. и материалы, 1973, сб. 27, с. 174—177. Послесловие «Апостола» 1564 г. публиковалось неоднократно. См., например: Щепкина М. В. Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг.— В кн.: У истоков русского книгопечатания., М., 1959, с. 216—220. О Германском музее книги и шрифта см.: Немировский Е. Л. Музеи книги Германской Демократической Республики.— Книга: Исслед. и материалы, 1969, сб. 19, с. 195—202. Об «Остромировом Евангелии» см. главу «Загадки и судьба старейшей русской книги». в кн.: Розов Н. Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971, с. 20—28.

К главе «Когда началось книгопечатание в Москве?».— О противоречивых датах в послесловии «Апостола» 1564 г. писали многие исследователи. См.: Тихомиров М. Н. Начало русского книгопечатания.— В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 322. О разнице между старым стилем и новым и о переводе дат из одного стиля в другой см.: Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944, с. 13—14.

Переводы послесловий изданий Ивана Федорова здесь и ниже приведены по кн.: У истоков русского книгопечатания. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 216—254. Послесловие Апостола 1564 г.: «Изволением отца и помощью сына и свершением святого духа,

по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великой России самодержца и по благословению преосвященного Макария митрополита всея Русии многие церкви воздвигались в царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем городам царства его, особенно же в новокрещенном месте, в городе Казани и в пределах ее. И все эти святые храмы благоверный царь украшал чтимыми иконами и святыми книгами, и сосудами, и ризами, и прочими церковными вещами по преданию и по правилам святых апостолов и богоносных отцов и по изложению благочестивых царей греческих, в Царьграде царствовавших,— великого Константина и Юстиниана, и Михаила, и Феодоры и прочих благочестивых царей, в свое время бывших. И поэтому благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии повелел покупать святые книги на торгу и полагать их во святых церквах — Псалтыри, Евангелия, Апостолы и прочие святые книги. Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками, а иные от того, что писцы оставляли их без исправления. И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у греков, и в Венеции, и во Фригии, и у прочих народов, чтобы впредь святые книги излагались правильно. И так возвещает мысль свою преосвященному Макарию, митрополиту всея Русии. Святитель же, услыхав, весьма обрадовался и, воздав благодарение богу, сказал царю, что мысль эта ниспослана богом и есть дар, нисходящий свыше. И так, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и по благословению преосвященного Макария митрополита начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи (1553); в 30-й же год царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело. И, не жалея, давал от своих царских сокровищ делателям — дьякону церкви Николы чудотворца Гостунского Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению. И начали печатать первой эту святую книгу Деяния апостольские и послания соборные и святого апостола Павла послания в год 7070 первый [1563] апреля 19-го на память преподобного отца Иоанна Палеврета, то есть из древней Лавры. Окончены же были в год 7070 второй [1564] марта в 1 день при архиепископе Афанасии митрополите всея России, в первый год святительства его, во славу всемогущей живоначальной Троицы, отца и сына и святого духа. Аминь».

К главе «Я отдал бы половину своей библиотеки...».— Слова И. Добровского цит. по кн.: Я г и ч И. В. Новые письма Добровско-

го, Копитара и других юго-западных славян. Спб., 1897, с. 501—502, слова М. Оросвиговского-Андреллы по кн.: Микитась В. Л. Давні книги Закарпатського державного краезнавчого музею. Львів, 1964, с. 14—15. Послесловие «Библии» 1581 г. опубликовано в кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 247—253. Запись о рождении К. К. Острожского цит. по кн.: Бевзо О. А. Львівський літопис І Острозький літописець. Київ, 1971, с. 126. Об Острожском замке см.: Равчук Г. Острог і його околиці. Львів, 1960. О «Библии» как литературном памятнике см.: Беленький М. С. Библия.— Кратк. лит. энциклопедия. М., 1961, т. 1, стб. 606—612. Слова В. Гюго о книгопечатании цит. по: Гюго В. Собр. соч. в 15-ти т., т. 2. М., 1953, с. 187. Перечень известных автору экземпляров «Библии» 1581 г. см.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1974, с. 205—207. О тираже «Библии» см. записи в экз. Музея книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, № 1452. О Е. А. Болховитинове и его словарях см.: Кауфман И. М. Русские биографические и биобиблиографические словари. М., 1950, с. 118—125.

Из послесловия «Библии» 1581 г.: «О боже... ты благоволил вложить в ум православному князю, чтобы он повелел мне, многогрешному и недостойному, передать божественное слово твое для всех и повсюду печатным образом. И хотя я сознавал, что недостоин и погряз в тине грехов, но повиновался повелению, надеясь на милость твою... Всем же повсюду православным христианам, господам, братьям и друзьям нашим, смиренно и с умилением творим поклон до лица земли и от всей души усердно молим: если произошла какая погрешность, простите... Настоящие богоугодные и душеспасительные книги Ветхого и Нового завета напечатаны мною многогрешным Иваном Федоровым сыном из Москвы в богохранимом городе Остроге в 7089 году от создания мира и в 1581 году от воплощения господа бога нашего Иисуса Христа, месяца августа 12 дня».

К главе «Не только оружием».— О Н. П. Румянцеве и его собрании см.: Кестнер К. Материалы для исторического описания Румянцевского музеума. М., 1882; Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве: 1862—1912. М., 1913. Об издательской деятельности Н. П. Румянцева см.: Гарелин Н. Ф. Русское научное издательство в начале XIX века (Румянцевская эпоха).— В кн.: Книга в России. М., 1925, ч. 1, с. 25—98. Описание Московского архива Иностранной коллегии цит. по кн.: Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1964, с. 172—173. О К. Ф. Калайдовиче и П. М. Строеве см.: Бессонов П. А. Константин Федорович Калайдович: Биогр. очер. М., 1882; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Стро-

ева. Спб., 1878. Мнение П. М. Строева о профессии журналиста см. в его «Письме издателя в Казань», открывающем № 1 «Современного наблюдателя российской словесности» (март 1815 г.).

К главе «Откуда начася и како свершися...».— О предисловиях и послесловиях первопечатных книг см.: Русская старопечатная литература XVI— первая четверть XVIII в. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. Послесловие «Апостола» 1574 г. цит. по кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 234—247.

Из послесловия «Апостола» 1574 г.: «Эта повесть рассказывает, откуда началась и как создалась эта типография. Волею отца и помощью сына и совершением святого духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению преосвященного Макария митрополита всея Руси составилась печатня сия в царствующем городе Москве в 7070 первый год [1563], в тридцатый год царствования его. Все это не напрасно начал я вам излагать, но по причине великих преследований, часто испытанных нами не от самого того государя, но от многих начальников, и священноначальников, и учителей, которые по зависти возводили на нас многие обвинения в ереси, желая добро обратить во зло и дело божие вконец погубить, как это обычно для злонравных, невежественных и неразумных людей, которые ни в грамматических тонкостях навыка не имеют и духовным разумом не наделены, но без основания и напрасно распространяют злое слово. Ибо такова зависть и ненависть, сама измышляющая клевету и не понимающая, куда идет и на чем основывается. Эти обстоятельства привели нас к изгнанию из нашей земли и отечества и от нашего рода и заставили переселиться в иные, незнаемые страны. Когда же мы оттуда пришли сюда, то по благодати богоначального Иисуса Христа господа нашего, который будет судить мир по истине, принял нас милостиво благочестивый государь Сигизмунд Август, король польский, великий князь литовский, русский, прусский, жмудский, мазовецкий и иных [стран] со всеми панами своей рады. В то же время вельможный пан Григорий Александрович Ходкевич, пан виленский, верховный гетман Великого княжества Литовского, староста гродненский и могилевский, усердно упросив государя, милостиво принял нас под свое покровительство и покоил немало времени и снабдил нас всем потребным для жизни. И мало ему было, что он нас так устроил, он еще немалую деревню даровал мне, чтобы обеспечить меня. А мы работали по воле господа нашего Иисуса Христа, рассевая слово его по вселенной. Когда же он [т. е. Ходкевич.— *Е. Н.*] достиг глубокой старости и стала голова

его страдать от болезни, то повелел нам прекратить работу и оставить искусство рук наших и в деревне за земледелием проводить жизнь этого мира. Но не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян сокращать время моей жизни, потому что вместо плуга я владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен рассевать семена духовные по вселенной и всем по чину раздавать духовную эту пищу. Более же всего устрашился я ответа который придется дать владыке моему Христу, непрестанно взывающему ко мне: «Ленивый и лукавый раб, зачем не отдал серебра моего торгующим? И я, придя, взял бы свое с прибытком». И в одиночестве, углубляясь в себя, я не раз омочил слезами свое ложе, размышляя обо всем этом, как бы не скрыть в земле талант, дарованный мне богом... И поэтому я вынужден был уйти оттуда. И в пути постигли меня многие скорби и беды, не только по причине длительности странствования, но и из-за сильнейшего морового поветрия, которое препятствовало моему путешествию; и просто говоря,— беды и невзгоды всяческие и самые злейшие. И, таким образом, благодаря человеколюбивому промыслу божию дошел я до богоспасаемого города, называемого Львов. И все случившееся мне на пути я ни во что не ставил, только бы обрести Христа моего. Ибо все земное проходит, подобно тени, и доброе и злое рассеивается, как дым в воздухе, как поучает апостол во время скорби, потому что скорбь ведет к терпению, терпение — к надежде, а надежда не обманет. Поэтому и в моем сердце возгорелась божественная любовь действием святого духа, ниспосланного мне. И когда я, поселившись в знаменитом граде Львове, шел как бы по следам некоего богом избранного мужа, я поразмыслил об этом и стал про себя творить такую молитву... [Далее следует текст молитвы.— *Е. Н.*]. И помолившись, начал приводить это богом ниспосланное дело к завершению, чтобы распространять богом внушенные догматы. И многократно обходил богатых и благородных мирян, прося от них помощи и кланяясь и припадая к ногам их; и склоняясь до лица земли, омывал ноги их от сердца идущими слезами. И не раз и не два, но многократно делал это. И священнику в церкви велел во всеуслышание объявить всем. И не упросил жалостными словами, не умолил многослезным рыданием, и через священнический чин не исходатайствовал себе никакой помощи. И плакал я горькими слезами, что не нашлось никого, кто бы сжалился или помог, не только у русского народа, но даже у греков не получил милости. И нашлись только некоторые из малых людей священнического чина да незнатные от мирян, которые подавали помощь. И не думаю, что они от избытка это делали, но как та евангельская бедная вдова, которая от нищеты своей отпустила две лепты. И знаю: то, что они дали, возвратится к ним на этом

свете, а в будущей жизни воздастся сторицею по щедрости божией... А началась печататься эта книга, называемая Апостол, в богоспасаемом городе Львове, а в ней Деяния апостольские и послания соборные и послания апостола Павла, в 1573 год по воплощении господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, февраля в 25 день, а окончилась в 74-й год того же месяца в 15 день...»

К главе «Опыт российской библиографии».— Письма В. С. Сопикова цит. по кн.: Сопиков В. С. Письма к К. Ф. Калайдовичу. Спб., 1883. О В. С. Сопикове см.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1951, с. 144—154; Берков П. Н. Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии».— Сов. библиография, 1933. Вып. 1—3, с. 139—155.

Из предисловия «Нового завета с Псалтырью» 1580 г.: «...Молю Вас, с великим смирением, о благочестивый князь, прими любезно и с богом это дело наших рук, как первый овощь от печатного дома Острожского... Это желаемое для всех дело было совершено в честь и хвалу святого имени, в утверждение Христовой церкви и во славу всего народа русского, а вашего княжеского благочестия с благородными вашими детьми — в вечное благословение».

Из послесловия «Нового завета с Псалтырью» 1580 г.: «Начата и совершена эта святая книга Нового завета по повелению благочестивого князя Константина Константиновича, названного во святом крещении Василием, князя острожского, воеводы киевского, маршалка земли волынской, старосты владимирского и прочая, в богоспасаемом его родовом городе Остроге, многогрешным Иваном Федоровым сыном из Москвы, года от создания мира 7000, а от воплощения спасителя нашего Иисуса Христа — в 1580-м».

К главе «Указатель Тимофея Михайловича».— О библиотеке К. Д. и П. К. Фроловых см.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1817 г. Спб., 1818, с. 61. О «Книжке» Тимофея Михайловича см.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1974, с. 124—129. Ісаевич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975, с. 90—93. Слова И. П. Каратаева цит. по: Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Спб., 1878. Вып. 1, с. 191.

К главе «Археографические экспедиции».— Об археографических экспедициях К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. Спб., 1878. См. там же (с. 33) слова Строева об архиве Иосифо-Волоколамского монастыря. Письмо Н. П. Румянцева А. Ф. Малиновско-

му цит. по кн.: Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными.— Чтения в О-ве ист. и древностей российских, 1882, кн. 1, разд. 1, с. 275. Составленный К. Ф. Калайдовичем каталог рукописей и старопечатных книг Н. П. Румянцева хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ф. 255, карт. 14, № 16). Цитированное нами описание «Апостола» 1574 г. см. л. 9—9 об. указанного дела. Ныне этот экземпляр находится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр I.1.21б).

К главе «В лавке у почтенного старца Игнатия Ферапонтова».— Слова К. Ф. Калайдовича о состоянии российских древностей см. в кн.: Калайдович К. Ф. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, с. 4 Письма В. С. Сопикова цит. по кн.: Сопиков В. С. Письма к К. Ф. Калайдовичу. Спб., 1883. Титульный лист и предисловие «Учительного Евангелия» цит. по кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 221—234.

Титульный лист «Учительного Евангелия» 1569 г.: «Книга, называемая Евангелие учительное, выбрана изо всех четырех Евангелий и многих божественных писаний и дана церкви божией для чтения на каждое воскресенье, а также на господские праздники... Напечатана с божией помощью в благополучное царствование светлейшего государя нашего Сигизмунда Августа, божией милостью короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, жмудского, мазовецкого, вифлянского и иных. И при архиепископе Ионе, божией милостью митрополите киевском, галицком и всея Русии. И издана в родовом поместье пана виленского, верховного гетмана Великого княжества Литовского, старосты гродненского и могилевского, его милости пана Григория Александровича Ходкевича в месте, называемом Заблудов, на собственные средства его милости. А начали печатать эту книгу по воплощении сына божиего в 1568 году месяца июля 8, а окончили в 69-м году месяца марта 17...»

Из предисловия Г. А. Ходкевича к «Учительному Евангелию» 1569 г.: «...Поэтому я, Григорий Александрович Ходкевич, видя такое поучение для христиан в этой книге, захотел, чтобы слово божие умножилось и научение для людей греческой веры распространялось, так как во многих местах книги эти оскудели. И не пожалел дать на это дело от дарованных мне богом сокровищ. К тому же нашел себе и людей, обученных этому печатному делу — Ивана Федоровича Москвитина и Петра Тимофеевича Мстиславца,— и повелел им, сделавши печатный станок, напечатать эту книгу Учительное Евангелие впервые — в честь и хвалу

господу богу... и для поучения людям нашей христианской греческой веры. Помышлял было и о том, чтобы перевести эту книгу на простой язык, чтобы была понятна простым людям, и весьма о том старался. И посоветовали мне мудрые люди, понимающие в таких книгах, что при переводе древних словес на новые немало бывает ошибок, как это и наблюдается в книгах нового перевода. А потому велел эту книгу напечатать так, как она была написана в древности, потому что она каждому доступна и понять ее нетрудно...»

Статья К. Ф. Калайдовича об «Учительном Евангелии» 1569 г. опубликована в журнале «Северный архив», 1823, ч. 5, № 4, с. 318—326.

К главе «Преставился во Львове...».— Мемуары К. Полевого с рассказом об Адаме Чарноцком цит. по: Формозов А. А. Пушкин и Ходаковский.— Прометей, 1974, т. 10, с. 102. Различные документы и высказывания о надгробии Ивана Федорова см.: Тонкова Р. М. О судьбе надгробной плиты Ивана Федорова.— В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.— Л., 1935, с. 157—166; Скр. Й. Монастирські записки про надгробний камінь І. Федорова.— Записки чина св. Василия Великого. Жовква, 1925, т. 1. вып. 2—3, с. 379—380. Письмо М. П. Погодина В. Компаневичу цит. по: Шурат В. Довкола намогильного каменя Ів. Федорова.— Записки чина св. Василия Великого. Жовква, 1924, т. 1. Вып. 1, с. 140.

К главе «Второе московское издание?».— Письмо М. П. Погодина П. М. Строеву цит. по кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Строева. Спб., 1878, с. 137. О работах П. М. Строева, М. П. Погодина, И. П. Сахарова, И. П. Каратаева, В. М. Ундольского и других ученых в области истории русского первопечатания см. наши статьи «Очерки историографии русского первопечатания» и «Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX—XX веках».— Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 5—42; 1964, сб. 9, с. 389—437. Послесловие рукописного «Часовника» цит. по кн.: Строев П. М. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. М., 1841, с. 242—243.

Послесловие Часовника 1565 г.: «...И славный и мудролюбивый над царями царь и великий князь Иван Васильевич всея великия России самодержец, благочестиво правящий Российской державой, на востоке лежащей частью вселенной с прилегающими странами многих земель, от всего сердца пожелал, чтобы царство его украсилось и исполнилось славой божией через печатные книги для надлежащего познания божественных догматов и милосердия и, прежде всего, для очищения от всего земного и для того, чтобы с мудрой осмотрительностью усердно почитать вышнего.

И в силу такой мысли, по повелению благочестивого царя и по благословению преосвященного Макария митрополита всея Русии, составилась эта штанба, то есть печатных книг дело в царствующем граде Москве. В ней же напечатана и эта книга в год семь тысяч семьдесят четвертый [1565], в 31-й год царствования царя и великого князя Ивана Васильевича и во второй год святительства Афанасия митрополита всея Русии, подвигом и прилежанием, трудами и изысканием дьякона Николы чудотворца Гостунского Ивана Федорова да Петра Тимофеева Мстиславца, во славу бога единого в Троице и пречистой богородицы и всех святых. Аминь».

К главе «На Нижегородской ярмарке».— О находках М. П. Погодина см. его статью «О приобретениях на Нижегородской ярмарке».— Москвитянин, 1847, ч. 3, с. 120—122. О «Псалтыри» 1570 г., найденной М. П. Погодиным, см.: Библиографическое известие.— Москвитянин, 1844, ч. 5, № 9, с. 255—256. Экземпляр «Псалтыри», принадлежавший М. П. Погодину, в настоящее время находится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр I.5.34), экземпляр из Тырявы Волошской — в Музее украинского искусства во Львове (шифр Q 332).

Из послесловия «Псалтыри с Часословцем» 1570 г.: «И начали печатать в родовом имении его милости в месте Заблудове лета по рождестве Христа 1569-м месяца сентября 26, а закончена была эта книга в году 70-м месяца марта 23... А трудился многогрешный и непотребный раб именем Иван Федорович Москвитин. Молю всех благочестивых православных христиан, которые будут читать или переписывать эту книгу Псалтырь: если где-нибудь встретите ошибки, следствие моего небрежения, бога ради исправляйте их, а меня не проклинайте, так как писал не дух святой, не ангел, а грешная и бренная рука. Тогда и сами получите благословение от всемогущего бога, ныне и присно и во веки веков».

К главе «Первый календарь».— О И. П. Сахарове см.: Барсуков Н. П. Русские палеологи сороковых годов. Спб., 1880. Рукописи Сахарова хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (фонд 268) и в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (в составе коллекции И. А. Шляпкина — колл. № 154).

О собрании А. Н. Кастерина см.: Бокачев Н. Ф. Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической археологической библиотеке Н. Бокачева. Спб., 1890, с. 122—123.

Первый русский календарь хранится в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр I.2.3. инв. № 96). Листовка факсимильно воспроизведена в кн.: Пташицкий С. Л. Сборник

снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопечатания. Спб., 1895. Ее текст, а также другие поэтические произведения Андрея Рымши опубликованы в кн.: Українська поезія. Кінець XVI — початок XVII ст. Київ, 1978, с. 67—70. Биографические сведения о Рымше см.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974, с. 132—133; Анушкин А. И. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970, с. 115—117.

К главе «Своей Руси услугуючи».— Сборник с «Новым заветом». В. Тяпинского хранится в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр I.1.29). О В. Тяпинском см.: Галенчанка Г. Я Васіль Цяпінскі — паслядоўнік скарынінскай справы.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 171—178. О Симоне Будном см.: Подокшин С. А. Скорина и Будный. Очерк философских взглядов. Минск, 1974. Слова С. Будного цит. по: Голенченко Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный.— Книга. Исслед. и материалы, 1964, сб. 10, с. 146—161.

ЧАСТЬ 2

К главе «А. Е. Викторов не верит авторитетам...».— Список «Личный состав Московского Публичного и Румянцевского музеев на 1 января 1913 г.» см. в кн.: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862—1912.— Исторический очерк. М., 1913, приложение 1 между с. 40 и 41. Портрет А. Е. Викторова — там же между с. 74 и 75. В рассказе о Викторове цит.: Некрасова Е. С. Воспоминание об А. Е. Викторове.— Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности, 1884, т. 33, с. 46—53. О Викторове см.: Толстяков А. П. Алексей Егорович Викторов.— В кн.: Федоровские чтения 1974. М., 1975, с. 61—70; Алексей Егорович Викторов.— Биобиблиогр. указ. М., 1982. Архив А. Е. Викторова находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (фонд 51). Высказывания А. С. Ширяева и П. М. Строева цит. по кн.: Реестр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833; Строев П. М. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836, с. 7.

К главе «Положили на Лампожне».— О вкладных и владельческих записях см.: Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896. Все ранние записи на страницах безвыходных изданий воспроизведены в кн.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964.

К главе «Труд жизни А. Е. Викторова».— Доклад А. Е. Викторова, название которого вынесено в заглавие, см.: Труды 3-го Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, т. 2, с. 211—220. Письмо А. Е. Викторова Л. Е. Кавелину цит. по: Леонид, архим. [Рецензия на книгу И. П. Каратаева]. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Б. м. и б. г., с. 15. Публикация исследования А. Е. Викторова см.: Н е м и р о в с к и й Е. Л. Неопубликованная работа А. Е. Викторова о московских безвыходных изданиях.— В кн.: Федоровские чтения 1974. М., 1976, с. 71—95.

К главе «Кто же первопечатник?».— Грамоты 1556 г. в настоящее время хранятся в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР. Их публикация: Дополнения к Актам историческим, собранным Археографическою комиссиею. Спб., 1846. т. 1, с. 148. Слова Я. П. Бередникова цит. по: Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1843, ч. 40, октябрь — декабрь., отд. 3, с. 58.

Перевод грамоты о Маруше Нефедьеве: «Февраля в 11 день. Велено Маруше Нефедьеву осмотреть камень, который приготовил Федор Сырков на помост для церкви Пречистой к Стретению. От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии в нашу отчину в Великий Новгород дьякам нашим Федору Борисову сыну Еремеева и Казарину Дубровскому. Я послал в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева и велел ему осмотреть камень, который приготовил Федор Сырков на помост к церкви Пречистой к Стретению. И когда Маруша этот камень осмотрит и скажет вам, что он годится к церковному помосту, и гравировать изображения на нем можно, как это сделано в церкви Премудрости божией и в церкви Благовещения возле Аркажа монастыря, то вы этот камень осмотрите сами, и мастеров для этого дела подберите, кто бы мог сделать изображение такое же, как в церкви Софии Премудрости божией. А может быть, и сам Маруша захочет на том камне попробовать свои силы. И вы бы прислали тот камень к нам на образец, камня два или три, вместе с Марушею. И велели бы испробовать все три камня — железницы, и голубицы, и красный. Да Маруша нам говорил, что в Новгороде есть мастер, зовут его Васюк Никифоров и он умеет гравировать разные изображения. И вы бы того Васюка прислали бы к нам с Марушею вместе. А если он не успеет собраться, пусть едет позднее один, но так, чтобы был в Москве поскорее».

К главе «Ученый архимандрит».— О Л. Е. Кавелине см.: Ш е р е м е т ь е в С. Д. Архимандрит Леонид (Кавелин). М., 1901. Мы цитируем записи на полях принадлежавшего Л. Е. Каве-

лину экземпляра труда И. П. Каратаева, который ныне находится в Музее книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (шифр Е. V.1/8. 2139). Среди работ буржуазной историографии конца XIX— начала XX в. Об Иване Федорове назовем: З а б е л и н И. Е. Первый русский книгопечатник Иван Федоров.— Русь, 1883, № 24, с. 12—16; Б а р с о в Е. В. Творцы книгопечатного дела в Москве.— Древности: Труды имп. Моск. Археол. о-ва, 1914, т. 23. Вып. 2, с. 1—11; С п е р а н с к и й М. Н. Иван Федоров и его потомство. М., 1913; Г о л у б и н с к и й Е. Е. К вопросу о начале книгопечатания в Москве.— Богословский вестник, 1895, февраль, с. 234—238.

ЧАСТЬ 3

К главе «Юбилей».— Конволют с юбилейными материалами 1883 г. находится в личном собрании автора. О юбилее см.: Т о н к о в а Р. М. Иван Федоров в юбилейной литературе.— В кн.: Иван Федоров первопечатник. М. — Л., 1935, с. 179—200. Строфы из стихотворения А. Беземана цит. по кн.: Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. Спб., 1883, с. 2.

К главе «Преступное небрежение Сарницкого».— О кружке «Русская троица» см. вступительную статью А. И. Белецкого к факсимильному изданию альманаха «Русалка Дністрова». Київ, 1972. Рассказ Я. Ф. Головацкого о надгробии Ивана Федорова цит. по статье: Головацкий Я. Ф. Начало и действование Ставропигийского братства в Львове по отношению историко-литературному.— В кн.: Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860. Львов, (1860), отд. 4, с. 471—472. Описание плиты А. С. Петрушевичем, который последним видел ее, см.: П е т р у ш е в и ч А. С. Иван Федоров — русский первопечатник: Ист.-библиогр. рассуждение. Львов, 1883, с. 25. Рассказ о дальнейшей судьбе плиты см.: Т о н к о в а Р. М. О судьбе надгробной плиты Ивана Федорова.— В кн.: Иван Федоров первопечатник. М. — Л., 1935, с. 157—166; М ы ц к о И. З. Документальные данные о надгробии и захоронении первопечатника Ивана Федорова.— В кн.: Федоровские чтения 1978. М., 1981, с. 63—75.

К главе «Когда умер Иван Федоров?».— Цит. запись на экземпляре «Апостола» 1574 г. из собрания Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника Академии наук УССР (шифр Ст. 54010). Вопрос о дате кончины подробно рассмотрен в статье: Н е м и р о в с к и й Е. Л. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров.— Вопр. истории, 1964, № 6, с. 213—215.

К главе «В львовском архиве».— О С. Л. Пташицком см. его автобиографию, опубликованную в кн.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. Спб., 1905. Его публикации см.: Пташицкий С. Л. Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове. 1573—1583. Очерк по неизданным материалам.— Рус. старина, 1884, кн. 3, с. 461—478; Он же. Иван Федоров. Издания Острожской Библии в связи с новыми данными о последних годах его жизни.— Печатное искусство, 1903, июль — август, с. 291—307; Ptaszycki St. Ivan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku.— Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziatu Filolog. Akademii Umiętnośi. 1886, t. 11, s. 1—43. Мы цит. документы об Иване Федорове по их новейшей публикации: Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI— перша половина XVII ст.): Зб. документів. Київ, 1975.

К главе «В Дерманском монастыре».— Публикацию документов Луцкого гродского суда об Иване Федорове см.: Малышевский И. И. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника.— Чтения в Историческом о-ве Нестора-летописца, 1893, кн. 7, с. 95—116.

К главе «Письмо Мартина Сенника».— О взаимоотношениях М. Сенника и Ивана Федорова см.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974, с. 98—100.

К главе «Ученик Гринь Иванович».— Документы о Грине Ивановиче хранятся в Центральном государственном историческом архиве во Львове (фонд 52, № 10; фонд 9, № 46). Мировая Ивана Федорова с Гринем Ивановичем опубликована, в частности, в кн.: Архив Юго-Западной России. Киев, 1904, ч. 1, т. 10, с. 430—433.

К главе «Иван Переплетчик».— О сыне Ивана Федорова и о посмертной судьбе его типографии см.: Ісаевич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975, с. 112—116. Документы, опубликованные Э. И. Ружицким, см.: Ружицкий Е. Нові дані про останій період життя та смерть Івана Федорова.— Архіви України, 1972, № 5, с. 69; Он же. До біографії Івана Федорова.— Там же, 1971, № 4, с. 81—83.

ЧАСТЬ 4

К главе «Саратовский книгочей».— О А. А. Гераклитове см.: Кузнецова Ю. А. Александр Александрович Гераклитов [Материалы для биографии].— Тр./Науч. б-ка Саратовск. гос. ун-та, 1959. Вып. 2, с. 117—127 (приложен «Список печатных работ

А. А. Гераклитова», насчитывающий 85 названий); Немировский Е. Л. Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX—XX в.— Книга. Исслед. и материалы, 1964, сб. 9, с. 389—437 (см. раздел «А. А. Гераклитов» — с. 415—419). Архив А. А. Гераклитова, документы из которого мы цитируем, находится в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР (фонд 38), а также в Научной библиотеке Саратовского государственного университета.

К главе «О водяных знаках...».— О старой технологии изготовления бумаги и о филигранях см.: Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV—XVIII веках. Вильнюс, 1979. Альбом Шарля Брике см.: Briquet C. M. Les Filigranes. Vol. 1—4. Geneve, 1907.

Составленный А. А. Гераклитовым альбом водяных знаков см.: Гераклитов А. А. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

К главе «...Дату точную нашел».— Первым московским печатным изданиям посвящены следующие работы А. А. Гераклитова: До питання про початок московського друкарства.— Бібліологічні вісті, 1925, ч. 1—2, с. 93—97; Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета.— Уч. записки Саратовск. ун-т, 1926, т. 5. Вып. 2, с. 1—20. Саратовские экземпляры безвыходных изданий описаны в статье: Иосипенко Л. Д. Первые издания московской печати в фондах Научной библиотеки СГУ.— Тр./Науч- б-ка Саратовск. гос. ун-та, 1964. Вып. 3, с. 21—31. Стихотворение В. А. Бутенко хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР (фонд 38, вязка 22, № 2, л. 115).

К главе «С линейкой и увеличительным стеклом».— О А. С. Зерновой см.: Каменева Т. Н. Антонина Сергеевна Зернова.— В кн.: Федоровские чтения 1974. М., 1976, с. 123—130 (приложен «Список научных трудов А. С. Зерновой», насчитывающий 16 названий). О фрагменте Нижегородской типографии см.: Зернова А. С. Памятник нижегородской печати 1613 г.— Сборник Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, 1928, вып. 1. с. 57—98. Об использовании буквицы из безвыходной широкошрифтной «Псалтыри» в Дерманской типографии см.: Коляда Г. И. Из истории русско-украинских друкарских связей в XV—XVII вв.— Тр./Среднеазиатск. гос. ун-т, 1955, вып. 19, кн. 8, с. 15.

К главе «Был ли пожар?».— Рассказ Дж. Флетчера цит. по кн.: Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 43. В этой книге изложены и основные выводы А. С. Зерновой, о которых мы рассказываем. Экземпляры «Острожской Библии» с выходными листами как 1580, так

и 1581 г. находятся в Библиотеке Академии наук СССР в Киеве (шифр № 652), в Львовской научной библиотеке имени В. Стефаника (Ст. 11428, Ст. 53314, Ст. 54676), в Национальном музее Кракова и в Народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия в Софии. Недавно такой экземпляр поступил и в Музей книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (в составе собрания А. И. Маркушевича).

К главе «Момент, в высшей степени важный для культуры».— О работах советских исследователей, изучавших обстоятельства возникновения книгопечатания в Москве, см.: Лихачев Д. С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной.— В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 3—10. Об общественно-политических и социально-экономических предпосылках возникновения книгопечатания в нашей стране см.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 21—58. Работы М. Н. Тихомирова о начале книгопечатания собраны в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 292—345.

К главе «Красное и черное».— О технике многокрасочной печати анонимной типографии и типографии Ивана Федорова см.: Сидоров А. А. История оформления русской книги. 2-е изд. М.: Книга, 1964, с. 47—48, 58—60; Его же. Древнерусская книжная гравюра. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 41—43.

К главе «Открытие книголюба Анушкина».— Об А. И. Анушкине см. предисловие Ю. Акутина в кн.: Анушкин А. И. Рассказы о старых книгах. М., 1979, с. 5—7. Наблюдения А. И. Анушкина изложены в его кн.: Во славном месте Виленском. М., 1962, с. 50—51. Параллели к орнаментальному убранству «Евангелия» 1575 г. Петра Тимофеева Мстиславца найдены нами в рукописном «Евангелии» Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр Сол. 53—129).

К главе «Письмо из Львова».— О Ф. Ф. Максименко см.: К 75-летию со дня рождения и 50-летию библиографической деятельности известного украинского библиографа... Федора Филипповича Максименко.— Сов. библиография, 1974, № 4, с. 108; П. Ф. Максименко.— Бібліотекознавство та бібліографія, 1972, вип. 12, с. 141—145. Письмо Ф. Ф. Максименко от 3 марта 1964 г. хранится в архиве автора.

К главе «Он завел в России в 1440 году первое книгопечатание».— О работах А. И. Манкиева, И. В. Нехачина, К. Я. Тромонина см.: Немировский Е. Л. Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси.— Книга. Исслед. и материалы, 1962, сб. 7, с. 239—243.

К главе «Был ли переплетчиком Ганс Переплетчик?».— Письмо Кристиана III Ивану Васильевичу Грозному см.: Снегирев И. М. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иваном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве.— Рус. ист. сборник, 1840, т. 4, кн. 1. с. 117—131. Различные документальные свидетельства о Гансе Богбиндере анализируются в нашей статье: Историографические заметки о начале книгопечатания на Руси.— Книга. Исслед. и материалы, 1962, сб. 7, с. 239—263.

К главе «Похождения немецкого авантюриста».— Высказывание И.-Г. Бакмейстера о Г. Шлитте см.: Бакмейстер И.-Г. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук. Спб., 1779. Анализ различной документации о Шлитте см. в главе «Миссия Ганса Шлитте» в кн.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 61—64. О книге С. Браги см.: Фроловский А. В. Франциск Скорина и Москва.— Труды Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. АН СССР, 1969, т. 24, с. 155—158.

К главе «Придумщики и фальсификаторы».— О «находках» И. Л. Хоменко см.: Рогачевский Л. Сюрпризы Мукачевского монастыря.— Неделя, 1965, № 37, с. 6—7. Письмо И. Л. Хоменко от 29 октября 1965 г. хранится в архиве автора. О «находках» Ю. Шумея см.: Шумей Ю. Преступление во Львове.— Горьковск. рабочий, 1967, 11 дек.; Он же. Таемниця Онуфріївського монастиря.— Вільна Україна, 1968, 29 ноября.

К главе «Иоганн Гутенберг или Степан Дропан?».— О С. Дропане см.: Мацюк О. Я. Чи було книгодрукування на Украї́ні до Івана Федорова.— Архіви Україні, 1968, № 2, с. 3—14; Губко О. До початків українського друкарства.— Там же, 1969, № 3, с. 12—28. Критика этих работ см.: Смідович А. Д. Чи було книгодрукування на Україні до Івана Федорова? — Укр. іст. журн., 1972, № 3, с. 65—69.

ЧАСТЬ 5

К главе «Пиршество глаза и ума».— Об альбоме А. П. Запаско см.: Исаевич Я. Д. Наследие Ивана Федорова.— Книжное обозрение, 1975, 8 августа; Васькив В. Искусство первопечатника.— Львов. правда, 1976, 13 января.

К главе «Рамка «Апостола Луки».— О защите диссертации А. И. Некрасовым см.: Орлов А. С. Библиографические заметки о начале книгопечатания.— В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.— Л., 1935, с. 283—287. Выводы А. А. Сидорова изложены в его монографии «Древнерусская книжная гравюра» (М., 1951).

Об использовании рамки в Литве см.: Владимиров Л. И. От «Апостола» Федорова до «Постиллы» Даукши.— Полигр. пр-во, 1954, № 2, с. 26—28.

К главе «Прототипы».— О Н. П. Киселеве см.: Маркушевич А. И. Николай Петрович Киселев.— В кн.: Федоровские чтения 1974. М., 1976, с. 110—122. О найденных Н. П. Киселевым прототипах заставок Ивана Федорова см.: Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 37—39.

К главе «Из рукописных книг — в печатные».— Идет речь о работах: Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента.— В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 101—154; Ухова Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии.— Записки Отдела рукописей /Гос. б-ка СССР имени В. И. Ленина, 1960. Вып. 22, с. 74—193.

К главе «Музицирующие ангелы».— «Книга пророков» 1489 г. хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (фонд 173, № 20). Цитируются следующие упоминания о заставке с музицирующими ангелами: Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 78—83; Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента.— В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 126—129. Результаты работ В. А. Кучкина и Г. В. Попова изложены в их статье: Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 г.— В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2, с. 104—144.

К главе «Буквицы Израэля ван Мекенема».— О буквицах Мекенема как прототипе старопечатной орнаментики см.: Немировский Е. Л. Орнаментика первых московских печатных книг.— Тр. /Научно-исслед. ин-т полигр. машиностроения, 1962. Вып. 21, с. 37—100; Киселев Н. П. Происхождение московского старопечатного орнамента.— Книга. Исслед. и материалы, 1965, сб. 11, с. 167—198. Письмо Н. П. Киселева от 24 декабря 1962 г. хранится в архиве автора.

К главе «Первая русская гравюра».— «Евангелие», о котором идет речь, впервые описано Л. Е. Кавелиным — см.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893, ч. 1, с. 48. О гравюрах в этой книге см.: Немировский Е. Л. К истории древнерусской гравюры.— Искусство, 1962, № 6, с. 66—69.

К главе «Феодосий Изограф».— О гравюрах Андроника Тимофеева Невежи см.: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1956, с. 126—144. О Дионисии и Феодосии Изографе см.: Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря.

Спб., 1911; Соколова Г. Роспись Благовещенского собора. Л., 1969.

К главе «В поисках оттисков».— О различных оттисках заставки Феодосия Изографа см.: Немировский Е. Л. Гравюра на меди в русской рукописной книге XVI—XVII вв.— В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 94—104.

К главе «Резчик Власий».— О гравюрах, заказанных Иваном Федоровым Власию Эбишу, см.: Исаевич Я. Д. Новое об Иване Федорове.— Вопр. истории, 1979, № 9, с. 172—173; Он же. Новый документ об Иване Федорове.— В кн.: Федоровские чтения 1978. М., 1981, с. 5—13

ЧАСТЬ 6

К главе «Книги первопечатника».— Указатель А. П. Лебедянской «Материалы для библиографии Ивана Федорова 1564—1933 гг.» см.: Иван Федоров первопечатник. М.— Л., 1935, с. 213—282. Первое описание «Хронологии» Андрея Рымши см.: Ундольский В. М. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848, с. 3.

К главе «Римская находка Сергея Дягилева».— Каталог библиотеки см.: The Diaghilev-Lifar Library. London-Monaco, 1975. Об аукционе см.: Мар Н. Книжный аукцион в Монте-Карло: Рассказывает доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн.— Лит. газ., 1976, 11 февраля. Письмо С. П. Дягилева цит. по кн.: Lifar S. Serge Diaghilev, his life, his work, his legend. New York, 1940, p. 423.

К главе «Первая «Азбука».— Публикацию Р. О. Якобсона об «Азбуке» 1574 г. см.: Jakobson R. Iwan Fedorovs Primer.— Harvard Library Bulletin, Vol. 9. Cambridge-Massachusetss, 1955, r. 5—45. Об «Азбуке» см.: Тихомиров М. Н. Первый русский букварь.— Новый мир, 1956, № 5, с. 268—272; Сидоров А. А. Первая печатная русская грамматика.— Славяне, 1954, № 12, с. 21—22; Он же. Новооткрытое издание Ивана Федорова.— Полигр. пр-во, 1955, № 1, с. 30—31; Быкова Т. А. Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников.— Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1955. Вып. 5, с. 469—473; Люблинский В. С. Место памятника и его значение в истории отечественного книгопечатания.— Там же, с. 460—468.

Послесловие Азбуки 1574 г.: «Возлюбленный и честный христианский народ греческого закона. Не от себя написал я это, но от учения божественных апостолов и богоносных святых отцов и от грамматики преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина, сократив до малого, сложил для скорого обучения детей. И если труды мои окажутся достойными вашей любви, примите их с лю-

бовью. А я охотно готов потрудиться над другими угодными вам книгами, если внемлет бог вашим святым молитвам. Аминь. Напечатано во Львове года 1574».

К главе «Новые открытия археографов».— В последние годы изданы следующие описания книг кирилловской печати: Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков/ Науч. б-ка им. М. Горького Ленингр. гос. ун-та. Л., 1970; Кубанська-Попова М. М. Киево-Печерський державний історико-культурний заповідник. Стародруки XVI—XVIII ст. Каталог. Київ, 1971; Шайдакова М. Я. Описание коллекции книг кириллической печати XVI—XX веков Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Горький, 1975; Покровский Н. Н. Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея.— В кн.: Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975, с. 144—148; Соболева Е. А. Русская книга XVI—XVIII веков в фондах Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина. Вологда, 1980; Осипова Н. П. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVIII веков Псковского музея-заповедника. Псков, 1980; Спирина Л. М. Книги кириллической печати XVI—XVIII вв. Загорского историко-художественного музея-заповедника. М., 1981; Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980; Покровский Н. Н. Книги кирилловской печати XVI—XVIII вв. в фондах Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР им. Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982, с. 179—188. Книги львовских собраний описаны в кн.: Максименко Ф. П. Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках. Львів, 1975.

Собрание Пушкинского дома описано в кн.: Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.— Л., 1965. Об археографических экспедициях МГУ см. сб.: Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. О находке «Апостола» в Сибири см.: Тимофеева И. Из глубины веков.— Вечерний Новосибирск, 1977, 19 декабря. Уральские находки описаны в кн.: Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979.

К главе «Приключения Томаса Хотри».— Об английских находках см.: Немировский Е. Л. Неизвестные русские старопечатные книги в Англии.— Сов. культура, 1954, 24 апреля.; Он же. Неизвестные русские старопечатные книги в зарубежных книгохранилищах.— Вопр. истории, 1964, № 2, с. 193—195; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных

библиотеках и неизвестные в русской библиографии.— Тр./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1958, т. 2, с. 5—37; Коляда Г. И. «Грамматикия» Ивана Федорова.— Вестник истории мировой культуры, 1959, № 3, с. 133—145. О копенгагенском экземпляре см.: Зернова А. С. Второе издание букваря Ивана Федорова.— Тр./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1959, т. 3, с. 189—194.

К главе «В замке Фриденштайн».— Факсимильное издание «Азбуки» 1578 г. с подробным комментарием, в котором рассказывается история экземпляра, см.: Grasshoff H., Simmons J. S. G. Ivan Fedorovs griechisch-russisch/kirchen slawisches Lesebuch von 1578 — und der Gothaer Bukvar[1] von 1578/1580. Berlin, 1969. В нашей стране об «Азбуке» 1578 г. впервые рассказал Я. Д. Исаевич в статье: Острозький буквар Івана Федорова.— Україна, 1968, № 9, с. 8—9. См. также: Немировский Е. Л. Выдающийся памятник русской и украинской культуры.— Полиграфия, 1968, № 11, с. 41—44.

К главе «40 «Апостолов» за 80 золотых».— Публикация документа об отце Леонтии см.: Немировский Е. Л. Документальные материалы львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова.— Исторический архив, 1961, № 4, с. 229—235.

К главе «В поисках автографа».— Письмо Р. Я. Луцыка находится в архиве автора. Описание всех сохранившихся экземпляров «Учительного Евангелия» 1569 г. см.: Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979, с. 91—101.

К главе «В обители Раванице в земле Сербской».— О наших югославских находках см.: Немировский Е. Л. Книги Ивана Федорова в книгохранилищах Сербии и Воеводины.— Сов. славяноведение, 1980, № 5, с. 98—103.

К главе «Друг русской книги».— Список трудов Дж. С.-Г. Симмонса, составленный им самим, был опубликован в 1975 г.— к его 60-летию. См.: Simmons J. S. G. An Autobibliography. 1933—1974. Oxford, 1975.

К главе «Происки Антонио Поссевино».— О первом издании книги А. Поссевино «Московия», выпущенном в Вильне в 1596 г., см.: Анушкин А. И. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970, с. 105. Переписка Поссевино и Болоньетти опубликована в кн.: Monumenta Poloniae Vaticana. Т. 6. Cracoviae, 1938. Публикация письма Ивана Федорова саксонскому курфюсту: Губицкий В. Первопечатник Иван Федоров — пушечный мастер.— Вопр. истории, естествознания и техники, 1969, вып. 2 (27), с. 58—63.

К главе «Герб первопечатника».— О типографском знаке Ивана Федорова см.: Лукомский В. К. К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова.— В кн.: Иван Федоров первопе-

чатник. М.— Л., 1935, с. 167—175; Коляда Г. І. Друкарьский знак Івана Федорова.— В кн.: Українська книга. Київ; Харьків, 1965, с. 185—193.

К главе «В Краковском университете».— Обсуждение вопроса см.: Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете.— Сов. славяноведение, 1969, № 1, с. 49—56. Письмо А. Левицкой-Каминьской хранится в архиве автора.

К главе «Музей Ивана Федорова».— См. путеводители: Выдашенко М. Б. Музей Ивана Федорова во Львове. Львов, 1979; Возницкий Б. Г. Олесский замок. Львов, 1977. О Б. Г. Возницком см.: Преловская И. Старый замок.— Известия, 1980, 15 декабря.

К главе «Дружное племя федорововедов».— О «Федоровских чтениях» см.: Батхина Е. В. К истории «Федоровских чтений».— Федоровские чтения 1973. М., 1976, с. 100—104. Общий очерк изучения жизни и деятельности Ивана Федорова см. в наших статьях «Очерки историографии русского первопечатания» и «Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX—XX вв.».— Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8, с. 5—42; 1964, сб. 9, с. 389—437. См. также: Ковальский М. П. Джерела про початковий етап друкарства на Україні. Дніпропетровск, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Евгений Львович
Немировский

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОПЕЧАТНИКА

Рецензенты Е. Осетров, Ю. Селезнев
Редактор Т. Ильина

Художник А. Серебряков

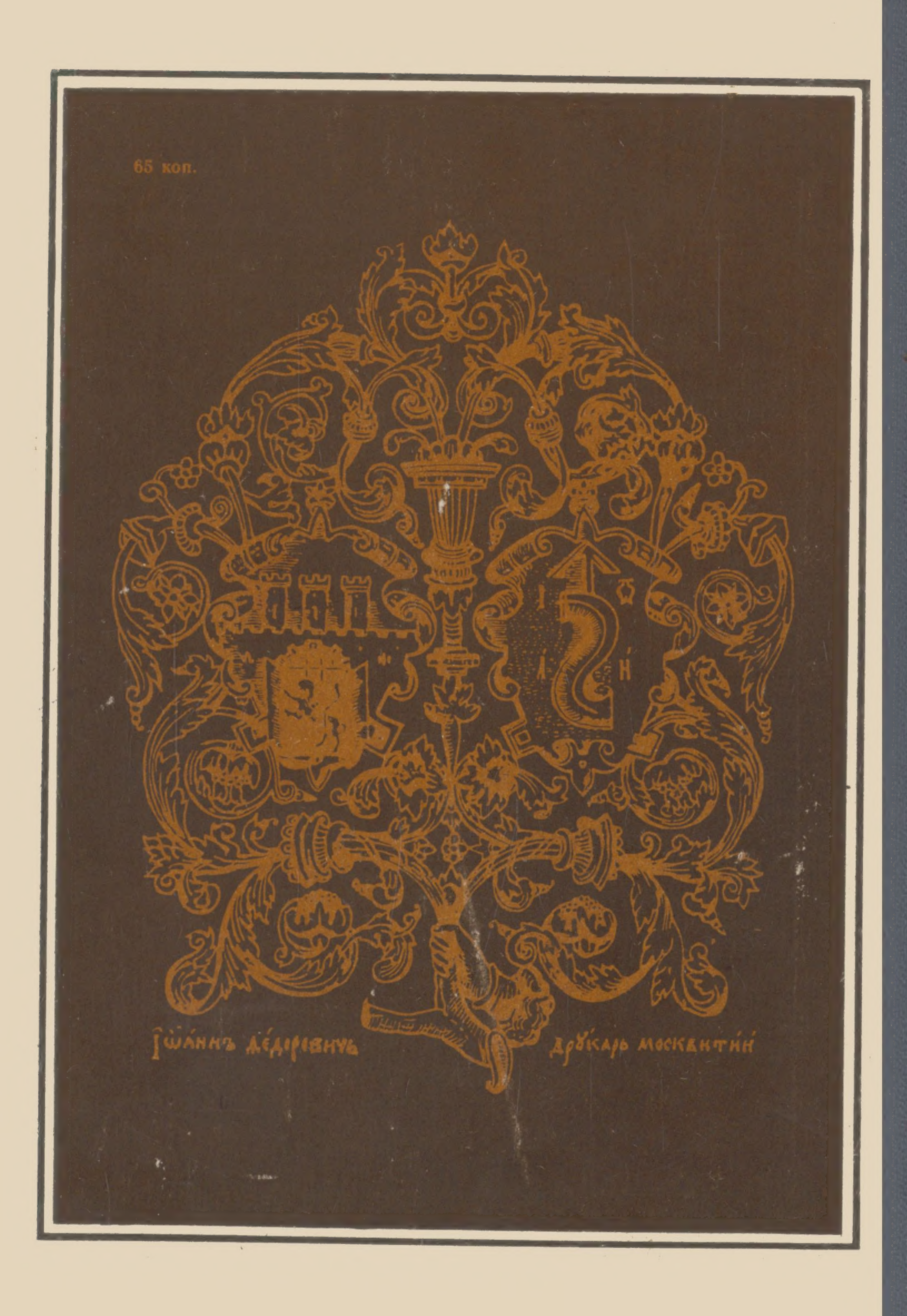
Художественный редактор Г. Саленков

Технический редактор Л. Дунаева
Корректоры М. Курносенкова, О. Червякова

ИБ № 3103. Сдано в набор 02.06.83. Подписано к печати 28.09.83. А 06721. Формат $60 \times 84/_{16}$. Гарнитура тип Таймс. Печать офс. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 12,56. Усл. краск.-отт. 25,58. Уч.-изд. л. 13,01. Тираж 30 000 экз. Заказ 2128. Цена 65 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Республиканская ордена «Знак Почета» типография имени П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск. ул. «Правды», 4

Е.Л. Немировский По следам первопечатника